801-18
1235

А. А. Голомбіевскій.

СОТРУДНИКИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

I. Графъ П. И. Ягужинскій.
II. Князь А. Д. Меншиковъ.

РУМЯНЦЕВ. МУЗЕЙ БИБЛІОТЕКА

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1903.

ГБЛ

Дозволено цензурой. Москва, Августа 2 дня 1903 г.

2007077454

Графъ Павелъ Ивановичъ Ягужинскій [1]) былъ, какъ и большинство крупныхъ «птенцовъ» Петра Великаго, человѣкомъ весьма скромнаго происхожденія. Своимъ необыкновенно быстрымъ возвышеніемъ Ягужинскій былъ обязанъ столько же выдающимся способностямъ, сколько и счастливымъ свойствамъ своего характера. Этотъ «видный мужчина, съ лицомъ неправильнымъ, но выразительнымъ и живымъ, со свободнымъ обхожденіемъ, капризный, самолюбивый, былъ очень уменъ и дѣятеленъ; онъ въ одинъ день дѣлалъ столько, сколько другой не успѣвалъ въ недѣлю». По живости своего характера Ягужинскій бывалъ душою общества. Петръ, въ минуты отдыха, любилъ видѣть около себя искреннюю веселость, равно какъ, окруженный только пассивнымъ повиновеніемъ, онъ любилъ встрѣчаться съ активной дѣятельностью своихъ ближайшихъ сотрудниковъ. Прямой отъ природы, Ягужинскій твердо выполнялъ данное слово, «мысли свои выражалъ безъ лести передъ самыми высшими сановниками, порицалъ ихъ смѣло и свободно», говоритъ о немъ (можетъ быть, нѣсколько преувеличивая) леди Рондо [2]). Мы не можемъ отказать Ягужинскому ни въ значительномъ прямодушіи, ни въ большей честности сравнительно съ другими современниками. Полуполякъ, полулитвинъ по происхожденію, Ягужинскій сдѣлался, по своимъ вкусамъ, языку и преданности интересамъ Россіи, вполнѣ Русскимъ человѣкомъ; популярность же его была такъ велика, что для современниковъ, и своихъ, и чужихъ, онъ былъ просто «Павелъ Ивановичъ».

1.

О молодости перваго генералъ-прокурора намъ извѣстно весьма немного. Родился Ягужинскій въ 1683 г. въ Польшѣ, откуда отецъ его,

[1]) Фамилія пишется различно: Ягужинскій, Ягушинскій; самъ же П. И. подписывался „Егушинской“. Настоящая біографія составлена для I т. „Сборника біографій кавалергардовъ“, гдѣ и помѣщена. Печатается здѣсь съ нѣкоторыми поправками и дополненіями.

[2]) „Письма леди Рондо“, изд. 1836, 99 и 100.

приглашенный въ Москву органистомъ Лютеранской кирки, выѣхалъ подъ видомъ «школьнаго мастера», въ 1687 г., съ женой и дѣтьми. По крайней мѣрѣ намъ извѣстно, что у Павла Ивановича былъ братъ Иванъ, умершій въ 1722 г. въ чинѣ полковника [1]). Позднѣе, благодаря возвышенію перваго изъ своихъ сыновей, и отецъ Ягужинскій перемѣнилъ свою, такъ сказать, духовную карьеру на военную и умеръ въ 1713 г. маіоромъ [2]). Красивая наружность мальчика обратила на него вниманіе начальника артиллеріи Ѳ. А. Головина, и онъ былъ взятъ къ нему въ пажи, а отсюда въ томъ же званіи перешелъ ко двору. Въ 1701 году, 17-ти лѣтъ отъ роду, Ягужинскій изъ былъ зачисленъ въ гвардію, въ Преображенскій полкъ, и, дослужившись до офицерскаго чина, попалъ въ число царскихъ денщиковъ. Для этой должности, требовавшей смѣтливости, исполнительности, способности дѣлать все быстро, кромѣ того, умѣнья угодить Государю и не нажить себѣ враговъ среди окружающихъ высокопоставленныхъ лицъ, съ которыми приходилось часто сталкиваться, Ягужинскій, по своему характеру, былъ человѣкомъ весьма подходящимъ. Голиковъ разсказываетъ чрезвычайно характерный случай посылки Петромъ Ягужинскаго съ поздравленіемъ къ старому боярину, князю Ив. Бор. Репнину. Ягужинскій такъ очаровалъ своей почтительностью, вѣжливостью и вниманіемъ стараго князя (уже вовсе не питавшаго особенно теплыхъ чувствъ ни къ новому направленію въ Русской жизни, ни тѣмъ менѣе къ такимъ иноземнымъ искателямъ счастья, какимъ былъ Ягужинскій), что старикъ щедро одарилъ его и долженъ былъ признаться, что «Государь умѣетъ выбирать людей» [3]). 9 Іюля 1706 года «иноземецъ» П. Ягужинскій, «жительствовавшій при дворѣ его величества», какъ выразился офиціальный документъ, получилъ въ вѣчное владѣніе островъ на р. Яузѣ противъ Нѣмецкой слободы, въ Москвѣ [4]), а въ 1710 году онъ былъ уже камеръ-юнкеромъ и капитаномъ Преображенскаго полка [5]).

Поступивъ на службу, Ягужинскій перешелъ въ православіе, «думая угодить этимъ Царю. Но за перемѣну вѣры Царь не сталъ

[1]) Бергхольцъ говоритъ, что Ив. Ягужинскій не могъ равняться съ братомъ ни умомъ, ни способностями.

[2]) Б.-Каменскій, „Дѣянія полк. и мин. Петра В.“, II, 107.—Юст. Юль въ своихъ запискахъ сообщаетъ, что 17 Іюня 1710 г. онъ былъ „приглашенъ на погребеніе одного изъ членовъ семьи царскаго камердинера, капитана гвардіи П. И. Ягужинскаго“. (Р. Арх., 1892 г., II, 514). Кого именно, неизвѣстно.

[3]) Кн. П. В. Долгоруковъ относитъ этотъ разсказъ къ кн. Андрею Ивановичу Голицыну, указывая что И. Б. Репнинъ умеръ 5 Іюня 1697 года.

[4]) Б. Каменскій, 108, прим.

[5]) Б.-Каменскій, т. II, 108 и 109; Ю. Юль, Р. Арх., 1892 г., III, 128; „Доклады и Приговоры Сената“, изд. Ак. Н., II, 422.

къ нему милостивѣе, хотя впослѣдствіи и былъ радъ этому обстоятельству» [1]); и безъ того карьера Ягужинскаго создалась очень быстро и положеніе его въ это время уже совершенно упрочилось, благодаря расположенію къ нему Петра. Датскій посланникъ Юстусъ Юль свидѣтельствуетъ, что постоянными спутниками Государя въ бытность его въ Петербургѣ были Ягужинскій и Кикинъ. За однимъ столомъ съ ними обѣдалъ Петръ 12 Марта 1711 г. у Ю. Юля [2]). Расторопность и исполнительность Ягужинскаго сдѣлали его «однимъ изъ самыхъ угодныхъ Государю денщиковъ» [3]). А что Ягужинскій былъ очень исполнителенъ, это мы знаемъ изъ разсказа того же Юля. Въ день орденскаго праздника св. Андрея Первозваннаго Датскому посланнику удалось тихонько уйти изъ дома Меншикова домой и лечь спать. Петръ, однако, скоро замѣтилъ отсутствіе Юля и прислалъ за нимъ двухъ посланцевъ, въ томъ числѣ П. Ягужинскаго. «Какъ я ни просилъ его», говоритъ Юль, «идти впередъ, клятвенно обѣщаясь, что, одѣвшись, тотчасъ отправлюсь къ Царю, тотъ (Ягужинскій) не рѣшался покинуть меня и подождалъ, чтобы идти вмѣстѣ» [4]). За то и «милость къ нему Царя такъ велика», говоритъ Ю. Юль, «что самъ князь Меншиковъ отъ души ненавидитъ его и не даромъ: его величество до того привыкъ и расположенъ къ Ягужинскому, что со временемъ послѣднему, вѣроятно, удастся лишить Меншикова царской любви и милости, тѣмъ болѣе, что у князя и безъ того не мало враговъ» [5]).

Помимо успѣховъ по службѣ, около этого времени Ягужинскій сдѣлался богатымъ человѣкомъ, женившись на дочери вдовы Хитрово, Аннѣ Федоровнѣ, состоятельной невѣстѣ [6]). Анна Ѳедоровна была внучка очень извѣстнаго въ XVII вѣкѣ думнаго дворянина Александра Севастьяновича Хитрово и хотя и дальняя, но все же родственница вліятельнѣйшаго и богатѣйшаго человѣка своего времени, любимца царя Алексѣя Михайловича, боярина и оружейничаго Богдана Матвѣевича Хитрово [7]). За женой Ягужинскій получилъ помѣстья въ 12

[1]) Ю. Юль, II, 514. Кн. Долгоруковъ предполагаетъ, что переходъ въ православіе вызванъ былъ намѣреніемъ его жениться на А. Ѳ. Хитрово, принадлежавшей къ старорусской дворянской фамиліи. Это весьма вѣроятно.

[2]) Ю. Юль, III, 128.

[3]) Бассевичъ, Р. Арх., 1865 г., 186.

[4]) Ю. Юль, III, 42.

[5]) Тамъ же, II, 514.

[6]) Точно годъ женитьбы Ягужинскаго намъ неизвѣстенъ, но можно думать, что онъ женился около этого времени (1709 — 1711 г.); въ 1722 г. Бергхольцъ старшей дочери Ягужинскаго даетъ 10—11 лѣтъ (II, 295).

[7]) Отецъ жены Ягужинскаго, Ѳедоръ Александровичъ, умеръ въ 1703 году, а теща, вдова Марья, умерла въ 1712 году. (Д. и Пр. Сената, III, 265 — 167. См. еще М. арх. М Ю., кн. Пр. Сената, № 28/23, л. 571 и далѣе).

уѣздахъ трехъ губерній, а именно: въ Московскомъ, Можайскомъ, Калужскомъ, Алексинскомъ, Каширскомъ, Тульскомъ и Крапивенскомъ, Московской губерніи, въ Бѣлевскомъ, Одоевскомъ и Кромскомъ, Кіевской и въ Данковскомъ и Чернскомъ Азовской губерніяхъ. Но Ягужинскому мало приходилось бывать дома, тѣмъ менѣе могъ онъ лично входить въ управленіе своими многочисленными вотчинами; «за отбытіемъ дому его», пишетъ онъ въ одномъ прошеніи Государю, «отъ сосѣдъ чинятся ему великія обиды и разоренія» [1]).

Съ этого времени и до самаго назначенія генералъ-прокуроромъ Сената Ягужинскій сдѣлался неразлучнымъ спутникомъ Государя во всѣхъ походахъ и заграничныхъ поѣздкахъ. Въ 1711 году Ягужинскій сопровождалъ Петра въ Прутскомъ походѣ и здѣсь, «въ Волосской землѣ, на р. Днѣстрѣ», въ Іюнѣ мѣсяцѣ, вмѣстѣ съ подполковникомъ гренадерскаго драгунскаго полка А. Девіеромъ, Ягужинскій былъ произведенъ изъ капитановъ въ полковники, а 3 Августа пожалованъ въ генералъ-адъютанты [2]), при чемъ «рангъ и трактаментъ» положены были ему «противъ полковниковъ, нововыѣзжихъ иноземцевъ», по 600 рублей въ годъ [3]).

По возвращеніи изъ Прутскаго похода, Петръ отправился въ Карлсбадъ, а оттуда въ Саксонскій городъ Торгау на свадьбу царевича Алексѣя съ принцессой Шарлоттой. Въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ Царя, былъ и Ягужинскій. Петръ возвратился въ Петербургъ въ самомъ концѣ года (29 Декабря), а 19 Февраля 1712 г. въ церкви св. Исаакія Далматскаго совершено было бракосочетаніе Петра съ Екатериной, при чемъ посаженой матерью была царица Прасковья, а приглашать немногочисленныхъ гостей «на старую свадьбу» Царя и на балъ посланы были наканунѣ Ягужинскій и А. Кикинъ, исполнявшіе во время вѣнчанія обязанность «шаферовъ» [4]).

Въ половинѣ Іюня 1712 года Петръ отправился за границу, и Ягужинскій, сопровождая его, побывалъ въ Помераніи, Мекленбургѣ, Берлинѣ и Дрезденѣ. Конецъ года Петръ опять проводилъ въ Карлсбадѣ (Октябрь), гдѣ пользовался минеральными водами, приносившими всегда большую пользу его расшатанному здоровью. Здѣсь Ягужинскій обратился къ Государю съ просьбой, во-первыхъ, размежевать

[1]) М. арх. М. Ю., кн. Сената, № 23/23, лл. 571—626.

[2]) „Августа въ 3 д., въ Пятокъ, царское величество былъ у обѣдни, сего числа пожалованъ въ чинъ, въ генералъ-адъютанты, что̀ при Государѣ, Егужинскій". (Мышлаевскій, „Фельдм. гр. Б. П. Шереметевъ. Военно-походн. журналъ 1711 и 1712 гг.").

[3]) М. арх. М. Ю., кн. Сената, № 21/21, лл. 1411—1419.

[4]) М. Семевскій, „Царица Прасковья", 2 изд., 53; Юрналъ 1712 г. „Маршалкомъ" былъ Меншиковъ.

его земли и разыскать про обиды и разоренія его крестьянъ сосѣдями, «для его отлучекъ отъ Москвы, понеже всегда бываетъ въ походахъ при его царскомъ величествѣ безотлучно» и, во-вторыхъ, «справить за нимъ прожиточное помѣстье умершей его тещи», М. Хитрово. Петръ исполнилъ и ту, и другую просьбу своего любимца и въ собственноручномъ письмѣ прислалъ предписаніе Сенату. Для межеванія земель и розыска былъ назначенъ спеціальный дворянинъ, а приговоромъ 8 Мая 1713 года Сенатъ рѣшилъ: «За его службы и что онъ безотлучно бываетъ при царскомъ величествѣ въ походахъ, послѣ тещи его, вдовы Маріи Ѳеодоровой жены Хитрово, прожиточному помѣстью на Каширѣ, на Тулѣ, въ Алексинѣ, на Соловѣ, въ Можайску пустое, всего 200 чети, быть за нимъ»; «а другимъ сія дача не въ образецъ», оговаривается Сенатское рѣшеніе [1]).

Во время этой поѣздки за границу Ягужинскій получилъ отъ Петра первое дипломатическое порученіе, чему, конечно, способствовало прекрасное знаніе имъ иностранныхъ языковъ [2]). Во второй половинѣ Ноября Ягужинскій былъ посланъ къ Датскому королю, съ извѣщеніемъ о прибытіи Петра съ войскомъ въ Мекленбургъ и съ просьбой поспѣшить соединиться съ нимъ [3]). По возвращеніи изъ заграничной посылки, Ягужинскій начало 1713 г. проводилъ въ Москвѣ, гдѣ у него было нѣсколько домовъ: въ Нѣмецкой слободѣ, въ приходѣ ц. св. Власія и на Знаменкѣ. Здѣсь ему приходилось исполнять различныя порученія какъ Петра, такъ и Екатерины. Черезъ него Царь часто посылалъ указы Сенату, пребывавшему еще въ Москвѣ. Въ Мартѣ Петръ поручаетъ ему потребовать отъ Сената высылки въ Петербургъ нефти и водоливныхъ трубъ и сыскать «такого малаго, который бы умѣлъ гораздо по-голландски и по-русски и чтобъ не очень глупъ, и привези съ собой»; въ Апрѣлѣ Ягужинскій требуетъ «въ комнату» Екатерины «на конюшенный уборъ» 8 половинокъ суконъ «съ суконнаго двора Московскаго дѣла» [4]), а собственноручнымъ письмомъ, отъ 27-го числа того же мѣсяца, извѣщаетъ Сенатъ: «приказомъ государыни царицы Екатерины Алексѣевны объявляю, дабы Андрея Шепелева отъ всѣхъ воинскихъ тяжебъ свободить и для службы пяти сыновъ своихъ ничего съ него не спрашивать» [5]). Въ бытность въ Москвѣ въ этомъ году Ягужинскій посѣщалъ въ Нѣмецкой слободѣ всѣми забытое въ

[1]) М. арх. М. Ю., кн. Сената, 23/23, лл. 571 — 626; Докл. и Приг. Сената, III 265—267.

[2]) Бергхольцъ, I, 89; „Письма и бумаги Петра Вел.", III, 383.

[3]) Б.-Каменскій, „Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи", I, 247.

[4]) Докл. и Приг. Сената, III, 215, 252, 256, 282.

[5]) М. арх. М. Ю., кн. Сената, 23/23, л. 772.

то время семейство бывшей царской фаворитки Анны Монсъ. Біографъ Монсовъ, М. И. Семевскій, видитъ въ этомъ особую «зоркость» Ягужинскаго, умѣніе предугадать будущій ростъ и значеніе свѣтилъ придворной жизни... Но, какъ кажется, рискованныя посѣщенія и связь Ягужинскаго съ опальнымъ семействомъ можно съ бо́льшимъ правомъ истолковать въ его пользу, въ смыслѣ прямодушія и его открытаго, смѣлаго характера. Предвидѣть необыкновенное возвышеніе молодого Монса, только начинавшаго въ то время свою службу и не обратившаго еще на себя вниманія Екатерины, было невозможно; надо думать, что въ это время самъ Монсъ пользовался покровительствомъ царскаго генералъ-адъютанта, человѣка уже въ то время имѣвшаго большое значеніе. Братъ Ягужинскаго, Иванъ, былъ въ очень близкихъ дружескихъ отношеніяхъ съ Вилимомъ Монсомъ; а Павелъ Ивановичъ принималъ участіе и ходатайствовалъ за Монса во время ссоры его съ генераломъ Боуромъ изъ-за оставшихся послѣ сестры пожитковъ и изъза какой-то «дѣвки-Шведки»; позднѣе онъ предостерегалъ и подавалъ совѣты осторожности уже всесильному фавориту. Надо думать, что знакомство семейства Ягужинскихъ съ семьею Монсовъ было давнее, такъ какъ старикъ Ягужинскій занималъ общественную должность при единственной въ Москвѣ Нѣмецкой церкви и, слѣдовательно, былъ извѣстенъ всему населенію Нѣмецкой слободы. Можетъ быть даже, Ягужинскіе были обязаны чѣмъ-нибудь Монсамъ, когда тѣ были «въ случаѣ»; тѣмъ болѣе къ чести Павла Ивановича служитъ то обстоятельство, что онъ не отвернулся отъ нихъ, когда надъ ними стряслась бѣда. Къ чести же его нужно сказать еще и то, что позднѣе, когда В. Монсъ сдѣлался всемогущимъ человѣкомъ, мы не встрѣчаемъ имени Ягужинскаго въ числѣ многочисленныхъ и высокопоставленныхъ лицъ, заискивавшихъ въ фаворитѣ и обращавшихся къ нему съ разными просьбами [1]).

II.

Между тѣмъ неосторо́жныя дѣйствія Меншикова въ Помераніи, секвестръ Штетина и пр. возбудили сильное неудовольствіе Даніи и вызвали оживленный обмѣнъ дипломатическихъ сношеній между двумя государствами, выразившійся въ цѣломъ рядѣ посылокъ Ягужинскаго къ Датскому двору. Возвратившись изъ Москвы, 13 Ноября 1713 г. Ягужинскій посланъ въ Данію, для устныхъ переговоровъ и чтобы условиться относительно предстоявшихъ военныхъ дѣйствій весною слѣдующаго года [2]). Надо предполатать, что Ягужинскій исполнилъ это поруче-

[1]) М. Семевскій, „Цар. Екатерина и Монсъ“, 2 изд., 72, 73, 75, 163.
[2]) Б.-Каменскій, „Обзоръ“, I, 252.

ніе съ необыкновенной быстротой, такъ какъ 10 Декабря того же года онъ уже вторично ѣдетъ съ грамотою къ Датскому королю, для заключенія конвенціи относительно совмѣстныхъ дѣйствій противъ Шведовъ. Ягужинскій былъ отправленъ въ помощь выдающемуся дипломату Петровскаго времени, князю Вас. Лук. Долгорукову, переговоры котораго съ Датскими министрами плохо подвигались. Въ наказѣ, данномъ Ягужинскому, поручалось Русскимъ дипломатамъ внушить Датскимъ министрамъ, что единственнымъ естественнымъ врагомъ Даніи являются Шведы, и что для дальнѣйшихъ успѣховъ Русскимъ нужно содѣйствіе Датскаго флота; Русскія войска и дошли уже «до самаго синуса Ботникуса, а далѣе идти сухимъ путемъ нельзя, а водою кораблей мало». «Такъ какъ мы сами будемъ при войскахъ», писалъ Петръ въ наказѣ, «то чтобы королевское величество изволилъ вручить намъ команду надъ своимъ флотомъ». Но и съ пріѣздомъ Ягужинскаго дѣло не пошло успѣшнѣе; онъ былъ даже того мнѣнія, что пріѣздъ его вреденъ. «Король», пишетъ Ягужинскій царю въ Январѣ 1714 г., «ни во что одинъ не вступаетъ и никакимъ образомъ въ разговоръ безъ министровъ не входитъ; съ министрами дѣло идетъ такъ гнило, что и сказать нельзя, другъ друга дрожатъ, боятся... Мой пріѣздъ сюда оказалъ болѣе помѣшки, чѣмъ пользы; ибо никакъ не хотятъ вѣрить, чтобъ я былъ присланъ безъ большихъ денегъ и думаютъ, что мы съ княземъ Долгорукимъ крѣпимся и безъ крайней нужды имъ денегъ объявить не хотимъ» [1]). На этотъ разъ Ягужинскій пробылъ въ Даніи 4 мѣсяца. Только 6 Марта была подписана конвенція, болѣе или менѣе благопріятная для Россіи. Предполагалось атаковать Карлскрону, при чемъ Данія выставляла 18 кораблей, а Россія 75 т. сухопутнаго войска и 12 кораблей къ Або и, кромѣ того, должна была заплатить 200 т. ефимковъ. Командованіе флотами предоставлялось Петру, а Петръ за то принималъ на себя обязательство побудить Прусскаго короля не вмѣшиваться въ Сѣверную войну. 13 Апрѣля Ягужинскій возвратился въ Россію [2]). Однако, конвенціей 6 Марта не были устранены недоразумѣнія съ Датскимъ дворомъ. 16 Августа Ягужинскій снова отправленъ былъ въ Данію и Пруссію. Результатомъ его переговоровъ было соглашеніе о посылкѣ въ полное распоряженіе короля вспомогательнаго Русскаго корпуса [3]). Кромѣ того, въ этотъ разъ Ягужинскому поручено было Петромъ «достать въ Даніи во всякую коллегію по хорошему члену, а лучше, чтобы они были нестарыхъ лѣтъ,

[1]) Соловьевъ, XVII, 27—29.
[2]) Б.-Каменскій, „Обзоръ“, I, 253.
[3]) Тамъ же, 257 и 258.

дабы могли Россійскому языку удобнѣе научиться, а безъ того по однимъ книгамъ нельзя будетъ дѣлать, ибо всѣхъ циркумстанцій никогда не пишутъ» [1]). 15 Сентября Ягужинскій писалъ гр. Ѳ. М. Апраксину: «трактатъ о войскахъ съ королемъ Прусскимъ не только на нынѣшнюю, но и на будущую кампанію заключенъ... посылка моя только въ томъ состояла, чтобъ о замедленіи въ посылкѣ войскъ оправданіе принесть и короля въ дружбѣ содержать... и тако видится, я комиссіею своею счастливъ». Самому Павлу Ивановичу, однако, на этотъ разъ не посчастливилось: въ Пруссіи онъ вывихнулъ себѣ ногу въ лодыжкѣ и долженъ былъ лежать въ постели, между тѣмъ какъ необходимо было поддерживать сношенія съ королемъ и успокоивать его по поводу медленнаго движенія Русскихъ войскъ. «Король Прусскій мало на насъ глядѣть хочетъ». Тогда Ягужинскій, зная слабость Вильгельма къ «большимъ гренадерамъ» и его скупость, рѣшился его «чѣмъ-нибудь убласкать» и отправилъ къ нему Головкина съ обѣщаніемъ «отъ 50 до 100 человѣкъ большихъ гренадеръ, чтобъ онъ самъ ихъ изъ корпуса Бориса Петровича выбрать велѣлъ... и прилучившіеся, присланные овчинные мѣха, при томъ повезъ и ратификацію. По нашему счастію сіе и удалось, презенты такъ ласково приняты, что сказать не можно, и потомъ ратификацію зѣло благопріятно принялъ» [2]).

Въ бытность Ягужинскаго въ Штральзундѣ, пріѣхалъ къ нему герцогъ Мекленбургскій Карлъ-Леопольдъ, усиленно сватавшійся за вдовствующую герцогиню Курляндскую, Анну Іоанновну. Хлопоты Мекленбургскаго уполномоченнаго Габихсталя не имѣли успѣха, потому что Петръ хотѣлъ выдать за герцога не Анну, а старшую ея сестру, царевну Екатерину Іоанновну, любимицу матери и свою. При личномъ свиданіи, герцогъ, чтобы ускорить дѣло, просилъ содѣйствія Ягужинскаго и, вручивъ ему обручальное кольцо и бланкетъ, заявилъ, что онъ согласенъ жениться на той изъ царевенъ, которую назначитъ царь [3]). Не успѣлъ Ягужинскій возвратиться 8 Января въ Петербургъ, какъ 27 долженъ былъ опять выѣхать за границу, сопровождая царя и Екатерину, повезшихъ съ собой нареченную невѣсту Мекленбургскаго герцога. Дома Ягужинскому почти не приходилось жить и, уѣзжая изъ Россіи въ этотъ разъ, Ягужинскій просилъ Петра назначить кого-нибудь для управленія его имѣніями. Указомъ 20 января 1716 г. назначены были «для надзора за домами и деревнями генералъ-адъютанта Ягужинскаго изъ дворянъ Елагинъ и Тырковъ» [4]). Весь этотъ и слѣ-

[1]) Соловьевъ, XVI, 392.
[2]) Арх. Морск. Штаба, кн. 92/295, стр. 221.
[3]) М. Семевскій, „Цар. Прасковья“, 2 изд., 80.
[4]) Б.-Каменскій, „Обзоръ“, I, 258 и 259; М. Семевскій, „Цар. Прасковья“, 2 изд., 83.

дующій годы прошли въ разъѣздахъ. Ягужинскій побывалъ еще разъ въ Даніи и Голландіи. Но дольше всего прожилъ онъ по случаю свадьбы царевны Екатерины Ивановны и всякихъ празднествъ въ Мекленбургѣ. Въ лицѣ грубаго, взбалмошнаго герцога, Ягужинскій успѣлъ нажить себѣ врага за благоразумный совѣтъ, данный Петру, не вмѣшиваться во внутреннія дрязги и ссоры безпокойнаго Карла-Леопольда съ Мекленбургскимъ дворянствомъ, и, во-вторыхъ, за то, что не очень скупился на Мекленбургскія деньги въ дѣлѣ развода герцога съ его первой женою, дѣйствуя, конечно, въ интересахъ Петра, который былъ очень недоволенъ медленнымъ ходомъ развода, и безъ того совершившагося уже послѣ бракосочетанія герцога съ царевной Екатериной Ивановной [1]). Въ концѣ 1716 года Петръ снова былъ ужъ въ Голландіи, куда должна была пріѣхать и Екатерина послѣ рожденія сына Павла. «Его ц. величество», писалъ Ягужинскій въ Декабрѣ Апраксину, «въ любимомъ своемъ мѣстѣ Амстердамѣ въ добромъ здравіи обрѣтается и, какъ видимо, житью нашему до Апрѣля или Мая здѣсь быть» [2]). Въ бытность въ Амстердамѣ, 3 Февраля 1717 г., Ягужинскому пожаловано было большое имѣніе въ Дерптскомъ округѣ [3]); во время поѣздки Государя въ Парижъ для свиданія съ регентомъ и малолѣтнимъ Людовикомъ XV, Ягужинскій совершалъ это путешествіе въ одномъ экипажѣ съ Петромъ и на его «иждивеніи», а по возвращеніи въ Россію 29 Октября 1717 г. произведенъ былъ въ генералъ-майоры [4]).

III.

Въ слѣдующемъ году Ягужинскому порученъ былъ надзоръ за коллегіями. «Господа Сенатъ!» писалъ Петръ въ указѣ 2 Іюня 1718 г., «въ прошломъ Декабрѣ я при отъѣздѣ своемъ начало учинилъ Коллегіямъ и чтобы оныя въ нынѣшнемъ году себя въ такое состояніе привели, дабы съ будущаго 1719 г. въ состояніи были каждая дѣло свое зачать; а когда возвратился я изъ Москвы, тогда нашелъ въ нѣкоторыхъ немного, а въ иныхъ ничего. Того ради господамъ президентамъ накрѣпко нынѣ подтверждается, дабы коллегіи свои съ ревностью дѣла производили, для котораго побужденія приказали мы генералъ-майору Ягужинскому въ коллегіяхъ часто сей нашъ указъ напоминать, побуждать и смотрѣть, также по вся мѣсяцы рапортовать

[1]) М. Семевскій, „Цар. Прасковья“, 85, 96, 106.
[2]) Арх. Морск. Штаба, кн. 143/441, стр. 52.
[3]) Впослѣдствіи продано было Ягужинскимъ графу Левенвольду за 54.800 р. (Б.-Каменскій, „Дѣянія“, II, 113).
[4]) „Петръ Великій въ Парижѣ“ (Р. Арх., 1864 г., 82); Б.-Каменскій, „Дѣянія“, II, 113; М. Арх. М. Ю., кн. Сен., № 84/300, л. 280.

себѣ, сколько которая коллегія въ который мѣсяцъ авансировала, дабы видѣть ревностнаго и презорца» [1]). Такимъ образомъ уже съ этого времени Ягужинскій дѣлается «окомъ» Государя. Какъ исполнилъ Ягужинскій возложенную на него обязанность — совершенно неизвѣстно; но надо думать, что Петръ остался имъ доволенъ, иначе онъ не назначилъ бы его позднѣе на аналогичный высокій постъ генералъ-прокурора, т. е. приставника - надзирателя надъ Сенатомъ, этимъ излюбленнымъ своимъ дѣтищемъ.

Новыя дипломатическія порученія и посылки скоро оторвали Ягужинскаго отъ исполненія роли надзирателя надъ коллегіями и ихъ вдохновителя. 16 Мая 1719 года Ягужинскій, вмѣстѣ съ Я. В. Брюсомъ и Остерманомъ, назначенъ на Аландскій конгрессъ, а въ началѣ (28 Февраля) слѣдующаго года долженъ былъ отправиться въ Вѣну, къ цесарскому двору «для прекращенія всѣхъ ссоръ и для возстановленія древней доброй и продолжительной дружбы». Кромѣ того, Ягужинскій имѣлъ полномочіе войти въ переговоры о принятіи цесаремъ на себя посредничества для заключенія мира со Швеціей и составленіи оборонительнаго союза. Въ концѣ Апрѣля Ягужинскій пріѣхалъ въ Вѣну и былъ очень ласково принятъ всѣми министрами, начиная съ принца Евгенія; духовникъ императора, Іезуитъ, высказывалъ мнѣніе, что онъ не видитъ въ цѣлой Европѣ другого государя, кромѣ царя, котораго дружба была бы полезнѣе и приличнѣе для императора... 4 Марта посолъ былъ принятъ цесаремъ [2]). Дѣло, однако, отъ этого не подвигалось впередъ. Ягужинскій скучалъ въ Вѣнѣ, жаловался на медленность министровъ, просился въ Россію. «Ягужинскій», говоритъ Бассевичъ, «былъ человѣкъ чрезвычайно талантливый и ловкій, однакожъ, онъ никакъ не могъ приспособиться къ той Испанской важности, которая въ то время составляла отличительную черту Австрійскихъ министровъ и придворныхъ» [3]). Посольство Ягужинскаго осталось безъ всякихъ результатовъ; 10 Марта 1721 г. Ягужинскій имѣлъ «отпускъ» (прощальную аудіенцію) у императора, пожаловавшаго ему на другой день свой портретъ [4]).

Въ бытность въ Вѣнѣ, Ягужинскій сблизился съ Голштинскимъ министромъ Бассевичемъ и вошелъ въ интересы Голштинскаго герцога, о которомъ сообщалъ Петру, что онъ «по своимъ молодымъ

[1]) П. Ивановъ, „Опытъ біографій ген.-прокуроровъ“, 2; М. арх. М. Ю., кн. Сената, № 39/1363, л. 84.

[2]) Соловьевъ, XVII, 274—276; Б.-Каменскій, „Обзоръ“, I, 50.

[3]) Бассевичъ, 187.

[4]) Б.-Каменскій, „Обзоръ“, I, 50.

лѣтамъ, постояннаго состоянія и немалаго ума» [1]). Позднѣе и тотъ, и другой многимъ были обязаны Ягужинскому. Онъ немало содѣйствовалъ успѣху самаго сватовства герцога за цесаревну Анну Петровну, отчасти по политическимъ соображеніямъ, чтобъ «не выпустить столь способный инструментъ къ окончанію войны, если онъ, герцогъ, достанется въ диспозицію Датскую и послѣдовательно въ Англійскую», а также имѣя въ виду и въ будущемъ, что, если онъ «на Шведскій престолъ вступитъ» и будетъ «въ крѣпкой съ его царскимъ величествомъ аліанціи, и тѣ два государства великую совокупятъ силу» [2]).

По возвращеніи въ Россію, Ягужинскій въ томъ же году долженъ былъ принять участіе въ Ништадтскомъ конгрессѣ. Петру такъ хотѣлось во что бы то ни стало заключить миръ со Швеціей, что онъ рѣшался даже уступить Шведамъ завоеванный Россіей Выборгъ. Съ этимъ послѣднимъ полномочіемъ и былъ посланъ 24 Августа Ягужинскій. Остерманъ, опасаясь любви Ягужинскаго разыгрывать важную персону, его нетерпѣливости, а главное, конечно, того, что, въ случаѣ пріѣзда Ягужинскаго, вся честь заключенія мира выпадетъ на его долю, употребилъ хитрость, чтобы задержать пріѣздъ Ягужинскаго. По его просьбѣ, Выборгскій комендантъ И. М. Шуваловъ на цѣлыхъ два дня задержалъ въ Выборгѣ веселаго генерала, а когда Ягужинскій пріѣхалъ въ Ништадтъ, то миръ уже былъ заключенъ, при томъ безъ уступки Выборга [3]). Ягужинскій долженъ былъ примириться съ совершившимся фактомъ и своей неудачею, но не могъ никогда простить этого Остерману.

IV.

Теперь Ягужинскаго ожидало очень высокое назначеніе: 18 Января 1722 г. онъ былъ назначенъ генералъ-прокуроромъ Сената, а 22-го произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Учрежденіе прокуратуры при Сенатѣ вызвано было крайней необходимостью создать надъ нимъ дѣйствительный контроль. Сенату предоставлены были Петромъ обширныя полномочія и громадная власть, но вмѣстѣ съ тѣмъ и полная самостоятельность, къ какой не привыкли Русскіе люди, воспитанные въ традиціяхъ XVII в., поэтому и дѣятельность Сената далеко не соотвѣтствовала возлагавшимся на него надеждамъ: она отличалась медленностью, значительнымъ равнодушіемъ къ государственнымъ интересамъ и къ тѣмъ цѣлямъ, которыя преслѣдовалъ Петръ, и усвоила

[1]) Соловьевъ, XVII, 276; Бассевичъ, 187.

[2]) Гос. арх., XV, 33.

[3]) Б.-Каменскій, „Дѣянія“, II, 115 и 116.

себѣ всѣ недостатки приказныхъ порядковъ, все то, что̀ XVII вѣкъ мѣтко обозвалъ «Московской волокитой». Помимо всего этого, Сенатъ еще постоянно встрѣчался съ недостатками и непригодностью второстепенныхъ органовъ управленія и не имѣлъ въ своихъ рукахъ достаточныхъ принудительныхъ средствъ, чтобы заставить ихъ точно и быстро исполнять свои распоряженія. Петръ сдѣлалъ нѣсколько, болѣе или менѣе неудачныхъ, попытокъ создать контроль надъ дѣятельностью Сената, пока наконецъ, пришелъ къ мысли учредить должности генералъ-прокурора и оберъ-прокурора Сената, созданныхъ указомъ 12 Января 1722 года [1]). Въ краткихъ словахъ обязанности генералъ-прокурора заключались въ слѣдующемъ: онъ долженъ былъ наблюдать не только за правильнымъ, безотложнымъ и законнымъ производствомъ дѣлъ, но и за дѣйствительнымъ исполненіемъ рѣшенныхъ, за справедливостью рѣшенія, которое онъ могъ опротестовать, за порядкомъ въ засѣданіяхъ и исполненіемъ всего по Регламенту, за исполненіемъ своихъ обязанностей фискалами и прокурорами, наконецъ, генералъ-прокуроръ завѣдывалъ Сенатской Канцеляріей [2]). Положеніе не только генералъ-прокурора, но и оберъ-прокурора (замѣнявшаго перваго въ его отсутствіе) было вполнѣ независимое отъ Сената. Они подлежали отвѣтственности предъ самимъ Государемъ, и въ его отсутствіе только по важному преступленію, напримѣръ, по обвиненію въ измѣнѣ, Сенатъ имѣлъ право арестовать ихъ и чинить розыскъ, но безъ употребленія пытки, экзекуціи или наказанія. Генералъ-прокуроръ былъ связующимъ звѣномъ, посредникомъ между Государемъ и Сенатомъ, и, какъ таковой, являлся исполнителемъ всего того, что̀ шло лично отъ Государя чрезъ него въ Сенатъ или предоставлялось Государемъ его непосредственному исполненію. Неудивительно поэтому, что въ царствованіе Петра дѣятельность генералъ-прокурора отличалась обширностью и разнообразіемъ, сталкиваясь со всѣми тѣми различными сторонами Русской государственной, общественной и даже частной жизни, какихъ только касалась всеобъемлющая мысль и могучая воля Великаго преобразователя.

Дѣятельный и энергичный П. И. Ягужинскій былъ какъ нельзя болѣе на мѣстѣ. 5 Февраля 1722 г. издается указъ о правѣ царствующаго Государя назначать себѣ преемника. Вся Россія должна присягнуть этому закону. Въ церквахъ у присяги стоятъ капитаны; по городамъ посланы гвардейскіе офицеры и солдаты; за «благополуч-

[1]) С. Петровскій, „Сенатъ въ царств. Петра“; Опис. докум. М. арх. М. Ю., II, 157—176

[2]) П. С. З., т. VI, 3979.

нымъ и изряднымъ принесеніемъ присягъ» наблюдаетъ генералъ-прокуроръ; ему же поручается принять мѣры противъ Татаръ и Ногайцевъ въ случаѣ смерти хана Аюки; къ нему же обращается Екатерина съ письмами освободить кого-нибудь, состоящаго «подъ протекціей ея величества», отъ службы и т. п. [1]). 15 Мая Петръ, вмѣстѣ съ Екатериной, отправляется въ Астрахань, въ Персидскій походъ. Передъ отъѣздомъ Государь сказалъ въ Сенатѣ, указывая на Ягужинскаго: «Вотъ мое око, имъ я буду все видѣть. Онъ знаетъ мои намѣренія и желанія; что онъ заблагоразсудитъ, то вы дѣлайте, а хотя бы вамъ показалось, что̀ онъ поступаетъ противно моимъ и государственнымъ выгодамъ, вы, однакожъ, то исполняйте и, увѣдомивъ меня о томъ, ожидайте моего повелѣнія». Петръ, возложивъ на Ягужинскаго обязанность надзора за Сенатомъ, поручилъ ему нелегкое дѣло. «Вообще птенцы Петра Великаго, смирные, ручные при немъ, съ яростью клевали другъ друга, лишь только онъ слеталъ съ гнѣзда и оставлялъ ихъ, съ общаго согласія, вѣдать и вершить дѣла имперіи». Въ письмѣ къ Государю, отъ 16 Октября, передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, Ягужинскій сознается, что «сенатское заобычное несогласіе не токмо мною мало могло удержано быть, но наипаче нынѣ ссоры и брани стали быть, и воистину не мало остановки тѣмъ бываетъ». Генералъ-прокуроръ не безъ основанія опасался, что во время его отлучки «не безопасно, чтобъ тѣ партіи страсти своей не продолжали». «Всемилостивѣйшій Государь», заключаетъ Ягужинскій, «я совѣстью своею и всѣми сенаторами засвидѣтельствую, сколько въ томъ вѣрности моей и старанія ни было, однакожъ съ превеликою трудностью при такихъ страстяхъ дѣла̀ въ порядкѣ содержать было можно, особливо будучи безъ всякаго надежнаго вспомощника» [2]). Несмотря на то, что, уѣзжая, Ягужинскій оставилъ въ Сенатѣ «предложеніе... дабы такія партикулярныя ссоры и брани весьма удержавы были, и тѣмъ въ нужныхъ дѣлахъ помѣшательства никакого не чинилось», уже 22 Октября произошла скандальная ссора Шафирова съ Меншиковымъ, въ которой дѣятельное участіе принялъ самъ замѣститель генералъ-прокурора, блюститель законности, оберъ-прокуроръ Скорняковъ-Писаревъ...[3]). Ягужинскій былъ очень недоволенъ «похлебственнымъ (въ отношеніи къ свѣтлѣйшему князю) Писаревскимъ поступкомъ», и неудовольствіе это ясно выразилось въ интересныхъ письмахъ Павла Ивановича къ какому-то неизвѣстному, но вліятельному лицу, всего вѣроятнѣе кабинетъ-секретарю А. В. Макарову, который сопровождалъ Петра въ Персидскій походъ. «Вашему

[1]) Барановъ, „Опис. Сен. Арх.“, № 389.

[2]) Собраніе П. Я. Дашкова; Семевскій, „Цар. Прасковья“, 177 и 178.

[3]) Тамъ же; Соловьевъ, XVIII, 142 и 143.

превосходительству извѣстно», пишетъ Ягужинскій, «товарищъ мой какого состоянія, и страсти, которыя онъ имѣетъ, извѣстны всему свѣту, и зѣло удивительны его поступки, особливо въ Почепскомъ дѣлѣ: такъ за князя рѣжется и. чаю, приговоровъ съ десять переписываноотъ него, что гдѣ можно крючки вскинуть, то не пропуститъ... Григорій Григорьевичъ (Писаревъ), рьяся противъ сего не по его нраву учиненнаго дѣла (Почепскаго), вступилъ чуть не со всѣми сенаторами въ злобу, а особливо съ Петромъ Павловичемъ (Шафировымъ) за брата его Михайла, котораго между иными поносительными словами написалъ въ предложеніи своемъ *Жидовскаго рода и отца ихъ холопа боярскаго Шанявку* *). Я надѣюсь, что такая моей апробаціи не можетъ имѣть: ибо когда, милостію государевою, однажды уже кто посвященъ, прежнія всѣ низости и малородствы тѣмъ покрыты. За оберъ-фискала также распинается, и не безъ подозрѣнія онъ мнѣ». Характеризуя положеніе дѣлъ въ Сенатѣ, Ягужинскій пишетъ: «Во всю бытность съ опредѣленія моего въ прокурорство по своему слабому уму исправлялъ я, какъ въ присутствіи господина оберъ-прокурора, такъ и въ отбытіи его, по всякой возможности и съ прилежаніемъ; но понеже какъ въ семъ Россійскомъ народѣ застарѣлый обычай манитъ, и не токмо такимъ образомъ, чтобъ по дружбѣ или свойству въ чемъ-нибудь государственному интересу и указамъ государевымъ непротивномъ токмо вспомогая, чтобъ скорѣе, мимо ряда и регестра, дѣло къ вершенію привесть, чинили; нынѣ же, не опасаясь ни Божія, ни государева гнѣва, забывъ совѣсть, чинимыя дѣла видѣть принужденъ, а особливо въ дѣлѣ Почепскомъ помогателя и страдателя оберъ-прокурора, который не токмо какъ стряпчій за свѣтлѣйшаго князя, но сверхъ того криво толкующе государевы указы»... «Хотя я», продолжаетъ Ягужинскій, «вѣрнымъ и истиннымъ своимъ желаніемъ радъ бы въ дѣлахъ и трудъ свой прилагать, какъ Государю и народу надобно, но препятствуетъ мнѣ перво неискусство мое въ дѣлахъ, второе окруженъ все коварными и лукавыми людьми, которые при смотрѣніи государева интереса и партикулярные не назади оставляютъ». Предлагая при этомъ нѣкоторыя мѣры, Ягужинскій совѣтуетъ (нанося тѣмъ, конечно, ударъ Меншикову) выдѣлить коммиссаріатскую часть изъ вѣдѣнія Военной Коллегіи: «Зѣло нужно, чтобъ имѣть одного генерала-кригсъ-коммиссара, который бы не имѣлъ депенденцію отъ Военной Коллегіи, или бы нынѣ, хотя до выбора онаго, оберъ-штеръ-кригсъ-коммиссаровъ изъ той команды взять; ибо офицеры, всегда подъ командою будучи, всегда въ опасеніи и ихъ указовъ, прямо-ли, криво-ли

*) Имѣется въ виду еврейское происхожденіе Шафирова.

послушны, а сіе коммисарство во всемъ свѣтѣ отдѣльно, а сумма денежная зѣло велика». Въ самомъ Сенатѣ генералъ-прокуроръ предлагаетъ учредить вторую должность оберъ-секретаря: «зѣло потребно другой оберъ-секретарь, понеже несказаемая бездна дѣлъ, къ тому же небезподозрителенъ одинъ и можетъ партіи имѣть, а когда другой будетъ, то одинъ за другимъ глаза» [1]).

Болѣе доволенъ былъ генералъ-прокуроръ состояніемъ и дѣятельностью коллегій и ихъ прокуроровъ, хотя и писалъ Петру, что «воистину трудно было людей достойныхъ сыскивать». Въ чрезвычайно любопытномъ письмѣ, отъ 18 Октября, Ягужинскій сообщалъ Петру, что «въ коллегіяхъ которые опредѣлены прокуроры не токмо должность званія своего исправляютъ прилежно, но и сверхъ того тщатся гдѣ что могутъ видѣть и исправить къ интересу вашего императорскаго величества нигдѣ не пропущаютъ, и ваше величество изволите при счастливомъ возвратѣ своемъ въ Москву сами освидѣтельствовать, что я сію похвалу имъ неложно придаю, и господа президенты къ нимъ респектъ такой имѣютъ и только зерцало и прокуроровъ твердятъ». Такъ, конечно, было, когда прокуроры находили «подпору» въ генералъ-прокурорѣ. Предвидя, что въ его отсутствіе «можетъ нѣкоторымъ иногда вмѣсто защиты обида чиниться», Ягужинскій проситъ Государя, «чтобы въ такихъ случаяхъ могли они пользоваться собственною высокою протекціею вашего императорскаго величества». Стремясь поставить прокуратуру въ совершенно независимое положеніе, Ягужинскій высказывалъ въ томъ же письмѣ и очень смѣлую и новую мысль о преобразованіи самаго Сената: «я бы желалъ», пишетъ онъ, «чтобъ Сенатъ изъ такихъ среднихъ людей былъ сочиненъ, то-бъ сильныхъ особъ споровъ и браней меньше было» [2]).

Многіе современники указываютъ на прямоту и честность, независимость и стойкость характера Ягужинскаго; но, кромѣ того, извѣстно еще нѣсколько фактовъ, правда случайныхъ, которые, какъ кажется, подтверждаютъ эти отзывы о первомъ генералъ-прокурорѣ. Два изъ этихъ фактовъ особенно любопытны: о первомъ разсказываетъ Бергхольцъ, второй находится въ дѣлахъ Тайной Канцеляріи, въ Госуд. архивѣ. «Когда кн. Валашскому (Кантемиру)», разсказываетъ Бергхольцъ, «былъ подаренъ домъ въ Москвѣ, онъ обратился къ бывшему у Меншикова на балу въ числѣ гостей Ягужинскому съ просьбой дать какое-нибудь письменное распоряженіе или указъ объ этомъ. Генералъ-прокуроръ поздравилъ князя, но относительно письменнаго приказа

[1]) Сен. арх., д. № 215 (по секретной описи), стр. 7/30, 9/34.
[2]) Оба письма изъ собранія П. Я. Дашкова.

сказалъ, что нужно сперва просить Государя, такъ какъ онъ, Ягужинскій, одинъ разъ навсегда и во всѣхъ дѣлахъ долженъ, по соглашенію съ Государемъ, ожидать письменнаго его повелѣнія и ни въ какомъ случаѣ не руководствоваться одними словесными приказаніями. Князю Валашскому отвѣтъ этотъ, казалось, не совсѣмъ понравился» [1]). Приблизительно въ это же время у царицы Прасковіи Ѳеодоровны случилась значительная непріятность: одинъ изъ стряпчихъ ея двора, В. Деревнинъ, поднялъ и утаилъ оброненное фаворитомъ царицы В. А. Юшковымъ какое-то «цыфирное» письмо, писанное къ нему царицею. Пропажа письма сильно обезпокоила царственную старушку. Стряпчій Деревнинъ не сознавался однако въ похищеніи таинственнаго письма и, обвиненный Юшковымъ въ кражѣ денегъ, сидѣлъ въ Тайной Канцеляріи. Недовольная законнымъ, но медленнымъ ходомъ дѣла, царица однажды вечеромъ явилась въ «Тайную» въ сопровожденіи слугъ и, допущенная къ колодникамъ для подачи милостыни, подвергла узника истязаніямъ и изощреннымъ пыткамъ, которымъ позавидовали бы профессіональные мастера этого дѣла. Потерявшій голову караульный офицеръ, боясь отвѣтственности, посылалъ то къ Скорнякову-Писареву, то къ Бутурлину, но тѣ подъ разными предлогами уклонились отъ вмѣшательства. Наконецъ извѣстили самого генералъ-прокурора, и Ягужинскій немедленно пріѣхалъ въ Тайную, хотя и было уже поздно. «Что̀ хорошаго, государыня, что изволишь ѣздить ночью по приказамъ? Безъ именного указа отдать невозможно», твердо отвѣчалъ Ягужинскій на просьбы царицы отдать ей Деревнина и велѣлъ отвести колодника подъ караулъ къ себѣ домой. Конечно, генералъ-прокуроръ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ во имя порядка и законности, нарушенныхъ царицею [2]).

Независимый въ своихъ поступкахъ, Ягужинскій имѣлъ во многихъ случаяхъ болѣе широкій взглядъ на вещи, чѣмъ большинство его современниковъ. Когда однажды Сенатъ затруднился назначить прокурорами въ надворные суды дворянъ Отяева и Кутузова, генералъ-прокуроръ заявилъ, что онъ «не признаетъ за ними никакого явнаго пороку и мнитъ въ томъ быть нѣкоторой страсти», а потому «и принимаетъ въ томъ отвѣтъ предъ его величествомъ на себя» [3]). Другой разъ, находившійся подъ судомъ, по доносу фискала Нѣговскаго, Казанскій губернаторъ Салтыковъ просилъ выдать ему копію съ допроса. Сенатъ склонялся къ тому, чтобы не давать копіи, такъ какъ дѣло было

[1]) Бергхольцъ, II, 155.

[2]) М. Семевскій, „Цар. Прасковья“, 152—154. (По документамъ Тайн. Канц. въ Гос. Арх.).

[3]) М. арх. М. Ю., кн. Сената, № 84/300, л. 20.

«интересное», т.-е. связанное съ фискальнымъ интересомъ казны; Ягужинскій возсталъ противъ правильности такого мнѣнія и прочелъ указъ о формѣ суда, гдѣ повелѣвается давать отвѣтчикамъ копіи съ пунктовъ, поданныхъ челобитчиками. Сенатъ согласился съ мнѣніемъ генералъ-прокурора [1]).

Ревностно исполняя страшную по обширности власти и по близости къ Государю обязанность генералъ-прокурора, Ягужинскій въ тоже время, по словамъ Бергхольца, какъ это ни неожиданно, исполнялъ не менѣе непріятную для многихъ обязанность надзирателя за ассамблеями. Генералъ-прокуроръ исполнялъ ее усердно, не только по обязанности, но и по своимъ личнымъ вкусамъ. Въ то время для большинства эти балы были не удовольствіемъ, а тяжелой повинностью. Ягужинскій, «царь всѣхъ баловъ», нерѣдко требовалъ даже списки бывшихъ и не бывшихъ на вечерѣ, а оказаться «нѣтчикомъ» на ассамблеѣ было не безопасно: это могло имѣть почти такія же непріятныя послѣдствія, какъ и оказаться въ «нѣтчикахъ» по службѣ. «Ягужинскому», говоритъ Бергхольцъ, «никто не смѣетъ ни въ чемъ отказать, и ужъ если онъ чего захочетъ, непремѣнно надо исполнять», включительно до требованія подгулявшаго генералъ-прокурора, рѣдко уже въ то время бывшаго трезвымъ къ вечеру, «танцовать безъ конца, танцовать до упаду».

Въ послѣдній годъ жизни Петра В., Ягужинскій, при учрежденіи для коронаціи Екатерины роты драбантовъ или кавалергардовъ, былъ назначенъ ея командиромъ съ чиномъ капитана-поручика. Въ день коронаціи ему пожалованъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго [2]).

V.

Въ своей семейной жизни съ первой женою Ягужинскій не былъ счастливъ, хотя имѣлъ отъ нея сына и 3 дочерей [3]). Окончательный разладъ между супругами обнаружился около 1721 года. Ягужинская никуда почти не выѣзжала, такъ что Бергхольцъ видѣлъ ее только разъ, въ началѣ 1722 г., и говоритъ что она «впала въ совершенную меланхолію и постоянно больна, что̀ очень огорчаетъ генерала».

Тоже подверждается и въ запискахъ Бассевича. Бассевичъ увѣряетъ, что Ягужинскій долго колебался и не начиналъ дѣла о разводѣ, пока самъ Петръ «силою своихъ доводовъ» не побудилъ его

[1]) М. арх. М. Ю., кн. Сената, № 54/1935, л. 153.

[2]) Б.-Каменскій, „Дѣянія“, II, 121.

[3]) Бергхольцъ ошибается, говоря, что у Ягужинскаго было 2 сына и 2 дочери.

къ этому [1]). Какъ бы то ни было, но 22 Сентября 1722 г. Ягужинскій подалъ въ Синодъ прошеніе, въ которомъ, умалчивая еще о невѣрности жены, просилъ «развязать» его съ нею, выставляя мотивомъ ея «христіанскому закону противные поступки и иныя чинимыя мерзости... наипаче же бы малыя мои дѣти отъ такой непотребной матери вовсе не пропали». Указъ Синода послѣдовалъ 21 Августа 1723 г. о разводѣ, и Ягужинская была сослана по именному указу Государыни Екатерины Алексѣевны въ Переяславль-Залѣсскій Ѳеодоровскій монастырь, гдѣ и умерла въ 1733 году.

«Развязавшись» съ больной женою и отправивъ своего старшаго сына (мальчика лѣтъ 8-9, очень похожаго, по отзыву Бергхольца, на отца) въ Германію, гдѣ онъ долженъ былъ воспитываться вмѣстѣ съ сыномъ Бассевича, съ которымъ въ это время Ягужинскій былъ на «ты» [2]), Павелъ Ивановичъ поспѣшилъ взять разрѣшеніе Синода «на второбрачное сочетаніе» [3]). 3 Октября совершенъ былъ сговоръ Ягужинскаго съ дочерью великаго канцлера гр. Г. И. Головкина, Анной Гавриловной. Невѣста, по отзыву современника, не могла назваться хорошенькой, такъ какъ лицо ея было попорчено оспой, но она отличалась живостью характера и веселымъ нравомъ, прекрасно говорила по-французски и по-нѣмецки, отлично танцовала и была очень стройно сложена [4]). Ко всему этому, несмотря на анекдотическую скаредность великаго канцлера, Ягужинскій бралъ за ней большое приданое. 10 Ноября была свадьба Ягужинскаго съ Головкиной. Участникъ торжества, Бергхольцъ, оставилъ подробное ея описаніе, изъ котораго видно, какое дѣятельное и горячее участіе принимали императоръ и Екатерина въ семейномъ праздникѣ своего любимца. Въ Октябрѣ 1724 г. у Ягужинскаго родилась первая дочь Анастасія. Ее крестили герцогъ Голштинскій и Екатерина, отнесшаяся очень тепло къ молодой матери, у постели которой она долго сидѣла. Второй бракъ Ягужинскаго былъ счастливъ: супруги сошлись характерами, любили весело провести время, съ трогательнымъ единодушіемъ расточали вмѣстѣ свои богатства. Бассевичъ говоритъ, что Ягужинскій «настолько же былъ доволенъ своей второй супругой, насколько императоръ своею» [5]).

[1]) Бассевичъ, въ Р. Архивѣ 1865.—Не приводимъ этихъ „доводовъ“ о томъ, что Богъ установилъ бракъ для облегченія человѣчества, что дурное супружество противно волѣ Божіей и пагубно для души и т. п., такъ какъ всѣ эти разсужденія несомнѣнно составляютъ полную собственность Бассевича.

[2]) Бергхольцъ, II, 232, 249. Сынъ Ягужинскаго умеръ въ Германіи 9 Августа 1721 г. (Тамъ же).

[3]) Р. Стар., XVIII, 720.

[4]) Бергхольцъ, III, 251; IV, 145.

[5]) Тамъ же, III, 251; IV, 99.

VI.

Со смертью Петра Ягужинскій терялъ почву подъ ногами. Его благополучіе всецѣло зависѣло отъ государя: въ любви и довѣріи Петра онъ видѣлъ единственную защиту противъ своихъ многочисленныхъ враговъ. Кто бы ни наслѣдовалъ Петру, императрица или великій князь, Ягужинскій долженъ былъ лишиться или всего своего значенія, или во всякомъ случаѣ большей части его. Послѣ смерти Петра, Ягужинскій предпочелъ примкнуть къ новымъ людямъ, которыхъ онъ давно зналъ и съ которыми привыкъ бороться, чѣмъ въ бездѣйствіи ждать опалы, и можетъ-быть гибели, со стороны родовитыхъ приверженцевъ допетровскаго строя. Бассевичъ приписываетъ Ягужинскому важную роль въ событіяхъ, подготовившихъ вступленіе на престолъ Екатерины I; Ягужинскій будто первый сообщилъ Бассевичу о «заговорѣ» въ пользу великаго князя и тѣмъ далъ ему возможность спасти Екатерину и Меншикова, «ничего не подозрѣвавшихъ о готовившейся катастрофѣ» [1]). Конечно, Бассевичу хотѣлось доказать, что Екатерина была возведена на престолъ, исключительно благодаря мудрости такого «геніальнаго мужа», какимъ онъ считалъ себя [2]). Во всякомъ случаѣ изъ разсказа Бассевича видно, что Ягужинскій принималъ активное участіе въ дѣлѣ провозглашенія Екатерины императрицею: онъ былъ посредникомъ между Меншиковымъ и Бассевичемъ и руководилъ въ тоже время дѣйствіями своего тестя, великаго канцлера. Какъ только скончался Петръ, Бассевичъ удачно выбралъ болтливаго Павла Ивановича для того, чтобы распространить среди собравшихся во дворцѣ сановниковъ вѣсть о томъ, что «казна, крѣпость, гвардія, Синодъ и множество бояръ находятся въ распоряженіи Императрицы» и тѣмъ побудить ихъ признать Екатерину наслѣдницей Петра Великаго.

По воцареніи Екатерины, Меншиковъ и герцогъ Голштинскій сдѣлались первыми лицами въ государствѣ, а Ягужинскій на первыхъ же порахъ оказался почти въ явной немилости. «Кредитъ Ягужинскаго кончился», писалъ Саксонскій посланникъ Лефортъ уже черезъ два дня послѣ смерти Петра. «Безпокойный духъ Ягужинскаго и его невоздержанность на языкъ» дѣлали его вовсе нежелательнымъ сотрудникомъ для новой государыни, тѣмъ болѣе, что и самъ Ягужинскій относился крайне несочувственно къ новому направленію въ политикѣ. Екатерина склонялась въ пользу союза съ Англіей и Франціей и, естественно, не расположена была къ дворамъ Вѣнскому, родственному великому князю, и Датскому, враждебному интересамъ герцога Голштинскаго;

[1]) Р. Арх., 1865, 259—264.—[2]) Соловьевъ, XVIII, Прим. 227; Брикнеръ, „Екатерина I“, В. Европы, 1894 г., № 1, 125.

Ягужинскій же былъ преданъ идеѣ Австрійскаго союза и тѣсно связанъ съ Даніей не только старинной дружбой съ посланникомъ Вестфаленомъ, но и пенсіей, которую онъ получалъ отъ Фридриха IX [1]). Герцогъ Голштинскій, естественно, желалъ удалить приверженца Даніи, а враждебные Австріи дипломаты, съ своей стороны, всячески старались очернить Ягужинскаго, какъ сторонника Вѣнскаго двора, и не находили словъ для изображенія его «необузданнаго, грубаго и совершенно безумнаго поведенія» [2]). Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что, тотчасъ по вступленіи на престолъ Екатерины, начались толки о томъ, что Ягужинскій будетъ удаленъ изъ Россіи подъ предлогомъ назначенія его въ какую-нибудь заграничную миссію: то его прочили въ Мадридъ, то въ Вѣну, въ Стокгольмъ и, наконецъ, въ Парижъ. Послѣднее назначеніе мотивировали даже увѣренностью Екатерины въ томъ, что «при дворѣ, на дружбу котораго она вполнѣ могла положиться, Ягужинскій не будетъ въ состояніи ничѣмъ ей вредить» [3]). Въ тоже время Екатерина старалась ограничить власть Ягужинскаго, какъ генералъ-прокурора, такъ какъ онъ, въ качествѣ «ока» государева, «привыкъ во все вмѣшиваться и быть всемогущимъ», и предписала Сенату и коллегіямъ руководствоваться впредь законами и волею Императрицы, а не желаніями генералъ-прокурора. Ставши въ оппозицію, Ягужинскій, по своему горячему характеру, не ограничился однимъ «ворчаньемъ» противъ Меншикова, но и выражалъ свое неудовольствіе, по словамъ Кампредона, «самыми нелѣпыми публичными сценами». Одна изъ такихъ сценъ разыгралась 31 Марта, когда Ягужинскій явился во время вечерни къ гробу Петра Великаго и сталъ публично жаловаться на обиды [4]). Эта выходка, правда, едва не стоила головы генералъ-прокурору. «Вымолилъ прощеніе» Ягужинскому у Государыни любившій его герцогъ Голштинскій, «ivrogne fieffé», начавшій въ это время выступать въ роли общаго примирителя и благодѣтеля. Какъ бы то ни было, положеніе Ягужинскаго въ Апрѣлѣ 1725 г. казалось иностраннымъ дипломатамъ столь отчаяннымъ, что, по ихъ мнѣнію, онъ непремѣнно долженъ былъ «или попасть подъ судъ или въ припадкѣ отчаянія наложить на себя руки» [5]). Однако, ни того, ни другого не случилось. Значеніе Ягужинскаго вскорѣ начало подниматься; онъ пріобрѣлъ себѣ союзниковъ въ лицѣ умнѣйшихъ дѣльцовъ прошлаго царствованія Толстого и Остермана, недовольныхъ самовластіемъ свѣтлѣйшаго князя, а вскорѣ затѣмъ Ягужинскій получилъ непосредственный доступъ къ самой Екатеринѣ, сумѣлъ заслужить временно ея расположеніе и сдѣлаться непремѣннымъ членомъ ея интимнаго кружка. Уже съ лѣта 1725 г. иностранные дипломаты стали замѣчать, что при дворѣ слишкомъ часто стали устраиваться увеселенія, состоявшія въ ночныхъ попойкахъ на открытомъ воздухѣ. Главный устроитель Петровскихъ ассамблей, Ягужинскій, часто дежурившій при Екатеринѣ въ качествѣ генералъ-адъютанта, и теперь былъ незамѣнимъ въ этихъ случаяхъ. «Безотлучное пребываніе» Ягужинскаго близъ Екатерины принесло свои плоды: 30 Августа онъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго, а въ Октябрѣ 1725 г. Кампредонъ находилъ, что Ягужинскій, котораго въ Апрѣлѣ онъ считалъ погибшимъ, «сталъ любимцемъ Императрицы, хотя не сдѣлался ни благоразумнѣе, ни трезвѣе прежняго». Благодаря увлеченію Императрицы удовольствіями, власть Сената сильно расширилась; увеличилось вновь и значеніе генералъ-прокурора. Возвышеніе Ягужинскаго было, однако, временнымъ: уже въ слѣдующемъ году онъ долженъ былъ оставить Сенатъ, а при учрежденіи указомъ 8 Февраля 1726 г. Верховнаго Тайнаго Совѣта не попалъ и въ число его членовъ. По словамъ Прусскаго посланника Мардефельда «Царица положительно не хотѣла назначить его въ Совѣтъ, ибо считала его нерасположеннымъ къ себѣ, что̀ слѣдовало приписать его неукротимой ненависти противъ князя Меншикова» [1]).

VII.

Послѣдній годъ своей дѣятельности въ качествѣ генералъ-прокурора Ягужинскій ознаменовалъ дѣйствіями, которыя доказывали его гуманное отношеніе къ народу, весьма рѣдкое въ то время. Генералъ-прокуроръ находилъ, что пошатнулся «генеральный фундаментъ» Имперіи, земледѣліе и торговля, и хотѣлъ «такъ славнаго государства нерадивымъ смотрѣніемъ не допустить въ конечную гибель и бѣдствіе». Въ Февралѣ 1725 года, когда возникъ вопросъ о пониженіи размѣра подушной подати, Ягужинскій подалъ Императрицѣ записку о бѣдственномъ положеніи земледѣльческаго населенія и «слабомъ состояніи» финансовъ и торговли [2]). «Совѣсть моя долѣе того смотрѣть не можетъ», писалъ генералъ-прокуроръ, «и тако, должность и совѣсть свою очищая, представляю о томъ вашему величеству. Уже нѣсколько лѣтъ хлѣбу родъ худой, и отъ подушнаго сбору происходитъ великая тягость отъ того, что бѣглые и умершіе и взятые въ солдаты съ 719 году не выключены; престарѣлые, увѣчные и младенцы, отъ которыхъ никакой работы нѣтъ, въ тотъ же окладъ положены, а подушныя деньги пра-

[1]) Сборникъ Имп. Истор. Общ. III, 401; LVIII, 4, 14; LXIV, 27, 99, 108, 152, 185, 374.
[2]) Тамъ же, LVIII, 116.
[3]) Тамъ же, LVIII, 4, 53, 293, 466.
[4]) Сборникъ, LVIII, 101, 116; Соловьевъ, XVIII, 275.
[5]) Сборникъ, LVIII, 116, 157, 237; Берхгольцъ, IV, 99.

[1]) Сборникъ, III, 433; XV, 306.—[2]) Гос. Арх., XI, 597; Соловьевъ, XVIII, 280—283.

вять на наличныхъ, чего ради въ такое неурожайное время крестьяне не токмо лошадей и скоть, но и сѣменной хлѣбъ распродавать принуждены, а сами терпять голодъ; и большая часть такихъ, что̀ къ пропитанію своему впредь никакой надежды не имѣють, а великое уже число является умершихъ ни отъ чего иного, токмо отъ голоду (и небезужасно слышать, что одна баба отъ голоду дочь свою, кинувъ въ воду, утопила), и множество бѣгутъ за рубежъ Польскій и въ Башкиры, чему и заставы не помогаютъ». Для поднятія благосостоянія населенія Ягужинскій считалъ нужнымъ: 1) уменьшить еще подушную подать; 2) офицеровъ отпускать поперемѣнно домой и оставлять дома, хотя бы одного изъ младшихъ братьевъ, чтобы крестьяне были «въ призрѣніи и государственные сборы порядочны»; 3) назначить, согласно съ указомъ Петра I, одного изъ сенаторовъ для объѣзда провинцій, снабдивъ его диктаторской властью. Для лучшаго контроля надъ финансами Ягужинскій предлагалъ возстановить Ревизіонъ-коллегію. Относительно торговли онъ находилъ нужнымъ «подумать, чтобъ иностранное купечество не отогнать», но въ тоже время считалъ сенаторовъ совершенно некомпетентными въ коммерческихъ вопросахъ; «въ Сенатѣ люди купечества такъ искусны, какъ я кузнечнаго дѣла», говоритъ онъ. На этотъ разъ дѣло ограничилось одними «разговорами съ сожалѣніемъ и туженіемъ». Но Ягужинскій былъ не такой человѣкъ, который можетъ довольствоваться подобными результатами. Осенью генералъ-прокуроръ снова поднялъ тотъ же вопросъ въ Сенатѣ. Хотя нашлись люди, которые возражали, что неурожай не всеобщій, и лучше всего крестьянъ удержать отъ побѣговъ не облегченіемъ повинностей, а «круглою порукою», Ягужинскому удалось добиться рѣшенія Сената выключить изъ подушнаго оклада убылыхъ, взять съ наличныхъ на 1726 годъ по 60 коп., и нѣсколько сократить армію, расходы на которую покрывались подушными деньгами.

Не попавъ въ Верховный Тайный Совѣтъ, честолюбивый Ягужинскій былъ въ отчаяніи, которое увеличивалось еще и тѣмъ, что въ члены Совѣта былъ назначенъ его недавній союзникъ Остерманъ. Плохимъ утѣшеніемъ для генералъ-прокурора было назначеніе его оберъ-шталмейстеромъ. Ягужинскій сердился на всѣхъ, даже на своего тестя, Великаго канцлера, который также былъ сдѣланъ членомъ Верховнаго Тайнаго Совѣта [1]). Въ видѣ протеста, Ягужинскій пересталъ ѣздить въ Сенатъ; въ тоже время онъ бывалъ при дворѣ лишь въ случаѣ крайней необходимости, предпочитая придворной службѣ съ этого времени «прелести деревенской жизни» [2]). Въ своемъ уединеніи Ягужинскій, однако, оставался не долго.

[1]) Сборникъ, LXIV, 255; III 433.—[2]) Сборникъ, LXIV, 255, 383, 39.

VIII.

3-го Августа 1726 г. Верховный Тайный Совѣтъ опредѣлилъ отправить Ягужинскаго полномочнымъ министромъ на сеймъ въ Гродно. Съ одной стороны, хотѣли удалить изъ Петербурга безпокойнаго генералъ-прокурора, съ другой, враги Меншикова наносили этимъ чувствительный ударъ князю. Меншиковъ сопротивлялся назначенію Ягужинскаго въ Польшу по понятной причинѣ: въ это время на первомъ планѣ стоялъ Курляндскій вопросъ, только что была снята кандидатура Меншикова въ герцоги, и для свѣтлѣйшаго князя было до крайности непріятно участіе его заклятаго врага въ щекотливомъ для него дѣлѣ, сильно затрогивавшемъ его самолюбіе. Ягужинскому предписывалось на сеймѣ «всевозможные труды полагать, дабы Рѣчь Посполитую не допустить до вредныхъ для Россіи предпріятій относительно Курляндіи, особенно не допустить до раздѣла Курляндіи на воеводства, также до утвержденія принца Морица и до избранія принца Гессенъ-Кассельскаго, и въ необходимости стараться сеймъ разорвать; со стороны же ея величества представлять кандидатовъ прежнихъ, кромѣ князя Меншикова». На Гродненскомъ сеймѣ Ягужинскій дѣйствовалъ со свойственной ему горячностью, по собственному отзыву, «сколько смысла и силы имѣлъ». Усердіе Русскаго посла подтверждается и другими; такъ епископъ Бѣлорусскій Сильвестръ Четвертинскій писалъ въ 1728 г., что «на сеймѣ 1726 г. генералъ Ягужинскій прилагалъ неусыпный трудъ, чтобъ православнымъ была отрада, и получилъ декларацію, что дѣло должно окончиться на конференціяхъ» [1]). Въ главномъ, т.-е. Курляндскомъ вопросѣ, Ягужинскій имѣлъ, однако, менѣе успѣха. Выборы Морица, правда, были кассированы Августомъ II, но Русскимъ интересамъ въ Курляндіи продолжали грозить Польскія притязанія на вассальное герцогство, выразившіяся въ назначеніи особой Польской комиссіи для устройства Курляндскихъ дѣлъ. На всѣ представленія Ягужинскаго противъ этой мѣры онъ слышалъ отъ Поляковъ «одинъ жестокій отвѣтъ, что Русскіе въ ихъ домашнія дѣла не имѣютъ права мѣшаться». Ягужинскій не зналъ что̀ дѣлать: «если прямо вступаться въ дѣло», писалъ онъ, «то ихъ пуще разъярить; если же дать имъ волю, то пуще загордятся». Онъ пробовалъ склонить въ свою пользу приближенныхъ короля. Августу онъ подносилъ «завѣсы Китайскія и обои Персидскіе», сановникамъ обѣщалъ ордена. Польскихъ дамъ, сохранявшихъ сильное вліяніе на стараго, то умиравшаго, то снова оживавшаго Августа II, Ягужинскій дарилъ Сибирскими мѣхами, къ которымъ онѣ чувствовали большую слабость. Въ тоже время гер-

[1]) Соловьевъ, XIX, 52—59, 218.

цогиня Курляндская Анна Іоанновна, также очень заинтересованная исходомъ дѣлъ на сеймѣ, осаждала изъ Митавы Ягужинскаго слезными письмами, умоляя не допустить Польскихъ коммиссаровъ до счета ея деревень и тѣмъ не привести ее «въ великую диспераціо». Въ Петербургѣ были недовольны Ягужинскимъ, и онъ встрѣчалъ во всемъ противодѣйствіе. Меншиковъ старался «поперекъ въѣзжать, зная и не зная состояніе дѣлъ», а Девіеръ прямо писалъ кабинетъ-секретарю А. В. Макарову: «видно наши министры на сеймѣ никакого старанія о Курляндіи не имѣли, а если бы имѣли, то-бъ никогда корона Польская не рѣшилась дѣлать того, что́ на сеймѣ положили». Надо, впрочемъ, сказать, что Ягужинскій и самъ давалъ поводъ своимъ врагамъ къ справедливымъ нареканіямъ: съ одной стороны, онъ черезчуръ усердно хлопоталъ о выгодныхъ иностранныхъ женихахъ для своихъ дочерей, покровительствуя за это людямъ ему угождавшимъ, въ родѣ секретаря Голембовскаго, которому Ягужинскій обѣщалъ мѣсто резидента въ Польшѣ; съ другой, ему попрежнему вредили его все увеличивавшіяся съ годами нетрезвость и болтливость. Нерасположенный къ Ягужинскому камергеръ Митавскаго двора и фаворитъ вдовствующей герцогини М. П. Бестужевъ писалъ о немъ своей сестрѣ кн. Волконской: «Павелъ, будучи пьянъ, одному Саксонскому министру говорилъ, чтобъ ему король далъ здѣсь старостве; «я-де здѣсь останусь, а въ Россію нынѣ не поѣду», и разныхъ другихъ рѣчей болтаетъ множество... Человѣкъ этотъ совсѣмъ плохъ, я чаялъ въ немъ больше пути и дѣла; Антонъ Мануиловичъ (Девіеръ) справедливо о немъ разсуждаетъ: истинно я въ немъ чаялъ больше проку, а теперь вижу, что просто вѣтреница; что́ ни говоритъ, слушать нечего». Самъ же Девіеръ, бывшій при Петрѣ вѣроятно совсѣмъ другого мнѣнія объ Ягужинскомъ, теперь писалъ императрицѣ изъ Митавы, что «будто Ягужинскій подъ рукою Полякамъ говорилъ, чтобъ они никакого опасенія не имѣли, потому что ваше императорское величество въ Курляндскомъ дѣлѣ никакого имъ помѣшательства дѣлать не соизволите, и хотя я во всемъ имъ не вѣрю, однако, бѣшенство его что-нибудь можетъ сдѣлать» [1]). Читая всѣ эти суровые отзывы о дѣятельности Ягужинскаго, не должно забывать, что они исходятъ отъ его враговъ, и можно съ увѣренностью сказать, что личные интересы и выгоды никогда не руководили Ягужинскимъ въ такой мѣрѣ, какъ всѣми тѣми людьми, которые такъ строго его судили и такъ безпощадно осуждали. Въ концѣ Февраля иностранные дипломаты сообщали о скоромъ отозваніи Ягужинскаго изъ Польши, и при этомъ высказывали предположеніе, что его отправятъ на житье

[1]) Соловьевъ, XIX, 59.

въ его деревни [1]). Только 20 Апрѣля Ягужинскій прощался съ королемъ въ Варшавѣ и затѣмъ, имѣя въ карманѣ жалобу короля на Девіера, «возбуждавшаго въ Курляндіи обитателей къ бунту», отправился въ Петербургъ [2]). Онъ прибылъ туда, когда императрица лежала въ предсмертной болѣзни, а Девіера постигла печальная участь: 6 Мая 1727 г. Екатерина скончалась, и заклятой врагъ Ягужинскаго, Меншиковъ, сдѣлался фактическимъ правителемъ государства. Свѣтлѣйшій князь постарался удалить Ягужинскаго изъ Петербурга. Одно время говорили, что онъ будетъ посланъ въ Персію, потомъ его прочили въ Астраханскіе губернаторы, наконецъ состоялось его назначеніе въ Украинскую армію. Канцлеръ, гр. Г. И. Головкинъ, умолялъ Петра II отмѣнить это рѣшеніе, но это повело лишь къ одной изъ первыхъ крупныхъ размолвокъ малолѣтняго Государя съ Меншиковымъ и ссорѣ между княземъ и тестемъ Ягужинскаго; рѣшеніе же отмѣнено не было, и Ягужинскій долженъ былъ ѣхать на Украйну.

IX.

14 Августа Ягужинскій выѣхалъ изъ Петербурга послѣ данной ему отсрочки по случаю смерти тещи, старухи Головкиной [3]). Ссылка продолжалась недолго, и въ самый день ареста Меншикова за Ягужинскимъ былъ посланъ курьеръ. Ягужинскій былъ желателенъ въ это время въ Петербургѣ въ качествѣ врага павшаго временщика. 8 Октября Ягужинскій пріѣхалъ въ Петербургъ, а 24 Октября состоялся указъ о производствѣ его въ генералъ-аншефы; тѣмъ же указомъ онъ былъ назначенъ, вмѣсто Меншикова, капитанъ-поручикомъ кавалергардіи [4]). По возвращеніи, Ягужинскому удалось сойтись съ фаворитомъ кн. И. А. Долгоруковымъ, о женитьбѣ котораго на старшей его дочери, Натальѣ, стали говорить уже въ началѣ 1728 года [5]). Императоръ былъ очень милостивъ къ Ягужинскому, удостоивалъ его своими посѣщеніями, при чемъ засиживался за полночь; очевидно, Павелъ Ивановичъ, умѣвшій развеселить суроваго дѣда, умѣлъ занять и подростка-внука. Въ Ноябрѣ 1727 г. Ягужинскому былъ пожалованъ домъ въ Москвѣ, на Знаменкѣ. Его стали уже прочить то въ оберъ-гофмаршалы, то въ члены Верховнаго Тайнаго Совѣта [6]). Но Ягужинскій все же не игралъ видной роли въ царствованіе Петра II. Онъ былъ въ дружбѣ съ Ле-

[1]) Сборникъ, LXIV, 516.—[2]) Б.-Каменскій, „Обзоръ“, III, 226.—[3]) Депеши Маньяна, Сборникъ, LXXV, 61, 80 и 81; депеши Лефорта, тамъ же, III 485—487, 489.
[4]) Депеши Лефорта, Сборникъ, III, 504; Барановъ, „Оп. Сенат. Арх.“, № 2656.
[5]) Лефортъ, Сборникъ III, 513; V, 301, 307.
[6]) Барановъ, „Оп. Сен. Арх.“, № 2707; Лефортъ, Сборникъ, V, 301, 335; Зап. дюка де-Лириа, „XVIII Вѣкъ“, II, 61.

фортомъ и съ герцогомъ де-Лириа, но дипломатическая его дѣятельность едва ли не ограничивалась переговорами съ посланникомъ Филиппа V объ орденѣ Золотого Руна, который хотѣлось имѣть Государю, и объ Испанскихъ лошадяхъ и мулахъ для царскихъ конюшень [1]). Въ Ноябрѣ 1729 года вопросъ о бракѣ князя И. А. Долгорукова съ Н. П. Ягужинской былъ, повидимому, рѣшенъ окончательно. Сердце фаворита, по словамъ Лефорта, склонялось въ пользу этой невѣсты, но отецъ, кн. Алексѣй Григорьевичъ, преслѣдовавшій совсѣмъ другіе интересы и цѣли, постарался разстроить неравный бракъ своего сына съ дочерью худороднаго поляка, и 24 Декабря состоялось обрученіе князя Ивана съ графинею Н. Б. Шереметевой [2]).

Въ ночь съ 18 на 19 Января 1730 года Ягужинскій, повидимому, старался принять участіе въ рискованномъ предпріятіи ограниченія самодержавія, открыто заявляя, что ему «съ міромъ бѣда не убытокъ». Уже во время совѣщанія верховниковъ о выборѣ государя, Ягужинскій, пробуя почву, началъ говорить кн. С. Г. Долгорукову о необходимости ограничить власть преемника Петра II. «Долго ли намъ терпѣть, что намъ головы сѣкутъ; теперь время, чтобъ самодержавію не быть», будто бы были его подлинныя слова. Когда же Анна была провозглашена Императрицей, Ягужинскій прямо обратился къ князю В. Л. Долгорукову съ просьбой, которая какъ бы доказывала его горячую преданность дѣлу ограниченія самодержавія: «Батюшки мои», воскликнулъ онъ, «прибавьте намъ, какъ можно, воли!» Долгоруковы отнеслись уклончиво и холодно къ горячимъ заявленіямъ Ягужинскаго, и хотя, правда, кн. Д. М. Голицынъ задержалъ его при разъѣздѣ Сената и генералитета вмѣстѣ съ И. И. Дмитріевымъ-Мамоновымъ, Измайловымъ и другими; но въ палату, куда удались верховники для составленія пунктовъ «чтобъ не быть самодержавію», Ягужинскій впущенъ не былъ. Онъ понялъ, что ему нечего дѣлать съ верховниками, и 20 Января, утромъ, отправилъ въ Митаву Голштинскаго камеръ-юнкера П. С. Сумарокова съ неподписаннымъ письмомъ къ Аннѣ и устною инструкціей. Ягужинскій, увѣряя герцогиню въ своей преданности («какъ былъ вѣрный, такъ и нынѣ въ вѣрности пребываю»), увѣдомлялъ, что ограниченіе верховной власти «не во многихъ персонахъ учинено», т. е. противно волѣ большинства, и давалъ ей наставленія, какъ ей держать себя съ посланными въ Митаву депутатами Тайнаго Совѣта: «что станутъ представлять, не всему вѣрить, пока сама изволитъ прибыть въ Москву» [3]). Сумароковъ, благополучно

[1]) Лефортъ, Сборникъ, V, 299; Зап. д. де-Лириа, „XVIII Вѣкъ", II, 28, 141, 189.
[2]) Корсаковъ, „Изъ жизни Русск. дѣятелей XVIII в.", 100, 102.
[3]) Гос. арх., III—6, лл. 14 и 15.

доѣхавшій и повидавшійся съ Анной, не ускользнулъ отъ бдительности кн. В. Л. Долгорукова. 26 Января онъ былъ арестованъ и допрошенъ, а 1 Февраля закованный привезенъ въ Москву генераломъ М. И. Леонтьевымъ, съ которымъ были присланы утвержденныя Анной «кондиціи». 2 Февраля, въ день конференціи Верховнаго Тайнаго Совѣта съ Сенатомъ, Синодомъ и генералитетомъ, въ самомъ засѣданіи Ягужинскій былъ арестованъ и посаженъ въ Кремлевскій казематъ. Послѣдовало нѣсколько арестовъ замѣшанныхъ въ дѣло лицъ. Въ тотъ же день Ягужинскій былъ допрошенъ, на слѣдующій день снова; у арестованнаго были отобраны не только «кавалерія и письма, но ножницы и карандашъ»; бумаги его были разсмотрѣны верховниками и запечатаны. Съ барабаннымъ боемъ было объявлено, что Ягужинскій арестованъ за письмо, написанное имъ Императрицѣ и направленное противъ блага отечества и интересовъ ея величества. Арестъ Ягужинскаго вызвалъ много шума и самыхъ противорѣчивыхъ слуховъ: одни говорили, что арестованный будетъ осужденъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, приговоръ будетъ конфирмованъ Анною на пути въ Москву и исполненъ до ея прибытія; другіе, въ томъ числѣ Лефортъ, напротивъ, утверждали, что верховники уже предлагали арестованному свободу, но Ягужинскій отказался самъ, сказавъ: «Вы меня очернили и снова не можете возвратить мнѣ добраго имени». Впрочемъ, нужно прибавить, что Ягужинскій могъ не особенно тяготиться своимъ заключеніемъ: онъ имѣлъ все необходимое, свою прислугу и хорошій столъ. Былъ еще мало правдоподобный, хотя и подтверждаемый дюкомъ де-Лириа и Лефортомъ, слухъ, что Ягужинскій имѣлъ въ тюрьмѣ два свиданія съ Императрицей. Болѣе близки къ истинѣ разсказы о томъ, что онъ нашелъ возможнымъ установить сношенія съ Анной при посредствѣ своей жены [1]).

Возстановленіе самодержавія имѣло слѣдствіемъ немедленное освобожденіе Ягужинскаго, который получилъ то нравственное удовлетвореніе, что родовитый фельдмаршалъ кн. Долгоруковъ, по приказанію Анны, встрѣтилъ его въ дворцовой передней и возвратилъ ему шпагу и орденъ св. Андрея. Радость Ягужинскаго выражалась со свойственной его характеру страстью: онъ то проливалъ слезы у ногъ Императрицы, то обнимался на придворномъ балу съ Лефортомъ [2]). Можно было думать, что Ягужинскій, оказывавшій и раньше обездоленной вдовствующей герцогинѣ Курляндской разныя услуги, получитъ теперь щедрыя награды отъ Императрицы: Лефорту казалось, что въ коронацію его друга сдѣлаютъ фельдмаршаломъ. Но передъ коронаціей

[1]) Корсаковъ, „Воцареніе Анны Іоанновны", 6, 78, 123—129; Зап. дюка де-Лириа, „XVIII вѣкъ", III, 39, 54; Сборникъ, V, 349—358; XV, 410—412; LXXV, 504 и 505.
[2]) Сборникъ, V, 370, 372.

Ягужинскій получилъ лишь домъ въ Москвѣ, за Яузой, а въ день коронаціи его жена была пожалована въ статсъ-дамы. Награды были не щедрыя; мало того, Ягужинскій былъ отставленъ отъ должности генералъ-прокурора, уничтоженной 5 Марта 1730 года[1]). Для того, чтобы добиться милостей отъ новаго правительства, надо было заручиться покровительствомъ новыхъ случайныхъ людей, примкнуть къ какой-нибудь вліятельной придворной партіи. Изъ числа немногихъ Русскихъ вельможъ Ягужинскій сошелся только съ кн. А. М. Черкасскимъ[2]). Что́ касается Нѣмцевъ, получившихъ преобладаніе при дворѣ Анны, то Ягужинскому пришлось выбирать между двумя партіями, между Остерманомъ и Бирономъ. Ягужинскому трудно было сойтись съ своимъ стариннымъ недоброжелателемъ, и онъ соединился съ Бирономъ и братьями Левенвольде. Скоро Ягужинскій такъ близко сошелся съ фаворитомъ и его приверженцами, что Лефортъ называетъ ихъ даже «закадычными друзьями». Съ этого времени Ягужинскій никогда не пытался, хотя бы наружно, сблизиться съ Остерманомъ. Эта вражда заставила его даже перемѣнить свои взгляды на внѣшнюю политику Россіи: горячо отстаивавшій интересы Австріи при Екатеринѣ I, Ягужинскій при Аннѣ оказался «вовсе не сторонникомъ Вѣнскаго двора» и старался «развязать» съ нимъ дворъ Петербургскій. Австрійскій посланникъ, графъ Вратиславъ, по старой памяти, искалъ содѣйствія Ягужинскаго; но этотъ послѣдній, обнадеживая посланника, въ тоже время заочно хохоталъ надъ нимъ, говоря: «Они считаютъ насъ дураками, очень намъ нужно вмѣшиваться въ отдаленныя распри, тогда какъ мы можемъ у себя наслаждаться покоемъ»[3]). Дружба съ сильной придворной партіей не осталась безъ результатовъ для Ягужинскаго; не смотря на интриги Остермана, старавшагося удалить его въ Польшу, Ягужинскому въ Августѣ 1730 года, было пожаловано дворцовое село Павловское въ Московскомъ уѣздѣ съ 1159 душами[4]), а черезъ мѣсяцъ онъ занялъ прежнее мѣсто генералъ-прокурора въ Сенатѣ, съ прежнимъ вліяніемъ на внутреннія дѣла Россіи. Манштейнъ разсказываетъ, что, при рѣшеніи возникшаго въ то время вопроса о подтвержденіи Лифляндскихъ привилегій, Левенвольдъ выдвинулъ Ягужинскаго для противодѣйствія Остерману, и Ягужинскій пріобрѣлъ генералъ-прокурорство уступкою интересамъ остзейцевъ. Какъ бы то ни было, но правительство пришло къ убѣжденію, что «чинъ генералъ-

[1]) Сборникъ, V, 377; Зап. дюка де-Лириа, „XVIII вѣкъ“, III, 63; Барановъ, „Оп. Сен. Арх.“, № 3754; Соловьевъ, XIX, 272.

[2]) Сборникъ, V, 382; Зап. де-Лириа, „XVIII вѣкъ“, 105.

[3]) Соловьевъ, XIX, 346; „XVIII вѣкъ“, III, 96, 117.

[4]) Барановъ, „Оп. Сен. Арх.“, № 3867; Сборникъ, LXXXI, 206.

прокурора не понапрасну» учрежденъ, и указомъ 2 Октября 1730 г. Ягужинскій былъ возстановленъ въ прежней должности[1]), а 20 Декабря ему же подчиненъ богатый Сибирскій приказъ, изъ котораго онъ долженъ былъ получать и свое жалованье «по рангу»[2]). По отзывамъ иностранцевъ, возвышеніе Ягужинскаго было страшнымъ ударомъ для Остермана; Лефортъ даже высказалъ мнѣніе, что Остерманъ долженъ былъ потерять всякое значеніе и сдѣлаться исполнителемъ приказаній генералъ-прокурора, которому какъ разъ въ это время было повелѣно присутствовать на всѣхъ конференціяхъ по иностраннымъ дѣламъ[3]). Генералъ-прокурора, однако, ждали еще новыя почести и награды. 31 Декабря 1730 г. онъ былъ назначенъ подполковникомъ вновь учрежденнаго лейбъ-гвардіи Коннаго полка, а 19 Января слѣдующаго года, въ годовщину восшествія на престолъ императрицы, Ягужинскій былъ возведенъ въ графское достоинство[4]). Онъ чрезчуръ весело отпраздновалъ полученіе графскаго титула: въ тотъ же день, во дворцѣ, въ присутствіи императрицы, онъ оскорбилъ Остермана, осыпавъ его цѣлымъ потокомъ отборныхъ ругательствъ. Правда, императрица Анна, страстная любительница всякихъ куріозныхъ и шутовскихъ зрѣлищъ, сдѣлала вытрезвившемуся Ягужинскому только легкій выговоръ; но Остерманъ затаилъ въ себѣ злобу и уже къ концу года получилъ возможность сдѣлать своему врагу крупную непріятность, благодаря тому, что около этого времени Ягужинскій нѣсколько разошелся съ своими новыми друзьями, Бирономъ и Левенвольдомъ, и примкнулъ къ кн. Вас. Вл. Долгорукову, врагу всѣхъ придворныхъ Нѣмцевъ безъ различія партій[5]).

X.

10 Ноября 1731 года въ Москвѣ былъ учрежденъ Кабинетъ, который, подобно Верховному Тайному Совѣту, лишалъ Сенатъ его значенія. Ягужинскому было невыносимо обидно, что главную роль въ этомъ учрежденіи, назначенномъ, какъ говорили, «для его обузданія», игралъ Остерманъ. Ягужинскій продѣлалъ въ это время тоже, что́ и при учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта: онъ позволялъ себѣ неприличныя выходки и угрозы противъ Кабинета и вліятельныхъ иностранцевъ; онъ перессорился со всѣми, начиная съ своего тестя,

[1]) Соловьевъ, XIX, 280 и 287; Барановъ, „Оп. Сен. Арх.“ № 3895.

[2]) Барановъ, „Оп. Сен. Арх.“, № 3932; Гос. арх., IX, 18.

[3]) Сборникъ, V, 386; LXXV, 124; „XVIII вѣкъ“, III, 117.

[4]) Барановъ, „Оп. Сен. Арх.“, № 3940; Лобановъ-Ростовскій, Р. Родосл. книга, II, 442.

[5]) Соловьевъ, XIX, 329; Сборникъ, LXXV, 170.

Г. И. Головкина, и дошелъ до того, что не только наговорилъ Бирону грубостей, но даже, какъ разсказываетъ Манштейнъ, обнажилъ шпагу противъ фаворита. Всѣ считали уже Ягужинскаго погибшимъ человѣкомъ, съ которымъ опасно имѣть сношенія, которому угрожаетъ Сибирь; его другъ, Лефортъ пашелъ нужнымъ даже оправдать въ глазахъ Августа II свою близость съ опаснымъ человѣкомъ... но Анна Іоанновна и на этотъ разъ пощадила Ягужинскаго. 18 Ноября онъ былъ назначенъ посломъ въ Берлинъ. При этомъ старались даже этой почетной ссылкѣ придать видъ важнаго дипломатическаго порученія; въ инструкціи Ягужинскому объяснялось, что назначеніе его въ Берлинъ послѣдовало потому, что Императрица рѣшила «имѣть при дворѣ королевскаго величества Прусскаго, ради лучшаго предостереженія высокихъ своихъ интересовъ, знатную персону». Посланнику была выдана при этомъ единовременно крупная сумма въ 20,000 рублей. Но не успѣлъ Ягужинскій выѣхать за предѣлы Россіи, какъ едва не былъ запутанъ въ дѣло, которое могло кончиться его полнымъ паденіемъ.

26 Ноября Ягужинскій выѣхалъ изъ Москвы; 1 же Декабря, по словамъ Лефорта, будто бы посланъ курьеръ съ приказаніемъ догнать его и отправить въ Сибирь, а графъ Головкинъ долженъ былъ дать отвѣтъ по пунктамъ относительно рѣчей и поведенія своего зятя. Едва ли дѣло принимало столь крутой оборотъ, какъ разсказывали, хотя несомнѣнно, что Ягужинскій былъ какъ-то припутанъ къ дѣлу фельдмаршала князя В. В. Долгорукова, котораго, наконецъ, удалось свалить придворной Нѣмецкой партіи: 18 Декабря князь былъ арестованъ, а затѣмъ сосланъ, какъ человѣкъ, который «дерзнулъ не токмо государству полезныя учрежденія непристойнымъ образомъ толковать, но и императорскую персону поносительными словами оскорблять». Лефортъ говоритъ, что арестъ князя В. В. Долгорукова былъ слѣдствіемъ интригъ и болтовни Ягужинскаго[1]); тѣмъ не менѣе этотъ послѣдній остался совершенно въ сторонѣ, вѣроятно, по недостатку уликъ, даже настолько, что такой ловкій дѣлецъ, какъ Остерманъ, не могъ создать предлога для его гибели[2]).

[1]) Сборникъ, V, 439—448. Соловьевъ, XIX, 325—357.

[2]) Быть-можетъ, Лефортъ былъ отчасти и правъ; во всякомъ случаѣ Ягужинскій доставилъ нѣкоторые матеріалы для обвиненія кн. В. В. Долгорукова. Въ началѣ 1731 г. въ Малороссію была послана особая Сенатская комиссія, съ генераломъ А. И. Тараканомъ во главѣ, для изслѣдованія безпорядковъ, допущенныхъ въ управленіи при умершемъ фельдмаршалѣ кн. М. М. Голицынѣ; кромѣ того, Тараканову поручалось построить и заселить Днѣпровскую линію и набрать рекрутъ въ новые полки. Свои секретныя доношенія Тараканов присылалъ непосредственно къ Ягужинскому для доклада Государынѣ, а этотъ послѣдній поручалъ ему „искусно изслѣдовать, чтобы неголосно было, что̀ Е. И. Величеству зѣло будетъ угодно, объ однодворцахъ, которые у старшины въ подданствѣ

Трехлѣтнее пребываніе Ягужинскаго въ Берлинѣ прошло довольно безцвѣтно. Съ одной стороны, вице-канцлеръ (Остерманъ), естественно, старался дѣйствовать на Прусскій дворъ помимо Ягужинскаго и всѣ важнѣйшіе переговоры относительно Польскаго и Курляндскаго престолонаслѣдія поручалъ Левенвольду, ѣздившему для этого въ Берлинъ въ качествѣ спеціальнаго уполномоченнаго; съ другой стороны, Ягужинскій даже въ предѣлахъ предоставленной ему власти долженъ былъ видѣть только полную безуспѣшность всѣхъ попытокъ заставить практичнаго и осторожнаго Фридриха-Вильгельма I помогать (лишь въ угоду Россіи и Австріи) въ Польшѣ Августу III, возведеніе котораго на отцовскій престолъ «было ему непріятно и интересамъ его противно», и бороться на Рейнѣ съ Французами для противодѣйствія кандидатурѣ (болѣе для него выгодной) Станислава Лещинскаго. Нерасположеніе Ягужинскаго къ пруссакамъ было такъ велико, что онъ находилъ удовольствіе сообщать Бирону неодобрительные о немъ отзывы Фридриха-Вильгельма [1]). Само собой разумѣется, что возвращеніе въ Петербургъ было для Ягужинскаго весьма желательно, и этимъ онъ былъ вполнѣ обязанъ Бирону, который все болѣе и болѣе начиналъ тяготиться вліяніемъ Остермана на дѣла и старался найти ему способнаго соперника. Такимъ могъ быть Ягужинскій, врагъ Остермана человѣкъ опытный въ высшей администраціи, имѣвшій за собой блестящее прошлое.

Получивъ предписаніе въ письмѣ отъ 17-го Декабря, за подписью Императрицы, ѣхать немедленно въ Россію, не дожидаясь даже пріѣзда въ Берлинъ своего преемника (Бракеля), Ягужинскій въ началѣ 1735 года возвратился въ Петербургъ, а 28-го Апрѣля былъ назначенъ кабинетъ-министромъ, съ жалованьемъ въ 6000 рублей [2]); тогда же ему была возвращена должность оберъ-шталмейстера, отнятая у него въ 1732 году. Казалось, онъ достигъ верха благополучія: всемогущій временщикъ «чрезвычайно довѣрялъ» ему, и всѣ полагали, что впредь въ Кабинетѣ будетъ дѣлаться только то, что̀ угодно будетъ приказать его новому члену. Англійскій король рекомендовалъ своему резиденту при Русскомъ дворѣ заискивать въ Ягужинскомъ, а г. Рондо, въ отвѣтъ на это, выставлялъ передъ своимъ пра-

утаены, кто ихъ укрывалъ и корыстовался, также и о прочихъ взяткахъ при наборѣ ландмиліціи, до кого бы оныя касаться ни могли“... Изъ отвѣта Тараканова оказалось, что „старшина на мѣсто покойнаго взяли за патрона себѣ кн. В. В. (Долгорукова) и посылали къ нему и просили, чтобы онъ однодворцевъ отнять у нихъ не допустилъ, за что довольно ему обѣщали“, и что, будто, князь не остался равнодушенъ къ этимъ обѣщаніямъ (Гос. Арх., XI—600).

[1]) Соловьевъ, XX, 31—37, 43—45; Сборникъ, LXXVI, 41, 394.

[2]) Гос. Арх., IX—18.—Жалованье было назначено указомъ 23 Сентября (П. Ивановъ, „Оп. біогр. ген.-прок.“, 7).

вительствомъ свою старинную съ нимъ дружбу; князь Радзивилъ не гнушался просить руки дочери Ягужинскаго, а Остерманъ былъ «въ неизреченномъ прискорбіи» по случаю успѣховъ своего недоброжелателя [1]). Анна Іоанновна уговаривала Ягужинскаго и Остермана «забыть прежнія распри и впредь жить въ согласіи»; но Ягужинскій открыто заявлялъ, что онъ «не можетъ ни забыть, ни простить оскорбленій, нанесенныхъ ему вице-канцлеромъ». «Теперь его особенно боятся высшіе чиновники, потому что его приговоры хотя справедливы, но весьма строги и всѣхъ приводятъ въ страхъ», говоритъ леди Рондо, а г. Рондо былъ того мнѣнія, что «развѣ чудо можетъ отклонить близкое паденіе одного изъ этихъ замѣчательныхъ людей». Но не чудо, а естественный ходъ вещей избавилъ современниковъ отъ возможности быть свидѣтелями борьбы между соперниками. Здоровье Ягужинскаго было сильно расшатано черезчуръ безпорядочной жизнью и всякими излишествами. Между тѣмъ онъ не измѣнялъ своего образа жизни и продолжалъ посѣщать такія собранія, какъ, напримѣръ, данный Англійскимъ резидентомъ въ Октябрѣ 1735 г. праздникъ, продолжавшійся до 5 часовъ утра; одинъ списокъ тостовъ, приводимый Рондо, показываетъ, сколько выпито было его гостями [2])...

Въ Январѣ 1736 года Ягужинскій заболѣлъ подагрой и лихорадкой; одновременно заболѣлъ подагрой и Остерманъ. Насколько замѣтнымъ дѣятелемъ былъ Ягужинскій, видно изъ замѣчаній Рондо, что «болѣзнь этихъ двухъ самыхъ дѣятельныхъ министровъ почти остановила теченіе всѣхъ дѣлъ». Сначала болѣзнь Ягужинскаго казалась не опасной, но организмъ больного былъ ослабленъ, болѣзнь затягивалась, и въ Мартѣ друзья его стали опасаться, что онъ уже не встанетъ. Опасенія ихъ сбылись: Ягужинскій умеръ въ часъ ночи на 6 Апрѣля 1736 года [3]) и былъ погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ, у клироса Благовѣщенской церкви [4]).

Памяти его не посчастливилось у потомства. Родъ его прекратился въ слѣдующемъ поколѣніи; вдова его вышла за графа М. П. Бе-

[1]) Соловьевъ, XX, 424; Сборникъ, LXXVI, 394, 406, 508.

[2]) „Письма леди Рондо“, 100; Сборникъ, LXXVI, 458.

[3]) Тамъ же, 478, 493 и 501; Гос. арх., XI—543.

[4]) Опис. Ал. Нев. лавры, 1842 г., 67; въ концѣ столѣтія (XVIII) можно было еще читать эпитафію на его памятникѣ: „Въ семъ освященномъ храмѣ погребено тѣло въ Бозѣ усопшаго высокосіятельнѣйшаго графа, генералъ-аншефа, Россійскихъ орденовъ кавалера, генералъ-прокурора, оберъ-шталмейстера и кабинетнаго министра Ея И. Величества, Самодержицы Всероссійской, также конной лейбъ-гвардіи подполковника, графа Павла Ивановича Ягужинскаго. Его сіятельство скончался въ С.-Петербургѣ 1736 года, Апрѣля въ 6 день, въ началѣ 53 лѣта славы и вѣчной памяти достойной жизни своея“ (П. Ивановъ, „Оп. біогр. ген.-прок.“, 8).

стужева, была замѣша при Елисаветѣ въ Лопухинское дѣло и умерла въ Сибири въ ссылкѣ (при жизни ея второй ея мужъ женился на нѣмкѣ). Самый надгробный памятникъ Ягужинскаго впослѣдствіи былъ вынесенъ расчетливыми иноками изъ церкви и исчезъ безъ слѣда [1]).

Единственнымъ мужскимъ представителемъ рода, пережившимъ отца, былъ пятилѣтній сынъ его отъ второго брака, графъ Сергѣй Павловичъ, который позднѣе, благодаря необыкновенной расточительности, «впалъ въ весьма изнурительное состояніе» отъ долговъ, былъ взятъ въ опеку и умеръ въ старости безъ потомства отъ двухъ браковъ. Кромѣ него, П. И. Ягужинскій имѣлъ 6 дочерей: отъ 1-го брака—Наталью, въ замужествѣ за графомъ Ѳ. И. Головинымъ, Екатерину за В. А. Лопухинымъ, и Прасковью за кн. С. В. Гагаринымъ; отъ 2-го брака, Анастасію [2]), Марію, за графомъ А. М. Ефимовскимъ, и Анну, за графомъ П. Ѳ. Апраксинымъ [3]).

Современники и ближайшее поколѣніе признавали Ягужинскаго человѣкомъ талантливымъ, способнымъ государственнымъ дѣятелемъ, хорошо знакомымъ съ внутренними и внѣшними дѣлами, а нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Гельбигъ, считали его прямо человѣкомъ «необыкновенныхъ способностей». Если Ягужинскій и не былъ геніемъ, то во всякомъ случаѣ Петръ, какъ мы говорили раньше, безъ сомнѣнія приблизилъ его къ себѣ не потому только, что Ягужинскій былъ красивымъ и веселымъ человѣкомъ, а потому, что нашелъ въ немъ сначала исполнительнаго и расторопнаго денщика, а впослѣдствіи дѣльнаго и дѣятельнаго помощника и генералъ-прокурора. Ягужинскій былъ, дѣйствительно, прежде всего человѣкомъ на всѣ руки: никогда онъ не сидѣлъ на мѣстѣ, вѣчно хлопоталъ, то по обязанностямъ службы, то по своимъ или чужимъ дѣламъ. Онъ дѣлалъ много добра, какъ свидѣтельствуетъ леди Рондо. Но около Петра было много способныхъ и

[1]) „XVIII Вѣкъ“, II, 378. Могила гр. Ягужинскаго была рядомъ съ существующей могилой Суворова. Кн. П. Долгоруковъ разсказываетъ, что плита съ надписью изчезла въ 40-хъ годахъ XIX в., послѣ смерти послѣдней представительницы фамиліи Ягужинскихъ, которая при жизни заботилась о могилѣ и присылала деньги на поминовеніе. Это гр. Варв. Ник. Ягужинская, рожд. Салтыкова, вдова гр. Сергѣя Павловича Ягужинскаго; оставивъ по завѣщанію все свое помѣстье крестьянамъ, она умерла 16 Ноября 1843 г., 94 лѣтъ отъ роду, и погребена подъ церковью ея села Сафарина. (См. Рус. Достоп. Мартынова, IV, 177).

[2]) Она была замѣшена въ Лопухинскомъ дѣлѣ. Дальнѣйшая судьба ея неизвѣстна. (Р. Стар., 1874 г., XI, 14, 15).

[3]) Кн. Лобановъ-Ростовскій, Родосл. книга, 442, 443. Покинутая мужемъ, Апраксина съ именемъ Августы, была игуменіей Кіевскаго Фроловскаго монастыря, † 1892 г. („Днев. Храповицкаго“, 24, 442; Р. Арх., 1898 г., XI, 299—306); Р. Стар. 1897 г., I, 224).

дѣятельныхъ помощниковъ; однако, эти качества никому изъ нихъ, кромѣ Ягужинскаго, не дали имени и правъ «царскаго ока». Петръ нашелъ въ Ягужинскомъ, кромѣ способности къ самостоятельной дѣятельности, кромѣ пониманія цѣлей и задачъ, которыя преслѣдовалъ царь (въ чемъ его можно поставить рядомъ съ однимъ только Меншиковымъ) еще качества, довольно рѣдкія въ то время: откровенность и относительную честность. Нельзя сказать, чтобы Ягужинскій былъ вполнѣ свободенъ отъ болѣзни своего вѣка: онъ получалъ пенсіи отъ цезаря и Датскаго короля, бралъ и единовременные подарки отъ иностранныхъ дипломатовъ, не прочь былъ иногда захватить какой нибудь впустѣ лежавшій участокъ земли [1])... Но Ягужинскій въ глазахъ Петра имѣлъ то высокое передъ другими качество, что не скрывалъ своихъ грѣховъ передъ грознымъ преобразователемъ, любившимъ правду, не покрывалъ и другихъ. Указъ о томъ, что, «если кто украдетъ на столько, что можно купить веревку, будетъ безъ дальняго слѣдствія повѣшенъ», только потому и остался ненаписаннымъ, что Ягужинскій не побоялся сказать Петру: «Или ваше величество желаете остаться одинъ безъ служителей и подданныхъ? Мы всѣ воруемъ, только одинъ больше и примѣтнѣе, чѣмъ другой». Царь, любившій болѣе всего откровенность, цѣнилъ въ своемъ «Павлѣ» именно то, что отъ него одного онъ могъ услышать правду, которой онъ тщетно пытался добиться съ помощью всѣхъ своихъ «оберъ и генералъ-фискаловъ и инквизиторовъ». За то и часто говаривалъ Петръ про своего любимца: «Если что́ Павелъ осмотритъ, то это такъ вѣрно, какъ будто я самъ видѣлъ». Правдивость Ягужинскаго не была напускною, вытекала не изъ умѣнья только угодить царю, а изъ побужденій его отъ природы незлого сердца. Ягужинскій несомнѣнно любилъ Петра, которому всѣмъ былъ обязанъ, а по отношенію къ своимъ врагамъ онъ держался системы самообороны, и если былъ врагомъ, то, по выраженію леди Рондо, «врагомъ открытымъ». При Петрѣ онъ много разъ могъ повредить Меншикову и никогда не пользовался удобными для того случаями. По добротѣ своей Ягужинскій обращалъ вниманіе на такіе недостатки современнаго ему строя общественной жизни, которые для большинства его современниковъ оставались незамѣтными. Какое въ сущности было дѣло утопавшему въ излишествахъ генералъ-прокурору до того, что гдѣ-то народъ умиралъ отъ голода, что какая-то мать съ голоду утопила свою дочь... А между тѣмъ Ягужинскій приходилъ отъ этого въ ужасъ, хлопоталъ о помощи голодающимъ, поднималъ этотъ вопросъ въ Сенатѣ не изъ какихъ-либо выгодъ, а по идеальнымъ побужденіямъ,

[1]) Сборникъ, LVIII, 256; Ист. Вѣстн., 1891 г., XI, 434.

изъ желанія «должность и совѣсть свою очистить». Вслѣдствіе своего сангвиническаго темперамента и увлекающейся натуры Ягужинскому трудно было соблюдать мѣру въ чемъ бы то ни было: откровенность, поэтому часто переходила въ способность наговорить непріятному для него человѣку грубостей; природная вспыльчивость, воспламеняемая неумѣренностью въ напиткахъ, лишала его власти надъ разсудкомъ и дѣлала болтливымъ. Ягужинскій былъ невыносимъ и тяжелъ, когда его раздражали; но за то въ хорошемъ расположеніи духа онъ былъ душа общества, балагуръ и весельчакъ. Онъ былъ лучшій танцоръ своего времени, неистощимый изобрѣтатель разныхъ фигуръ и всякихъ увеселеній; на придворныхъ балахъ онъ танцовалъ всегда съ дочерьми Петра, на ассамблеяхъ слѣдилъ, чтобы всѣмъ было весело. Любительницы танцевъ всегда находили сочувствіе въ Ягужинскомъ, умѣвшемъ затянуть безъ конца вечеръ, но за то и дамы танцовали въ собственномъ смыслѣ словѣ «до упаду», когда этого желалъ веселый и красивый генералъ-прокуроръ, и не должны были обижаться, если онъ придумывалъ фигуру, въ которой цѣловалъ всѣхъ дамъ безъ различія возраста, или дамы должны были дать по поцѣлую Голштинскому герцогу. Ягужинскій былъ человѣкъ со вкусомъ, любилъ роскошь и комфортъ; кромѣ того, онъ считался знатокомъ и любителемъ музыки и самъ не много игралъ «на клавесинѣ». Пріѣзжала, напримѣръ, въ Петербургъ Саксонская труппа, и Ягужинскій приглашался въ числѣ немногихъ знатоковъ на пробу голосовъ пѣвцовъ и пѣвицъ. Экипажи его были лучшими въ Петербургѣ, и расчетливый Петръ пользовался ими въ тѣхъ случаяхъ, когда не могъ выѣхать въ своей традиціонной одноколкѣ. Склонность къ роскоши и комфорту, однако, переходила въ расточительность: Ягужинскій, не довольствуясь своими 40.000 дохода, прожилъ имѣнія первой и богатое приданое второй жены; веселость приводила къ неумѣренному употребленію вина, нетрезвость доводила до безобразныхъ сценъ; онъ бывалъ въ собственномъ смыслѣ слова «шуменъ»...

Для того, чтобы составить себѣ правильный взглядъ на личность и дѣятельность П. И. Ягужинскаго, надо помнить, что онъ былъ далеко не одинаковъ въ разныя эпохи своей жизни: при Петрѣ онъ энергичный общественный дѣятель, смѣлый и сравнительно прямой, благодаря сознанію своей близости къ царю и надеждѣ на его поддержку; при преемникахъ Петра это былъ травимый врагами, потерявшій свое первостепенное значеніе, нравственно подавленный человѣкъ, все болѣе и болѣе опускавшійся...

Первая жена П. И. Ягужинскаго.

Въ обоихъ изданіяхъ „Русской Родословной книги“ князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго помѣщены росписи рода Ягужинскихъ, при чемъ въ 1-мъ изданіи (стр. 69) первой женою П. И. Ягужинскаго показана Анна Ѳедоровна Хитрово, во 2-мъ (II, 442)—баронесса Анна Ѳедоровна *Ашъ*. Въ росписяхъ рода Хитрово въ 1-мъ изданіи также находимъ указаніе, что дочь Ѳ. А. Хитрово Анна была замужемъ за Ягужинскимъ (стр. 319), во 2-мъ изданіи мужа Анны Ѳедоровны совсѣмъ не показано (II, 322).

Нынѣ можно считать вполнѣ доказаннымъ, что первая жена П. И Ягужинскаго была Анна Ѳедоровна Хитрово.

Трудно сказать въ точности, что̀ ввело въ заблужденіе такого знатока генеалогіи, какимъ былъ князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, до такой степени, что онъ измѣнилъ совершенно-правильныя показанія родословныхъ росписей 1-го изданія, замѣнивъ ихъ ошибочными во 2-мъ изданіи. Откуда взято указаніе, что 1-я жена Ягужинскаго была Ашъ? Идя издалека, видимъ, что Бергхольцъ, Бассевичъ, кн. Щербатовъ и Бантышъ-Каминскій не называютъ и не знаютъ фамиліи первой жены Ягужинскаго, а кн. Долгоруковъ въ родословной росписи у барона Фридриха (Ѳедора) Аша показываетъ только трехъ сыновей и ни одной дочери (III, 303). Можно догадываться, что первой причиною, вызвавшей недоразумѣніе относительно фамиліи жены Ягужинскаго, было примѣчаніе А. П. Барсукова въ его статьѣ объ „Узникѣ Спасо-Евѳимьева монастыря“ (баронѣ Ѳ. Ѳ. Ашѣ), гдѣ сказано: „изъ письменныхъ *документовъ*, которые *служили матеріалами* для этой статьи, видно также, что баронъ Фридрихъ Ашъ имѣлъ еще (кромѣ трехъ сыновей) трехъ дочерей: старшая Анна была за генералъ-прокуроромъ гр. П. И. Ягужинскимъ, съ которымъ, какъ извѣстно, была разведена по причинѣ задумчиваго и страннаго ея нрава и заключена въ одинъ изъ Московскихъ дѣвичьихъ монастырей, гдѣ и скончалась; другая дочь Александра была за В. М. Ребиндеромъ, и, наконецъ, послѣдняя за графомъ Матюшкинымъ (?)“ [1]). Какіе *письменные документы* были въ рукахъ автора, онъ къ сожалѣнію не указываетъ и не приводитъ ихъ подлиннаго текста.

Не смотря на такое категорическое утвержденіе А. П. Барсукова, нужно признать несомнѣннымъ, что первая жена Ягужинскаго происходила изъ стариннаго Русскаго рода Хитровыхъ или Хитрово. Она была дочерью стольника Ѳедора Александровича и родной внучкою окольничаго Александра Севастьяновича Хитрова, человѣка богатаго и очень виднаго въ XVII в.

[1]) А. П. Барсуковъ. Разсказы изъ Русской Исторіи XVIII вѣка, 35.

(†1686 г.): онъ приходился двоюроднымъ племянникомъ извѣстному любимцу царя Алексѣя Михайловича, боярину и оружейничему Богдану Матвѣевичу Хитрово. Братъ Ѳ. А. Хитрово, Сергѣй Александровичъ, былъ комнатнымъ стольникомъ царицы Натальи Кирилловны, а жена, Марія (отчество и фамилія ея намъ неизвѣстны), судя по многочисленнымъ ея „приданымъ“ вотчинамъ, происходила изъ богатаго рода.

Анна была ихъ единственной дочерью; другихъ дѣтей не было, и когда въ 1703 г. скончался отецъ, Ѳ. А. Хитрово, она сдѣлалась наслѣдницей всѣхъ его родовыхъ вотчинъ. „1703 г., Февраля въ 22 день, Ѳедорова вотчина Хитрова въ Московскомъ уѣздѣ (333 чети съ осминою) съ другими купленными вотчины, которыя куплены у чужеродцевъ, справлена за женою его, вдовою Марьею, а *родовыя вотчины* за дочерью, дѣвицею Анною“ [1]). А. Ѳ. Хитрово была богатой, завидной невѣстою и не для такого худороднаго искателя приключеній, какимъ былъ еще въ то время Ягужинскій. Конечно старинные дворяне Хитрово не имѣли особеннаго желанія породниться съ безроднымъ Ягужинскимъ, хотя бы и любимымъ денщикомъ Государя. Едва ли дѣло обошлось въ этомъ случаѣ безъ участія самого Петра, который имѣлъ особую слабость къ свадебнымъ торжествамъ и любилъ устраивать судьбу близкихъ ему людей, выступая въ роли свата. Это подтверждается и Записками кн. П. В. Долгорукова, который нерѣдко имѣлъ у себя данныя намъ неизвѣстныя. „Царь“, пишетъ онъ, „женилъ своего фаворита на дѣвушкѣ изъ очень знатнаго рода, Аннѣ Ѳедоровнѣ Хитрово, внучкѣ Александра Севастьяновича Хитрово, окольничаго временъ царствованія Ѳеодора III. Ягужинскій принялъ православіе для заключенія этого брака, который вышелъ очень несчастливымъ, благодаря непріятному, сварливому, ревнивому и причудливому характеру этой дамы“. Годъ женитьбы Ягужинскаго намъ неизвѣстенъ; но можно думать, что онъ женился въ 1709—1710 гг., такъ какъ въ 1722 г. Бергхольцъ старшей дочери и сыну Ягужинскаго давалъ 8—9 лѣтъ; при томъ, надо замѣтить, что слѣдующіе два года Ягужинскій почти сплошь провелъ внѣ Россіи, сопровождая Петра въ Прутскій походъ, въ Карлсбадъ, въ Саксонію, Померанію, и пр.

Новаго помѣщика озабочивало теперь управленіе вотчинами, такъ какъ „за отбытіемъ дому, отъ сосѣдъ чинятся ему великія обиды и разоренія“. Въ 1712 г. умерла теща Ягужинскаго, и 12 Сентября того же года „Ѳедоровы вотчины Хитрова, которыя были справлены за женой его и ея, жены его, приданыя вотчины справлены за дочерью ихъ Анною, генералъ-адъютанта Павловою женою Ягужинскаго“. Не довольствуясь этимъ и проси размежевать его земли и „розыскать про обиды“ для его отлучекъ отъ Москвы, понеже всегда

[1]) М. арх. М. Ю., Вотч. Кол., дѣла мол. лѣтъ, Москва, кн. 52, д. 20; Допл. и Прик. Сенатъ, III, 265—267.

бываетъ въ походахъ при его царскомъ величествѣ безотлучно", Ягужинскій въ тоже время выразилъ желаніе, чтобы за нимъ было „справлено" и „прожиточное помѣстье" умершей тещи. Петръ исполнилъ и ту и другую просьбу своего любимца. Приданыя имѣнія жены Ягужинскій также постарался забрать въ свои руки: 30 Апрѣля 1713 г. „ген.-ад. Павла Ягужинскаго жены его Анны Ѳедоровой дочери Хитрова приданыя ея вотчины и что̀ ей дано послѣ смерти матери, ея вдовы Марьи, въ разныхъ городахъ, *по подписной челобитной* (т.-е. съ ея согласія) справлены за вышеписаннымъ П. Ягужинскимъ" [1]).

Въ Январѣ 1716 года, онъ выхлопоталъ назначеніе „для надзора за его домами и деревнями изъ дворянъ Елагина и Тыркова". Гораздо меньше безпокоила его, повидимому, судьба жены. Вѣчно покидаемая, одна въ Москвѣ, устраненная даже отъ обычныхъ хозяйственныхъ заботъ, молодая женщина, естественно, скучала въ одиночествѣ. 1716 и 1717 гг. Ягужинскій провелъ въ разъѣздахъ. Повидимому въ это время въ жизни Анны Ѳедоровны случился романъ, имѣвшій для нея серьезныя послѣдствія. Нѣсколько перехваченныхъ въ то время или послѣ найденныхъ писемъ были Ягужинскимъ представлены въ свое время въ Синодъ. Въ письмахъ выражается взаимное чувство страстной и нѣжной привязанности писавшихъ. На письмахъ имѣются помѣты „31 Марта и 3 Апрѣля 1716 г. Рига" и подписи „Іванъ" и „Леворьхенъ". Современники признали, что это письма „Левольда", т.-е. Левенвольде [2]); одно женское письмо признано собственноручнымъ Анны Ѳедоровны. „Іванъ Леворьхенъ", судя по его письмамъ, былъ природный нѣмецъ, плохо знакомый съ Русскимъ языкомъ, на которомъ только пылкая страсть принудила его выражать свои мысли слѣдующимъ образомъ: „хотя бы я три дне твоихъ писемъ читалъ, то би мнѣ не скушна билъ на цевѣтъ... магу тебѣ правду и вѣрну божица, что я сколку на свѣтъ жилъ и сколку я луди видалъ, никто мне такъ милъ не былъ, какъ ты, мая сердце дорогая"... „я теперь къ тебѣ посылаю на почту ножи и вилки; надеюсь, што поштмейстеръ къ вамъ сихъ пошлутъ; пожелуй, сердце мая, не сердица, што я тебѣ бездѣлни ножи пасилаю, ти противъ чезо зволишь хоть капеку мне единово прислать" [3])...

3 Февраля 1717 г. Ягужинскому было пожаловано большое имѣніе въ Дерптскомъ округѣ, съ мызами и деревнями; весьма возможно, что здѣсь бывала и Анна Ѳедоровна. Намъ ничего неизвѣстно о жизни Ягужинской за слѣдующіе четыре года. Жила она по большей части въ Москвѣ, въ домѣ мужа, при которой имѣлась домовая церковь во имя Смоленской Б. матери. Къ

[1]) М. Арх. М. 30, дѣла молод. лѣтъ, Москва, кн. 52, д. 20; Пр. Сената, кн. № 23, лл. 571—626.

[2]) Левенвольдъ, гр. Іоганнъ Гергардтъ, р. 1699.

[3]) У Ягужинскаго отъ 1-й жены были 1 сынъ (имя неизвѣстно) и 3 дочери: Екатерина († 1738 г.), за В. А. Лопухинымъ; Наталія (р. 1716 † 1786), за гр. Ѳ. Н. Головинымъ, и Прасковья († 1775 г.), съ 1738 г. за кн. С. В. Гагаринымъ.

концу этого періода, однако, между супругами что-то происходитъ; они начинаютъ ссориться, а дѣти отдѣляются отцомъ отъ матери и живутъ на особомъ „дворѣ" на Мясницкой [3]). Бергхольцъ видѣлъ Ягужинскую только разъ въ Москвѣ, въ началѣ 1722 г. (23 Февраля), и говоритъ, что „въ этотъ день онъ въ первый разъ видѣлъ супругу генерала Ягужинскаго, которая почти никуда не выѣзжаетъ и во все пребываніе наше въ Петербургѣ ни разу не выходила изъ дому; она впала съ нѣкотораго времени въ совершенную меланхолію и постоянно больна, что̀, говорятъ, очень огорчаетъ генерала". Тоже подтверждаетъ и Бассевичъ, говоря, что „первая жена Ягужинскаго, страдавшая ипохондріей и имѣвшая странный характеръ, ежечасно истощала его терпѣніе". Сама Анна Ѳедоровна, называя свою болѣзнь „безпамятствомъ" или „меленколіей", болѣе опредѣленно говоритъ, что болѣзнь „приключилась съ ней въ Петербургѣ въ 1721 г. въ скорби да въ печали отъ разлученія съ сожителемъ и съ дѣтьми своими, отъ скуки и одиночества". 17 Апрѣля 1722 г. въ Москвѣ, на свадьбѣ кн. Никиты Юр. Трубецкаго (будущаго свояка Ягужинскаго) съ гр. Наст. Г. Головкиной, произошла публичная ссора Ягужинскаго съ женою. Принявъ на себя добровольно роль сестры невѣсты, Анна Ѳедоровна по церемоніалу должна была танцовать съ своимъ мужемъ, маршаломъ свадьбы, но отказалась наотрѣзъ, какъ ее ни упрашивали. Другія пары ждали, Павелъ Ивановичъ сердился... выручила сестра жениха, княгиня Черкаская, замѣнивъ Ягужинскую. „Мы узнали", записалъ Бергхольцъ подъ 15 Мая, „что въ этотъ день супругу генерала Ягужинскаго, по именному повелѣнію императора, отвезли въ одинъ изъ здѣшнихъ монастырей за ссору ея съ мужемъ. Она уже 11 числа выѣхала изъ Москвы, чтобъ отправиться въ одно изъ помѣстій, но такъ какъ потомъ не захотѣла ѣхать дальше, то ее привезли сюда назадъ и заключили въ монастырь" [1]). Вскорѣ началось и дѣло о разводѣ. Ягужинскій спѣшилъ съ нимъ, повидимому, главнымъ образомъ потому, что вопросъ о его женитьбѣ на Аннѣ Г. Головкиной былъ рѣшенъ раньше. Вторую невѣсту ему, по словамъ кн. Долгорукова, сосваталъ также Петръ. Но теперь въ этомъ не представлялось нужды: блестящій и веселый генералъ-прокуроръ какъ нельзя болѣе подходилъ къ веселой, пустой, изящной и довольно красивой, хотя и рябоватой, Головкиной, и легко могъ ей понравиться, такъ какъ вообще пользовался большимъ успѣхомъ у дамъ. Скорѣе содѣйствіе Петра и участіе Екатерины, покровительствовавшей Головкиной, нужны были въ дѣлѣ развода (едвали не перваго по времени въ Россіи). Въ такомъ смыслѣ и высказывается авторъ „Поврежденія нравовъ", князь Щербатовъ. Бассевичъ увѣряетъ, что Ягужинскій долго колебался и не начиналъ дѣла о разводѣ, пока самъ Петръ „силою своихъ доводовъ" не побудилъ его къ этому. Какъ бы то ни было, но 22 Сентября 1722 г. П. И. Ягужинскій подалъ въ Синодъ

[1]) Писано въ Москвѣ. Вѣроятно это извѣстіе и послужило основаніемъ къ утвержденію (Б. Каменскимъ, Ивановымъ, Барсуковымъ и др.), что Ягужинская послѣ развода была заключена въ одинъ изъ Московскихъ монастырей, гдѣ и умерла.

прошеніе, въ которомъ писалъ: „Хотя брачное супружество по правиламъ, кромѣ ясно доказанныхъ винъ [1]), неразводно до смерти содержать повелѣно, но я нынѣ въ состояніи такомъ нахожуся, что отъ жены своей не токмо въ супружествѣ непозволяемыя обиды имѣю, но и прочіе закону христіанскому противные поступки и иныя мерзости ею чинятся, которые вашей святости для подлиннаго увѣренія и свидѣтельства за руками священника и прочихъ моего дома служителей при семъ предлагаю. И понеже сіе дѣло отъ рѣшенія Св. Пр. Синода зависитъ, и я въ несумнѣнной надежды пребываю, что ваша святость о настоящемъ моемъ состояніи разсудить изволите что либо болѣе не токмо сихъ показанныхъ причинъ, но и прочихъ противностей ради, о которыхъ всѣхъ объявить не упомяну, съ нею жить невозможно. Того ради, уповая на милостивое разсужденіе Св. Синода, покорнѣйше прошу, дабы по своему высокому разсмотрѣнію мнѣ рѣшеніе въ семъ дѣлѣ учинить изволили и меня съ нею развязать, дабы мнѣ болѣе въ такомъ бѣдственномъ и противномъ житіи не продолжиться, наипаче же бы бѣдныя мои малыя дѣти отъ такой непотребной матери вовсе не пропали“ [2]). При прошеніи были приложены „изъявленія“ священника домовой церкви Ягужинскаго, дьячка и нѣскольскихъ служителей и какой-то мамзели Ягужинской, иноземки Маріи Петровны Петровской. Оказывалось по ихъ словамъ, что „генеральша Анна Ѳедоровна въ разныя времена и на разныхъ мѣстѣхъ чинила такія мерзости и скаредства, какія не точію словомъ произносить, но и писать зѣло гнусно и мерзко, яко зѣло непотребныя и приклада неимущія“. Тѣмъ не менѣе, многія изъ ея безумныхъ поступковъ были разсказаны свидѣтелями болѣе или менѣе подробно: очень часто генеральша уходила ночью изъ хоромъ и ночевала въ „рабскихъ храминахъ“, стекла била, „ходила по двору простоволоса“, „валялась по землѣ и сорокою скакала“, „сорвала со стѣны и бросила образъ Сергія Чудотворца“, „дѣлала все нечистое при людяхъ, не отходя на сторону и (обнажа) себя около зеркала смотрѣла, худа ли или нѣтъ“. Особенно подробно было „изъявленіе“ священника Ѳедора Антонова, который разсказывалъ, что Ягужинская „приходитъ въ церковь съ непокрытою головою и распустя волосы... иногда не имѣя верхняго одѣянія, въ одной рубашкѣ, а грудь вся обнажена и на плечахъ безъ верхняго по поясъ одѣянія, и приходя... стоитъ... съ превеликимъ вытьемъ, и онъ, священникъ, никогда видѣть не могъ, чтобы она когда либо лицо свое перекрестила, но такъ все приходитъ просто и по церкви токмо ходитъ... Однажды она, придя въ церковь во время богослуженія, когда дьячекъ Апостолъ читалъ, его, дьячка, толкнула и руки ломала и за волосы драла и въ тѣхъ дракахъ паникадило серебряное сбросила“ и т. д. „Мамзель“-иноземка разсказывала о „непотребствахъ“ другого рода, увѣряя съ клятвою, „подъ лишеніемъ

[1]) Повидимому таковыхъ „винъ“ Ягужинскому въ то время извѣстно не было; иначе онъ бы ихъ предъявилъ, позволивъ себѣ въ разныхъ „изъявленіяхъ“ такъ много обиднаго сказать о своей женѣ.

[2]) Описаніе дѣлъ архива Св. Пр. Синода, II, ч. 2, 248.

живота“, что „12 Августа Анна Ѳедоровна, пришедъ къ ней въ горницу дѣлала всякое непотребство, а когда она, иноземка, тѣ непотребства ей воспрещала, то она ее кусала и бранила скверною бранью“... По указу Синода, въ Москвѣ Ягужинская была допрошена на дому ея бывшимъ духовникомъ, ключаремъ Архангельскаго собора Петромъ Меркурьевымъ и синодальнымъ секретаремъ Герасимомъ Семеновымъ, при чемъ „на допросѣ“ она „хотя въ большемъ запиралась, но въ маломъ созналась, и что-де оныя непотребства чинила она въ безпамятствѣ своемъ, въ меленколіи, которая ей случилась въ С.-Петербургѣ въ 1721 г.; въ меленколической скорби и въ печали отъ разлученія сожителя и дѣтей своихъ“... Въ Январѣ 1723 г. служители дома Ягужинскихъ объявили, что генеральша опять „дѣлала разныя безчинства и буйства“. По произведенному осмотру оказались разбитыя въ домѣ и избахъ окна, сожженый полушубокъ, дворовыя женщины биты и кусаны, а Ягужинская объявила за собой государево „слово и дѣло“ и была взята въ Преображенскій приказъ [1]), который одинъ имѣлъ компетенцію разбора дѣлъ такого рода. Въ Январѣ 1723 г. П. И. Ягужинскій подалъ въ Синодъ второе прошеніе о разводѣ, въ которомъ писалъ: „Понеже хотя по прежнему моему покорному доношенію довольно явно видѣть можно о поступкахъ жены моей и что съ таковою мнѣ законнобрачное житіе продолжать невозможно, нынѣ же въ пополненіе того повторительно съ покорнымъ прошеніемъ моимъ прихожу, дабы Св. Синодъ изволили какъ о прежнихъ ея поступкахъ, такъ и нижеслѣдующіе въ милостивую реелякцію принять, можетъ ли она впредь женою мнѣ причтена быть и моему связанному житію съ нею продолжаться, наипаче что могу я себѣ никакой вины въ томъ приписать; ибо въ небытность мою, какъ я былъ при Цесарскомъ дворѣ, оная начала свои пакости творить, по прибытіи же моемъ въ домъ, хотя всякими увѣщаніями и уступками тщился оную какимъ-нибудь образомъ поправить, но грѣхъ моихъ ради не токмо что̀ къ поправкѣ воспослѣдовало, но отъ часу такъ прибавляться стало, что паче скотскаго поступку чинила, о чемъ уже не токмо обличайными допросы показано, но и подъ смертью всѣ свидѣтели доказали. Сверхъ всего сего, по вторичномъ моемъ отлученіи по именному имп. величества указу, возвратясь, принужденъ я, къ глубочайшему моему оскорбленію, слышать, что жена моя, сказавъ за собой государево слово, взята въ Преображенское на дворецъ, и хотя я усильно о томъ требовалъ, чтобъ ее спросить, какое она за собой слово знаетъ [2]), но вмѣсто объявленія какого за собой слова, во дворцѣ будучи, разныя же пакости чинила людямъ, въ избѣ на нихъ ѣздила и иныя мерзости чинила. Потомъ взялъ я ее паки къ себѣ въ домъ и не хотя еще достойнымъ образомъ съ нею поступить, ожидая обращенія, далъ ей волю

[1]) Р. Стар., XVIII, 717—718.

[2]) „Спросить“ въ Преображенскомъ, значило спросить съ пристрастіемъ, вздернувъ на дыбу... Въ общемъ гуманный, генералъ-прокуроръ не прочь былъ, повидимому, подвергнуть всѣмъ ужасамъ пытки свою больную жену.

во всякомъ довольствѣ въ домѣ жить и ѣздить и гулять; но она не токмо чтобы въ домѣ чинно жить, одну нощь токмо въ домѣ ночевала, а потомъ съѣхала къ нѣкакой дьячьей вдовѣ и тамъ нѣсколько времени жила. Послѣ того къ такой же безпутной кн. Щербатовой съѣхала и тамъ жила; наконецъ поѣхала въ Рождественскій монастырь и, отпустя карету и людей своихъ въ домъ, жила въ монастырѣ трое сутокъ и потомъ невѣдомо откуда еще себя непотребнѣе сыскала вдову Солнцову, которая ее, жену мою, на дворъ, гдѣ дѣти мои живутъ, взвезши и высадя изъ коляски, а сама со двора съѣхала. Сіи отъ нея поступки еще мнѣ чувственнѣе, понеже малыя мои дѣти, яко птенцы, всякое могутъ непотребство принять и вовсе испорчены быть. Сего ради съ покорностью предаю въ высокое разсужденіе, правильно ли имѣю требованіе отъ такого человѣка искать свободы, и ежели за достойное принято быть можетъ, то прошу милостиваго разрѣшенія".

21 Августа 1723 г. состоялось рѣшеніе, которымъ бракъ Ягужинскаго „данною отъ Бога духовному правительству властію" расторгался. Синодское постановленіе, длинное и со ссылками на церковные и гражданскіе законы и правила, пыталось обосновать и оправдать правильность рѣшенія, при чемъ главнымъ мотивомъ выставлялось, что „оная генеральша въ разныя времена и на разныхъ мѣстѣхъ чинила такія мерзости и скаредства, какія не точію словомъ произносить, но и писать зѣло гнусно и мерзко, яко весьма непотребныхъ и приклада неимущихъ, между которыми и *слово прелюбодѣйное* хотя за невозможность натуры и недѣйствительное, однакоже весьма дѣйства желательное, и бракоразрѣшенію по Господню словеси и по отеческимъ правиламъ виновное, на ней показалося, чѣмъ она и мѣру прелюбодѣянія наполнила и многіе соблазны зазорнымъ лицамъ Русскимъ и иноземнымъ учинила"...[1]) Въ виду этого, заключаетъ Синодъ, „по онымъ законамъ и винамъ да будетъ съ нынѣшняго времени отъ мужа своего отлучена, и да пребываетъ она, какъ святыми правилы заключено, безбрачна, а рожденнымъ отъ нихъ дѣтямъ быть при ономъ отцѣ ихъ, яко при невинномъ лицѣ"...

„Развязавшись" съ женой, Ягужинскій поспѣшилъ сдѣлать ее для себя безопасною. Онъ обратился съ просьбой къ импер. Екатеринѣ о разрѣшеніи заключить Анну Ѳедоровну въ Александровой слободѣ (Влад. губ.) въ Успенскій женскій монастырь, при чемъ, оставаясь фактическимъ владѣльцемъ имѣній бывшей жены (за малолѣтствомъ дѣтей), Ягужинскій великодушно обязывался „оную своимъ иждивеніемъ содержать во всякомъ довольствіи, якоже и должность моя то есть, а не иного". Подъ предлогомъ „дабы для содержанія жены его въ пищѣ и прочемъ довольствѣ въ монастырѣ монахинямъ лишняго отягощенія не было", бывшій мужъ получалъ возмож-

[1]) Особенно интересно съ точки зрѣнія канонической это казуистическое разсужденіе Синода, поставленнаго въ великое затрудненіе именно тѣмъ, что не было „слова прелюбодѣйнаго", которое такъ просто разрѣшило бы вопросъ... А между тѣмъ хотѣлось и нужно было угодить „благородному генералъ-адъютанту и генералъ-прокурору".

ность караулить ее и приставилъ къ ней своихъ людей 18 Сентября была объявлена въ Синодѣ „резолюція" ея величества въ этомъ смыслѣ. Но посылка въ Успенскій Александровскій монастырь не состоялась. 24 Сентября въ Синодѣ было офиціально объявлено Ягужинскому о расторженіи его брака, послѣ чего онъ тотчасъ же, въ тотъ же день, подалъ прошеніе „о позволеніи ко второму браку милостивую резолюцію ему дать", во вниманіе „къ сущей его невинности". Наканунѣ же того дня была перерѣшена и судьба первой жены. Императрица Екатерина Алексѣевна, „будучи въ своемъ домѣ", указала архіеп. Ѳеодосію Яновскому послать Ягужинскую „въ пристойный крѣпкожительный дѣвичъ монастырь, кромѣ Александро-Слободскаго, а въ тотъ монастырь посылать ее не повелѣла"... Синодъ избралъ мѣстомъ заключенія Ягужинской Ѳедоровскій монастырь въ Переславлѣ-Залѣсскомъ. Въ указѣ, при которомъ посылалась А. Ѳ. въ монастырь „до скончанія жизни ея, неисходно", предписывалось ей жить тамъ „непродерзостно и не безчинно, но смиренно и воздержно, въ обычномъ начальствующей персонѣ послушаніи", при чемъ, какъ и слѣдовало ожидать, помимо пропитанія Ягужинскому вмѣнялось въ обязанность „опредѣлить къ ней особливый присмотръ", дабы монахинямъ „въ смиренномъ ихъ житіи помѣшательства и вреднаго соблазна не было"[1]). 11 Ноября въ Синодѣ было получено доношеніе о томъ, что бывшая жена Ягужинскаго водворена на житье въ монастырь, а наканунѣ генералъ-прокуроръ (10 Ноября) весело отпраздновалъ свою свадьбу съ гр. А. Г. Головкиной, дочерью великаго канцлера. Не знаемъ, у кого жили и воспитывались дочери Ягужинскаго отъ перваго брака; что же касается до сына (имя его неизвѣстно), то, по словамъ Бергхольца, отецъ отправилъ его въ Германію, гдѣ онъ долженъ былъ воспитываться вмѣстѣ съ сыномъ Голштинскаго министра Бассевича, съ которымъ Ягужинскій былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Но на слѣдующій же годъ (9 Августа 1724 г.) мальчикъ тамъ умеръ.

Между тѣмъ и отвергнутая жена жила въ Ѳедоровскомъ монастырѣ не такъ „смиренно", какъ хотѣлось, конечно, бывшему мужу. Въ указѣ Синода, по которому она была заключена въ монастырь, было сказано, что хотя она и повинна тяжкому по законамъ наказанію за церковный мятежъ, нанесеніе церковнику озлобленіе и за метаніе креста съ мощами и иконы, но „понеже... то чинила въ меленколіи и безпамятствѣ, вмѣсто такого достойнаго наказанія, изъ котораго ее оное безпамятство и меленколія выключаютъ, токмо просто такой продерзости отнюдь оставить правы не попущаютъ, послать ее въ Ѳедоровскій монастырь"... Поэтому больная женщина говорила, что не виновата въ отношеніи мужа и бракъ ея расторгнутъ неправильно. Когда эти рѣчи дошли до Ягужинскаго, онъ представилъ въ Синодъ ту переписку жены съ Левенвольдомъ, отрывки изъ которой приведены выше, якобы „обличающую ее и въ прелюбодѣйной связи". Синодъ, разсмотрѣвъ письма,

[1]) Описаніе дѣлъ арх. Св. Синода, II, ч. 2, 250—263.

согласился съ оскорбленнымъ мужемъ, тѣмъ болѣе, что „порицанія“ жены относились равнымъ образомъ и къ постановленію самаго Синода о расторженіи ея брака. 1 Іюня 1724 г. въ Синодѣ было рѣшено послать въ Ѳедоровскій монастырь надежнаго канцеляриста съ письмами, „которыя прелюбодѣйство ея съ Левольдомъ признавать даютъ“. Канцеляристъ долженъ былъ, собравъ всѣхъ монахинь и всѣхъ живущихъ въ монастырѣ на соборъ, въ присутствіи самой виновной жены, огласить письма, дабы „она тотъ свой порокъ, преже умолчанный, знала, что нынѣ уже нескрытно показался и монастырь бы оный весь вѣдалъ, что она порочная жена и не безъ вины, но по важности винъ правильно отъ мужа отлучена [1]), и вѣдая то, дабы никто бездѣльнымъ и вымышленнымъ ея извиненіямъ и лживымъ порицаніямъ отнюдь не вѣрилъ“... Синодъ грозилъ при этомъ, что если она впредь „правильный и указной Св. Синода судъ или онаго ген.-лейтенанта и кавалера станетъ порицать, будто бы по его домогательству безъ вины она такъ осуждена, то тогда поступлено будетъ съ нею, какъ по правамъ надлежитъ съ прелюбодѣйцею“... При внимательномъ чтеніи этого указа легко замѣтить противорѣчія, въ которыя выказалъ Синодъ, путаясь въ казуистическихъ тонкостяхъ, имѣвшихъ цѣлью доказать, что судъ его „правильный и указной“, согласный съ „правилами святыми“, а не съ прихотью человѣческою. Благодаря этому, Синодъ то смотритъ на Ягужинскую какъ на женщину психически больную, которую „безпамятство и меленколія выключаютъ изъ наказанія“, то какъ на лицо вполнѣ правоспособное и слѣдовательно отвѣтственное за свои поступки... Канцеляристъ синодальный исполнилъ возложенное на него порученіе, прочелъ подозрительныя письма и вернулъ ихъ въ архивъ Синода, но только сама Анна Ѳедоровна „по двумъ посылкамъ въ церковь не пошла и руки (въ слышаніи писемъ) не приложила“.

Въ Ѳедоровскомъ монастырѣ были приставлены къ Ягужинской какая-то „боярская боярыня, женка“ Татьяна Филипповна, повидимому довѣренное лицо Ягужинскаго и ненавистная особа для его бывшей жены, и служитель Иванъ Калмакъ. Татьяна Филипповна изъ Переславля ѣздила въ Москву и здѣсь доносила о „зазорномъ жительствѣ и неумѣренныхъ поступкахъ“ своей госпожи, которые заключались въ томъ, что она будто бы собиралась зажечь монастырь и во время пожара бѣжать или посылала людей въ городъ нанимать ей ямщиковъ и подводы съ той же цѣлью; на Татьяну же за ея непослушаніе „гнѣвалась“, била и увѣчила, и „гладомъ велѣла (?) морить“—„мнѣ-де и на глаза ты не надобна“ [2]).

Конечно всѣ эти разсказы „боярской боярыни“ не были лишены прикрасъ, имѣвшихъ цѣлью преувеличить трудности ея положенія и тяжесть

[1]) Раньше, въ томъ же указѣ, Синодъ разъяснялъ, что она заключена въ монастырь за важныя вины, „кромѣ явившагося по опымъ письмамъ прелюбодѣйнаго подозрѣнія, которое хотя и тогда было слышно, однакоже, за умолчаніемъ доношенія онаго просителя, въ дѣло не внесено“...

[2]) Труды Владимірской уч. арх. Комиссіи, IV, 48.

службы; тѣмъ не менѣе дѣйствительно Ягужинской удалось два раза бѣжать изъ монастыря, но оба раза она была поймана. 7 Апрѣля 1725 г. П. И. Ягужинскій донесъ объ этомъ Синоду, который нашелъ, что „впредь ея содержаніе въ томъ монастырѣ не надежно“, и „видно, что у нея, Анны, въ томъ монастырѣ обрѣтаются нѣкоторые къ тому помощники“. Въ силу этого было рѣшено перевести Ягужинскую въ другой монастырь подальше и выбранъ находящійся близъ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря женскій монастырь на р. Шекснѣ, называемый „въ горахъ“ [1]).

Въ настоящее время, благодаря нѣкоторымъ новымъ даннымъ изъ документовъ Вотчинной Коллегіи и, главнымъ образомъ, опубликованнымъ въ трудахъ Владимирской Архивной Комиссіи [2]) протоіер. Свирѣлинымъ новымъ свѣдѣніямъ изъ архива Ѳедоровскаго монастыря, является возможность прослѣдить и дальнѣйшую жизнь А. Ѳ. Ягужинской.

Предложенный переводъ Ягужинской въ Горицкій монастырь почему-то не состоялся, и она до конца жизни оставалась въ Переславлѣ-Залѣсскомъ. Вѣроятно теперь и здѣсь жизнь ея была обставлена еще бо́льшими строгостями, чѣмъ прежде. Изъ одного документа монастырскаго архива видно, что „въ келью ея“ велѣно было „приставить женскаго полу неотлучныхъ сторожей“... „буде же она какимъ вымысломъ уйдетъ изъ монастыря, и они бъ чинили за ней скорую погоню на лошадяхъ для поимки ея и привода въ монастырь“. Наконецъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, и сама А. Ѳ. смирилась духомъ. Дѣло о возстановленіи ея супружескихъ правъ давно погибло безповоротно, молодость ея прошла. Въ 1730 г. старшая дочь, Екатерина († 1738 г.), вышла замужъ за В. А. Лопухина, при чемъ за ней были справлены, на основаніи указа 1714 г. о единонаслѣдіи, всѣ приданыя вотчины ея матери, о самой же Ягужинской въ указѣ Вотчинной Коллегіи 26 Октября 1730 г. сказано, что она „лишена супружества и послана въ Переславль-Залѣсскій въ Ѳедоровскій монастырь, *гдѣ и до нынѣ*“ [3]). Умерла она 30 Іюля 1733 г., проживъ въ монастырѣ почти 10 лѣтъ, монахиней съ именемъ Агаѳіи. Задолго ли до смерти принято ею постриженіе, неизвѣстно. Она погребена во Введенскомъ храмѣ, въ придѣлѣ св. Адріана и Наталіи, гдѣ на сѣверной стѣнѣ высѣчена слѣдующая надпись: „1733 году, Іюля въ 30 день, на память св. апостолъ Силы и Силуана и иже съ ними преставися раба Божія генерала Павла Ивановича Ягужинскаго жена его Агаѳія Ѳедорова дочь Хитрова, погребена 3 Августа“ [4]).

Нельзя не пожалѣть о ея печальной судьбѣ. Жизнь ея конечно была разбита... Но нельзя строго судить и самого Ягужинскаго. Хорошо еще,

[1]) Горицкій жен. монастырь, Бѣлозерскаго уѣзда.

[2]) Труды Владим. уч. арх. Комиссіи, IV, 29—55.

[3]) М. арх. М. Ю., Вотч. Кол., дѣла стар. лѣтъ, Москва, кн. 95, д. 8.

[4]) Труды Влад. арх. Комис., IV, 29. Эта же надпись въ дѣлѣ Переслав. дух. правленія 1792 г. читается нѣсколько иначе, а именно послѣднія слова: „погребена въ 3 день“.

что люди того суроваго вѣка посмотрѣли на нее, какъ на больную, и она избѣжала пытокъ и истязаній за свои кощунственныя „вины“, совершенныя въ изступленіи, „меленколіи“, которыя, по словамъ Синода, безъ наказанія „отнюдь оставить правы не попущаютъ“. XVIII вѣкъ не изучилъ еще и не умѣлъ лѣчить психическихъ и нервныхъ болѣзней, и единственнымъ мѣстомъ, гдѣ эти люди, „имѣвшіе несчастіе лишиться ума“, могли сравнительно спокойно кончить свои дни, былъ монастырь...

АЛЕКСАНДРЪ ДАНИЛОВИЧЪ МЕНШИКОВЪ [1]).

По офиціальному титулу, «свѣтлѣйшій Римскаго и Россійскаго государствъ князь и герцогъ Ижорскій» [2]), «прегордый Голіафъ», «колоссъ изъ Пигмеевъ», «такой сильный фаворитъ, что развѣ въ Римскихъ гисторіяхъ находимъ», по отзыву современниковъ, Александръ Даниловичъ Меншиковъ былъ въ полномъ смыслѣ слова «счастья баловень безродный». Онъ первый изъ тѣхъ «случайныхъ людей», которыми такъ богатъ XVIII вѣкъ, первый не только по времени, но и по быстротѣ своей карьеры, по тому высокому положенію, котораго достигъ этотъ «полудержавный властелинъ» и, наконецъ, по тому страшному паденію, которое постигло его въ послѣдніе годы жизни. Нужно было исключительное счастье для того, чтобы безродный «Алексашка» такъ близко пришелъ въ соприкосновеніе съ Петромъ и съумѣлъ занять прочное мѣсто въ сердцѣ великаго человѣка. Какъ ни удивительна способность Петра узнавать людей и отыскивать себѣ сподвижниковъ, но мы едвали ошибемся, если скажемъ, что все же раньше явилась у Петра сердечная привязанность къ Алексашѣ, а уже затѣмъ Меншиковъ сталъ дѣятельнымъ и способнымъ его сотрудникомъ, какъ и въ письмахъ Петра сначала являются названія «герцъ», «герценкиндъ» (дитя сердца) и уже только позднѣе «меинъ либсте камратъ» или «фринтъ».

I.

Вопросъ о происхожденіи князя Меншикова не выясненъ окончательно, равно какъ неизвѣстенъ точно и годъ его рожденія: указываютъ и 1670 годъ, и 1673-й [3]). Источники, говорящіе о происхожденіи

[1]) Настоящій біографическій очеркъ помѣщенъ въ I т. „Сборника біографій кавалергардовъ“.

[2]) Полный титулъ А. Д. Меншикова былъ: „Свѣтлѣйшій Святаго Римскаго и Россійскаго государствъ князь и герцогъ Ижорскій, въ Дубровнѣ, Горы-Горкахъ и въ Почепѣ графъ, наслѣдный господинъ Аранибургскій и Батуринскій, Е. И. В. Всероссійскаго надъ войски командующій генералиссимусъ, верховный тайный дѣйствительный совѣтникъ, рейхсъ-маршалъ, Государственной Военной Коллегіи президентъ, адмиралъ Краснаго флага, генералъ-губернаторъ губерніи С.-Петербургской, подполковникъ Преображенской лейбъ-гвардіи, полковникъ надъ тремя полками, капитанъ компаніи бомбардирской, орденовъ св. апостола Андрея, Датскаго Слона, Польскаго Бѣлаго и Прусскаго Чернаго орловъ и св. Александра Невскаго кавалеръ“.

[3]) Голиковъ говоритъ, что Меншиковъ былъ на два года моложе Петра. По свидѣтельству же Бергхольца князю Меншикову съ 6 Ноября, дня его рожденія, 1722 г. пошелъ 50 годъ.

Меншикова, распадаются на двѣ группы: къ первой принадлежатъ официальные документы, ко второй—извѣстія современниковъ. Какъ это ни странно, однако, приходится отдать предпочтеніе послѣднимъ. Латинскій дипломъ императора Іосифа и Русскій—на княжеское достоинство одинаково говорятъ о происхожденіи Меншикова «изъ фамиліи благородной Литовской», при чемъ Русскій, кромѣ того, прибавляетъ, что Меншиковъ «отъ юныхъ лѣтъ» принятъ въ милость и ко двору, «ради вѣрныхъ услугъ въ гвардіи родителя его и видя въ добрыхъ поступкахъ его самого надежду». О родителяхъ Меншикова такимъ образомъ сказано чрезвычайно глухо. Имѣется еще извѣстіе о томъ, что Меншиковъ родился около Владимира и былъ сыномъ придворнаго конюха [1]); а генералъ П. Гордонъ говоритъ, что отецъ его былъ капраломъ въ Преображенскомъ полку. И то и другое вполнѣ возможно: вѣдь первые потѣшные полки и набраны были изъ конюховъ и придворныхъ служителей. Что же касается до благороднаго Литовскаго происхожденія, то свидѣтельству о немъ не придавалось никакого значенія ни при жизни князя, ни впослѣдствіи. Нѣтъ сомнѣнія, что при отмѣнномъ честолюбіи и надменности Меншикова, если бы представлялась какая-нибудь возможность, онъ постарался бы утвердить за собой это шляхетское происхожденіе и дѣлалъ бы попытки разгласить о немъ. Напротивъ, по справедливому замѣчанію Есипова, Меншиковъ «никогда при жизни своей ничѣмъ не почтилъ памяти своего отца». Осталась безъ отвѣта даже просьба (въ 1724 г.) причетниковъ церкви Введенія Пр. Богородицы въ селѣ Семеновскомъ о выдачѣ жалованья имъ за труды, за годовую службу, которую они служатъ по родителямъ его свѣтлости и по княжнѣ Екатеринѣ, похороненныхъ у нихъ при церкви [2]). Возвышеніе Меншикова было такъ быстро и совершилось на глазахъ многихъ современниковъ, что о происхожденіи его можно было только не говорить, но никакъ нельзя было его скрыть. Меншиковъ хорошо понималъ это и старался заставить окружающихъ забыть объ его прошломъ... Но современники, не прощавшіе высокомѣрному князю его происхожденія, не забыли о томъ. Всѣ иностранцы, побывавшіе въ Россіи въ то время, а за ними и писавшіе позднѣе, согласно говорятъ о низкомъ происхожденіи перваго Русскаго «свѣтлѣйшаго» князя. Позднѣйшіе иностранные писатели

[1]) Соловьевъ, XIV, 287. Авторъ „Картины жизни и дѣяній кн. А. Д. Меншикова“, изданной въ Москвѣ въ 1809 г., говоритъ, что „многіе послѣдователи тому, что онъ изъ Московскихъ мѣщанъ взятъ въ службу“, хотя самъ болѣе склоняется на сторону утверждающихъ, что онъ „шляхтичъ Литовской“.

[2]) Г. Есиповъ, „Жизнеописаніе Меншикова“, Р. Арх., 1875 г., II, 234.—Церковь Введенія въ Семеновскомъ сгорѣла до основанія въ 1728 г. и построена вновь на другомъ мѣстѣ. (См. „Матеріалы для исторіи Москвы“ И. Е. Забѣлина, I).

прибавляютъ къ этому, со словъ царскаго токаря Нартова, что Меншиковъ въ молодости продавалъ на улицахъ пирожки, и что отецъ его былъ крестьянинъ изъ окрестностей Москвы [1]). Само по себѣ извѣстіе о томъ, что Меншиковъ былъ въ молодости пирожникомъ не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, тѣмъ болѣе, что оно находится еще въ Запискахъ бывшаго въ Россіи въ 1710—1712 гг. Датскаго посла Юста Юля [2]). Вопросъ о низкомъ происхожденіи Меншикова подтверждается свидѣтельствами и другихъ Русскихъ современниковъ, кромѣ Нартова. Дипломатъ Петровскаго времени, князь Б. И. Куракинъ, современникъ Меншикова, находившійся съ нимъ всегда въ очень хорошихъ отношеніяхъ, отмѣчаетъ въ своей «гисторіи», что «князь сей изъ породы самой низкой, ниже шляхетства» [3]). Мазепа, самъ мелкій шляхтичъ, такой же выскочка, человѣкъ новый въ Малороссіи, особенно обиженъ былъ подчиненіемъ въ 1706 году Меншикову. «Не такъ бы мнѣ печально было», говорилъ онъ, «когда бы меня дали подъ команду Шереметеву или иному кому великоименитому и отъ предковъ заслуженному человѣку» [4]).

Благодаря такому происхожденію, Александръ Даниловичъ не могъ получить даже того скуднаго образованія, которое давалось достаточнымъ людямъ служилаго класса въ концѣ XVII вѣка. Витвортъ въ 1705 г. положительно говоритъ, что онъ узналъ «изъ достовѣрнаго источника», что Меншиковъ «не умѣетъ ни писать, ни даже читать» [5]). Весьма вѣроятно, что первоначально Меншиковъ былъ совсѣмъ неграмотенъ. «Человѣкъ неученой», говоритъ о немъ князь Куракинъ, «ниже писать что могъ, кромѣ свое имя токмо выучилъ подписывать» [6]). Документы подтверждаютъ это: 30 Ноября 1699 г. при полученіи денегъ съ властей Воскресенскаго монастыря «подписался, вмѣсто сержанта А. Меншикова, по его велѣнью, подьячій С. Вяземниковъ»; въ росписи о выдачѣ жалованья за 1701 г.

[1]) Гельбигъ, „Русскіе избранники“, Р. Стар., 22.—Въ 1691 г. въ село Преображенское покупались матеріалы къ строенію мишени у патріаршаго крестьянина Андрея *Меншикова*. См. Астровъ, „Первоначальное образованіе Петра“. (Р. Арх., 1875 г., т. III, 218).

[2]) Р. Арх., 1892 г., II, 57.

[3]) Арх. кн. Ѳ. А. Куракина, т. I, 76. Куракинъ выразился описательно, по свойственной старому дипломату привычкѣ выражаться мягко... Кн. Щербатовъ употребляетъ то выраженіе, которое, можетъ-быть, употребилъ бы и кн. Куракинъ, говоря о Меншиковѣ: „мужъ достойный, но изъ подлости происшедшій“.

[4]) Соловьевъ, XV, 293.

[5]) Ю. Юль говоритъ: „писать и читать ни по каковски не умѣетъ, можетъ развѣ подписать свое имя, которое, впрочемъ, непосвященный не разберетъ“ (Р. Арх., 1892 г. II, 57). Подпись эта, начертанная каракулями, черезчуръ извѣстна.

[6]) Арх. кн. Ѳ. А. Куракина, I, 76.

(180 р.) также расписался за Меншикова зейль-макаръ Иванъ Кочетъ [1]). За то въ росписяхъ за 1702 и 1704 годы находятся уже, повидимому, собственноручныя расписки Меншикова [2]). Къ этому времени, вѣроятно, нужно отнести ту подпись «Александръ Меншиковъ», которая, начертанная перомъ, плохо слушавшимся руки, одна остается неизмѣнною въ теченіе всей жизни князя, столь богатой всякими перемѣнами. Чувствительный ко всякимъ почестямъ и титуламъ, Меншиковъ не далъ себѣ труда выучиться подписываться княземъ. Кромѣ подписи, неизвѣстно ни одной строки, написанной Меншиковымъ собственноручно, хотя существуетъ множество его писемъ [3]) и груды дѣловыхъ документовъ написаны несомнѣнно со словъ самого князя: на столько рельефно выразился въ нихъ его стиль. Не выучившись писать, Меншиковъ пріобрѣлъ, однако, необыкновенную ясность рѣчи, отражавшей ясность его мысли, большую проницательность и опытность въ дѣлахъ. Рѣдкія способности, усердіе, честолюбіе и желаніе угодить Петру дали возможность Меншикову научиться многому отъ жизни: онъ внимательно присматривался ко всему, что́ интересовало Петра, схватывалъ налету то, что́ другими пропускалось мимо. У Меншикова не было ничего родового, все было благопріобрѣтенное; онъ ничѣмъ не былъ связанъ съ прошлымъ, и въ немъ не могло быть тѣхъ скрытыхъ симпатій къ старинѣ, которыя глубоко таились въ душѣ даже наиболѣе преданныхъ сотрудниковъ Петра изъ родовитыхъ фамилій. Счастье его тѣсно было связано съ успѣхами Петра; потому можно думать, что увлеченіе новизною со стороны Меншикова было вполнѣ искреннимъ, онъ явился сознательнымъ помощникомъ Петра въ его преобразовательныхъ дѣйствіяхъ по возвращеніи изъ-за границы. Побывавши на Западѣ, Меншиковъ вернулся въ Москву съ лоскомъ Европейца, человѣкомъ, много видавшимъ, нахватавшимся разныхъ свѣдѣній, говорившимъ порядочно по-голландски [4])... Болтать по-нѣмецки [5]) и танцовать еще раньше научился Меншиковъ въ Нѣмецкой слободѣ, гдѣ онъ провелъ немало веселыхъ дней съ Петромъ и Лефортомъ въ ком-

[1]) Р. Стар., 1874 г., IX, 191; Устряловъ, „Исторія Петра Великаго", IV, ч. 2, 493—495.

[2]) „Александръ Меншиковъ принялъ", „взялъ и списался".

[3]) При своей дѣловитости и строгой точности, Меншиковъ не оставлялъ безъ отвѣта почти ни одного письма своихъ многочисленныхъ корреспондентовъ. См., напр., переписку съ Олсуфьевыми. (Р. Арх., 1883 г., III, 1—71).

[4]) К. де-Бруинъ, „Чтенія", 1872 г., кн. I, II, IV, 53.

[5]) Правда, позднѣе Меншиковъ долго отказывался говорить съ кронпринцессой по-нѣмецки, говоря, что его языкъ пригоденъ для разговора съ солдатами, а не съ порядочными людьми: „Soldatisch deutsch", какъ выразилась Шарлота. (Герье, „Кронпринцесса Шарлота" въ Вѣстн. Евр., 1872 г., VI, 463).—Ю. Юль. Р. Арх., 1892 г., II, 57.

паніи нестрогихъ, веселыхъ Нѣмецкихъ красавицъ [3]). Недаромъ отставной педагогъ царевича М. Нейгебауеръ грозилъ повѣдать о похожденіяхъ Меншикова съ Нѣмками, которыхъ потомъ выдаютъ замужъ за офицеровъ, а таинственная жительница Нѣмецкой слободы Е. Фадемрехтова (Фадемрехтъ) въ письмахъ называетъ своими «сынками» какъ «чернобровенькаго, черноглазенькаго, дорогого востречка» (царя), такъ и Меншикова [2]).

II.

Свѣдѣнія о молодости Меншикова чрезвычайно скудны и очень мелочны. Прежде всего, извѣстно, что онъ былъ слугою у друга Петра, швейцарца Ф. Я. Лефорта, этого веселаго, ловкаго и живого человѣка, «фаворъ къ которому», по выраженію князя Куракина, «продолжался токмо для однихъ вечеринокъ и пировъ». Этому-то человѣку обязанъ Меншиковъ всѣмъ своимъ счастьемъ. Замѣтивъ въ немъ способности, смѣтливость, усердіе и веселый нравъ, качества, такъ цѣнимыя Петромъ, Лефортъ указалъ царю на Меншикова, какъ на человѣка, который могъ ему понравиться.

Переходъ Меншикова отъ Лефорта къ Петру относится къ 1686 г.; съ этого года и начинается сближеніе Петра съ своимъ будущимъ любимцемъ [3]). Затѣмъ мы встрѣчаемся съ Меншиковымъ не раньше 1693 г., когда имя его находится во второй статьѣ бомбардировъ Преображенскаго полка. Въ это же время «Алексашка» исполняетъ обязанности денщика, неразлученъ съ Государемъ днемъ, ночью спитъ у его постели [4]). Служба эта при Петрѣ съ его неустанной кипучей дѣятельностью, съ его нервнымъ, вспыльчивымъ характеромъ, была не легка. Денщики должны были выказывать расторопность, исполнительность, усердіе и преданность и безропотно сносить вспышки царскаго гнѣва. За то они превосходно могли изучить характеръ царя, его вкусы и странности и при случаѣ умѣли этимъ пользоваться. Подъ шуточнымъ письмомъ къ будущему великому адмиралу Ѳ. М. Апраксину, отъ 29 Августа 1694 года, съ дороги въ Архангельскъ, о заготовленіи лимоновъ, вслѣдъ за Петромъ, въ числѣ другихъ спутниковъ

[1]) Ю. Юль говоритъ, что Меншиковъ былъ помолвленъ съ сестрой генеральши Вейде, но она умерла до свадьбы (Р. Арх., 1892 г., III, 25).

[2]) Есть извѣстіе, что у нея устраивались свиданія Петра съ Анной Монсъ и другими. См. ея письма 10 Окт. 1703 г. къ Петру и 5 Мая 1704 г. къ Меншикову. Это послѣднее привело въ недоумѣніе Г. В. Есипова, который напечаталъ его въ Р. Архивѣ, какъ могущее прояснить вопросъ о происхожденіи Меншикова. (Р. Арх., 1875 г., т. III, 108). Семевскій, „Ц. Екатерина Алексѣевна и Монсъ", 2 изд., 336.

[3]) Б.-Каменскій, „Дѣянія", I, 80.

[4]) Разсказы Нартова, „Москвитянинъ", 1842 г., IV, 466 и 467.

царя, подписались: «одинъ братъ Гашка, Алексашка Меншиковы» [1]. Азовскіе походы Петръ и Меншиковъ, „труждаясь въ Марсовомъ ярмѣ», совершили вмѣстѣ, даже жили въ одной палаткѣ.

Отпраздновавъ тріумфальнымъ въѣздомъ въ Москву взятіе Азова, при чемъ самъ царь и его любимецъ маршировали въ рядахъ бомбардирской роты, Петръ началъ собираться въ заграничное путешествіе. Весь 1696 г. и начало 1697 г. прошли въ снаряженіи великаго посольства, во главѣ котораго ѣхали великіе послы Ф. Я. Лефортъ, Ѳ. А. Головинъ и думный дьякъ П. Б. Возницынъ со свитой дворянъ и волонтеровъ и съ многочисленнымъ штатомъ прислуги. Волонтеровъ было три десятка; во второмъ десяткѣ десятникомъ самъ царь подъ именемъ Петра Михайлова, а первымъ волонтеромъ стоялъ по списку Александръ Меншиковъ. Уже назначенъ былъ отъѣздъ посольства, когда было донесено о существованіи заговора на жизнь Государя [2].

9 Марта 1697 г. великое посольство выѣхало изъ Москвы. Оно встрѣчено было нелюбезно въ Ригѣ, гдѣ, по словамъ современниковъ, чрезчуръ любознательный Петръ, вмѣстѣ съ неразлучнымъ своимъ Алексашкой, будто бы занялся снятіемъ чертежей Рижской крѣпости. Проведя весело время въ Германіи, посольство 16 Августа прибыло въ Амстердамъ [3]. 17-го смотрѣли комедію, 19-го присутствовали на фейерверкѣ, а 20-го Петръ съ своими волонтерами перебрался на дворъ Голландскій Остъ-Индской компаніи, съ нетерпѣніемъ спѣша «вдать себя въ наученіе корабельной архитектуры» и узнать все, «что подобало доброму плотнику знать». Меншиковъ остался вмѣстѣ съ Петромъ на Остъ-Индскомъ дворѣ, остальные были розданы по разнымъ мѣстамъ [4]. За работой Петръ имѣлъ очень мало досуга; свободное же время посвящалось осмотрамъ кунсткамеръ съ раритетами и монстрами, физическихъ и анатомическихъ кабинетовъ, фабрикъ и заводовъ, военныхъ кораблей, ботаническаго сада («гартуса-морбуса») и т. п.; только очень рѣдко, сравнительно, отмѣчалось: «были дома и веселились довольно». Какъ въ работѣ, такъ и въ попойкахъ неизмѣннымъ спутникомъ царя былъ Меншиковъ. Въ Январѣ 1698 г. побывалъ будущій свѣтлѣйшій князь и въ Англіи, куда влекли Петра Вульвичъ съ его знаменитымъ литейнымъ заводомъ и арсеналомъ и Дептфортъ съ корабельными вер-

[1]) „Письма и бумаги Петра Великаго", т. I, 26. По свидѣтельству Голикова, между Алекс. Данил. и Гавр. Авд. Меншиковыми не было никакого ни родства, ни свойства.

[2]) Б.-Каменскій („Дѣянія", т. I, 82) говоритъ, что донесъ о заговорѣ Меншиковъ, и „съ того времени Петръ I еще болѣе полюбилъ его". Тоже говоритъ Костомаровъ въ біографіи Меншикова (Исторія, т. II, 309).

[3]) М. А. Веневитиновъ, „Русскіе въ Голландіи", 48, 64.

[4]) „Письма и бумаги Петра Великаго", т. I, 187. Письма отъ 31 Августа къ маскарадному царю, князю-кесарю Ромодановскому.

фями. Въ Маѣ посольство выѣхало изъ Голландіи въ обратный путь и посѣтило Вѣну, откуда Петръ съ нѣсколькими изъ своихъ Преображенцевъ думалъ заѣхать въ Венецію. Уже былъ взятъ проѣзжій листъ на имя Меншикова, выданы были деньги на расходъ, когда получилось извѣстіе о новомъ стрѣлецкомъ бунтѣ.

«Сѣмя Ивана Михайловича (Милославскаго) ростетъ», и Петръ бросилъ все и поскакалъ въ Россію, взявъ собой Лефорта, Головина и Меншикова. Возвратившись въ Москву и мимоходомъ остригши боярамъ бороды и переодѣвши ихъ Европейцами, въ чемъ дѣятельное содѣйствіе оказывалъ Меншиковъ, Петръ надолго всецѣло погрузился въ стрѣлецкій розыскъ. Желаніе во что бы то ни стало докопаться до участія въ бунтѣ Софьи и ненавистныхъ Милославскихъ чрезвычайно расширило предѣлы розыска, а тяжелыя впечатлѣнія Майскихъ дней 1682 года довели Петра до рѣшенія совершенно уничтожить стрѣлецкое войско. Весь Октябрь 1698 года и Февраль слѣдующаго совершаются казни, ежедневно гибнутъ сотни стрѣльцовъ въ застѣнкахъ Преображенскаго, на плахахъ, висѣлицахъ и колесахъ. Обыкновенно Петръ самъ присутствуетъ при казняхъ, пріѣзжая на площадь «въ каретѣ вмѣстѣ съ извѣстнымъ Александромъ, общество котораго онъ наиболѣе любитъ» [1]. Раздраженіе достигаетъ высшей степени, Петръ начинаетъ самъ рубить головы мятежникамъ и заставляетъ тоже продѣлывать трепещущихъ отъ страха бояръ. Не научившись, можетъ-быть, строить кораблей [2]), Меншиковъ научился, однако, владѣть топоромъ и, какъ опытный палачъ, ловко отрубилъ 20 стрѣлецкихъ головъ. Очевидецъ - иностранецъ былъ пораженъ тѣмъ нетерпѣніемъ, которое выказывалъ Меншиковъ предъ казнью, и тѣмъ хвастовствомъ, съ которымъ онъ разсказывалъ о совершенномъ имъ подвигѣ. Тутъ уже не простая исполнительность и повиновеніе, тутъ являются природная жестокость и угодливость, умѣнье даже войти во вкусъ того, что могло понравиться Петру въ данное время, какъ проявленіе особенной преданности. За то и угодливый Алексашка, терпѣливо перенося побои и пощечины за неумѣстные и несвоевременные совѣты, за разныя упущенія и неаккуратность, даже за танцы безъ снятія шпаги, и пр. [3]), начинаетъ постепенно пріобрѣтать вліяніе на своего суроваго господина и друга. Посмотримъ на одинъ случай та-

[1]) Дневникъ Корба, „Чтенія", 1866 г., IV; 1867 г., I и III, 141.

[2]) Мейерманъ утверждаетъ, что, кромѣ царя и царевича Сибирскаго, никто изъ Русскихъ ничему не научился въ Голландіи по кораблестроенію. См. М. А. Веневитинова „Русскіе въ Голландіи".

[3]) Корбъ, 102, 173.

кого вліянія, о которомъ разсказываетъ цесарскій посолъ Гваріентъ. Вскорѣ по возвращеніи изъ-за границы, осенью 1698 г., въ самый разгаръ стрѣлецкаго розыска, на пиру у Лефорта въ присутствіи царя, хмельной генералиссимусъ А. С. Шеинъ похвастался неправильнымъ, за деньги, производствомъ въ офицеры въ своемъ полку. Моментально вспыхнувшій Петръ выхватилъ шпагу и, ударяя ею по столу, закричалъ: «Я уничтожу весь твой полкъ, а съ тебя сдеру шкуру». Шеину грозила явная опасность, тѣмъ болѣе, что въ это время Петръ былъ имъ недоволенъ за его вялыя дѣйствія во время стрѣлецкаго бунта. Лефортъ, Никита Моисеевичъ Зотовъ и князь-кесарь, сдѣлавшіе попытку удержать царя, получили нѣсколько чувствительныхъ ударовъ, а Ромодановскій отъ удара шпагой едва не лишился всѣхъ пальцевъ на рукѣ. «Всѣ», разсказываетъ очевидецъ, «были въ величайшемъ страхѣ. Сумѣлъ поправить это дѣло молодой фаворитъ, пользовавшійся наибольшей любовью царя предъ всѣми Москвитянами». Меншиковъ, такъ какъ это былъ онъ, увелъ Петра въ другую комнату, и черезъ нѣсколько времени царь вернулся къ трепетавшей компаніи въ веселомъ настроеніи [1]).

Въ благодарности, конечно, недостатка не было; прежде всего самъ Петръ, всегда раскаивавшійся въ своей горячности, не могъ не быть ему благодаренъ [2]). Но уже и въ это раннее время жизни можно замѣтить въ Меншиковѣ значительное честолюбіе и тщеславіе, корыстолюбіе и алчность. Не занимая важнаго положенія, попрежнему простой сержантъ гвардіи, которому Петръ, по просьбѣ одного изъ его «милостивцевъ», не хочетъ дать чина стольника, говоря, что «Александръ уже и безъ того присвоиваетъ себѣ почести, на которыя не имѣетъ права, и что честолюбіе его слѣдуетъ болѣе унимать, чѣмъ поощрять» [3]), этотъ Александръ силенъ своей близостью къ государю, его любовью и дружбой, знаніемъ его вкусовъ и привычекъ. Такой человѣкъ всегда можетъ быть нуженъ. Находятся покровители, находятся и люди, нуждающіеся въ его помощи, содѣйствіи, заступничествѣ въ бѣдѣ. Теперь этому «извѣстному Александру» уже нельзя дать талера на чай, какъ

[1]) Устряловъ, III, Прилож. X, 622—626.

[2]) Мелкія замѣтки въ расходныхъ книгахъ Государевыхъ мастерской и казенныхъ палатъ указываютъ на близость и расположеніе Петра къ Меншикову: въ Сентябрѣ 1698 г. государь два раза беретъ „сукно кармазинъ темнокрапивное“ и оба раза по 6 арш. себѣ и Меншикову на Венгерскіе кафтаны; въ Августѣ 1700 г., отпускается 20 руб. за поясъ, который взялъ Петръ у Меншикова; тогда же предписывается сдѣлать 4 поставца, „образцомъ противъ Нѣмецкихъ, каковы на дворѣ у Ал. Данилова сына Меншикова“, по одному для Головина и Головкина и два для Меншикова, и т. п. „Сборн. выписокъ изъ арх. бумагъ о Петрѣ В.“, I, 186, 339).

[3]) Корбъ, 147.

когда-то далъ генералъ Гордонъ Алексашкѣ, пришедшему поздравить его. Самъ святѣйшій патріархъ всѣхъ сѣверныхъ странъ, поклонникъ старины и суровый противникъ брадобритія, Адріанъ, пишетъ о церковныхъ дѣлахъ къ Преображенскому сержанту, называя его «добропріятнымъ, возлюбленнымъ о Господѣ сыномъ, царскаго величества ближнимъ и вѣрнымъ рабомъ» и прося его содѣйствія. «Изволь», пишетъ ему патріархъ, «государю воспомянути, яко любовь твоя знаеши время, и сотвори намъ по доношенію извѣстіе» [4]). Съ купцовъ, попавшихся въ плутняхъ, Меншиковъ беретъ тысячи рублей за заступничество [2]). Ему несутся всякіе «презенты», и тѣмъ не менѣе Меншиковъ не прочь выставить иногда на видъ свое безкорыстіе. Взявъ подарки у дьяка Андрея Виніуса, стараго, неутомимаго сотрудника Петра, чувствовавшаго на себѣ его немилость, Меншиковъ, написавъ Петру, что Виніусъ ни въ чемъ не оправдался, прибавилъ: «Зѣло дивлюсь, какъ тѣ люди не познаютъ себя и хотятъ меня скупить за твою милость деньгами» [3])... «Милостивцы» завѣщаютъ Меншикову «деревеньки» [4]).

Такъ закладывается прочный фундаментъ колоссальному богатству, обладателемъ котораго былъ впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь. Первоначально у Меншикова ничего не было, кромѣ двора съ баней въ селѣ Семеновскомъ [5]), но уже въ 1699 г. Меншиковъ имѣетъ весьма значительное состояніе [6]). 4 Марта 1699 года Меншиковъ купилъ у Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ за 2000 рубл. «дворъ въ приходѣ ц. Флора и Лавра», а въ Ноябрѣ къ нему прибавился еще сосѣдній дворъ Кир. Авр. Пестова, заложенный Меншикову въ 100 руб. [7]). Въ 1700 г. ему пожалованы подмосковныя села Кузминское и Телятево, отобранныя у Высотскаго монастыря и у Прончищева «за ослушаніе и огурство», да деревня Лукина въ 30 дворовъ; отданы на оброкъ дворцовыя волости, съ которыхъ, однако, оброка Меншиковъ никогда не платилъ [8]).

[4]) Устряловъ, III, 537.

[2]) Корбъ, 154. Дѣло Преобр. прик. о гостѣ Романовѣ. См. М. Семевскаго, „Ц. Екатерина Алексѣевна и Монсъ“, 2 изд., 16.

[3]) Соловьевъ, XVI, 3 и 4.

[4]) Холмогоровы, „Матеріалы для исторіи церквей“, VI, 70.

[5]) Устряловъ, III, 541. На этомъ дворѣ въ 1698 г. Меншиковъ построилъ каменныя палаты (М. арх. М. Ю., столб. Пр. ст. № 625).

[6]) Въ Августѣ 1700 года, когда понадобилось въ Казенную Палату золото для золоченія черенка и украшенія пояса къ кортику, посылавшемуся „Мултинскому государю“, Меншиковъ уже имѣлъ возможность доставить 2 ф. 77 золот. „Китайскаго золота“, цѣною на 360 руб. („Сборн. вып. о Петрѣ В.“. I, 186).

[7]) На Мясницкой въ Москвѣ, теперь владѣніе Московскаго Почтамта. Въ 1705 г. Меншиковъ прикупилъ еще сосѣдній дворъ Салтыковыхъ за 2 т. руб. См. „Русск. Достопамятности“ Мартынова, II, „Церковь архангела Гавріила“, прим. 25.

[8]) Холмогоровы, IX, 116, 148; М. арх. М. Ю., кн. Сената, № 2/684, л. 93.

Въ 1701 г. онъ является владѣльцемъ лѣсопильной мельницы на Москвѣ-рѣкѣ и получаетъ монополію на торговлю въ Москвѣ пиленымъ лѣсомъ, а чтобы мельница могла работать, велѣно запереть воду и такимъ образомъ упразднить существовавшія раньше хлѣбныя мельницы [1]). У Меншикова была и подмосковная вотчина, въ которой онъ живалъ лѣтомъ. Это село Алексѣевское въ 12 верстахъ отъ Москвы, на берегу Яузы. Иностранный путешественникъ Де-Бруинъ разсказываетъ, что здѣсь у Меншикова была прекрасная дача съ паркомъ и садками, наполненными отборной рыбой. Однѣ конюшни болѣе чѣмъ на 50 лошадей «превосходной породы» показываютъ, что хозяйство въ Алексѣевскомъ было поставлено на широкую ногу [2]). Въ концѣ 1702 г. Меншиковъ становится владѣльцемъ великолѣпнаго дома, принадлежавшаго Лефорту, въ Нѣмецкой слободѣ, который онъ немедленно отдѣлалъ и увеличилъ [3]). Въ своемъ Алексѣевскомъ Меншиковъ давалъ блестящіе праздники, на которыхъ присутствовали дамы царской фамиліи, иностранные послы и офицеры, иноземные купцы съ семействами. Въ Лефортовскомъ домѣ была устроена первая шутовская свадьба шута Филата Шанскаго. Забавѣ придана, по обыкновенію, серіозная внѣшность. Разрядный приказъ, кругъ дѣятельности котораго много шире современнаго Военнаго Министерства, занятъ долгое время нарядомъ участвующихъ, посылкою повѣстокъ, устройствомъ всего древнерусскаго свадебнаго чина, выписывая, «напримѣръ», какъ было «въ прошломъ въ 197 году», т.-е. на свадьбѣ самого Петра съ Евдокіей Лопухиной. Распредѣливъ всѣ роли, начиная съ маскараднаго царя и кончая простыми участниками свадебнаго поѣзда, Петръ съ своимъ любимцемъ ѣхали рядомъ, одѣтые въ богатые парчевые кафтаны на коняхъ съ гремячими цѣпями [4]).

III.

Меншикову поручалось домашнее хозяйство Государя въ селѣ Преображенскомъ. Меншиковъ получаетъ изъ казенной палаты «сосуды серебряные и золотые въ походъ въ с. Преображенское», беретъ сукно для обивки лавокъ и стѣнъ, слюду для окончинъ въ государевыхъ хоромахъ... [5]). Извѣстно письмо Петра къ Меншикову (1700 г., Январь), въ которомъ, называя его «мейнъ герценкиндъ», Петръ про-

[1]) М. арх. М. Ю., Столбцы Моск. стола, ст. 790, № 2, лл. 3, 9, 44; „Сборн. вып. о Петрѣ В.“, II, 183.
[2]) К. Де-Бруинъ, 57.
[3]) Тамъ же, 245, 249; ср. Р. Арх., 1875, III, 482 и 483.
[4]) М. арх. М. Ю., Столбцы Моск. стола, ст. 1098, № 4; Де-Бруинъ, 48.
[5]) „Сборн. вып. о Петрѣ В.“, I, 172, 180, 181; II, 300.

ситъ его всюду вычистить и починить, сдѣлать новый полъ и погребъ, позаботиться о сохраненіи пива. «Также и во всемъ осмотри и прикажи. А самъ для Бога не мѣшкай; а самъ знаешь, для чего. За симъ предаю васъ въ сохраненіе всѣхъ Хранителя Бога». Къ письму приложена была особая цидула, т.-е. собственноручная записочка, въ которой Петръ даетъ Меншикову еще одинъ ласкательный эпитетъ «mijn Sielenkind», т. е. дитя души моей [1]). Кромѣ того, Меншикову поручалось въ отсутствіе Царя состоять при дворѣ царевны Наталіи, любимой сестры Петра, и при царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ. Въ 1698 г. М. Бужениновъ писалъ Петру въ Воронежъ, что на другой день послѣ отъѣзда Петра были на дворѣ государя «гости, часа съ два или три, сестра твоя съ племянникомъ, а твоимъ сыномъ, и Алексаша» [2]).

Не сомнѣваемся, что это порученіе было по душѣ молодому царскому любимцу, потому что здѣсь у него завязались сердечныя привязанности. Въ числѣ боярышень двора царевны Наталіи были сестры Меншикова, Анна и Марья Даниловны, и три сестры Арсеньевы. Изъ нихъ Дарья и Варвара Михайловны играли значительную роль въ жизни Меншикова. Сближеніе Меншикова съ Арсеньевыми произошло довольно рано, можетъ-быть именно въ 1698 г., при чемъ скоро дружба съ Дарьей Михайловной замѣнилась болѣе близкими отношеніями, настолько близкими, что путешественникъ Де-Бруинъ называетъ ее княгиней, а ея брата шуриномъ Меншикова [3]). Красавица собой, по общему отзыву современниковъ, Дарья Арсеньева была простой и веселой, преданной и любящей женщиной, ничѣмъ не выдававшейся въ жизни, настолько скромной, что въ письмахъ всей компаніи къ «радости-капитану», Петру, она подписывалась «Дарья-глупая» [4]). Чего, однако, не хватало одной сестрѣ, то съ избыткомъ восполнялось другою. Некрасивая, горбатая Варвара Арсеньева отличалась выдающимся умомъ, насмѣшливымъ характеромъ и хитростью. Петръ любилъ ее за умъ, а самъ надменный свѣтлѣйшій князь не только совѣтовался съ ней, но, по мнѣнію современниковъ, даже находился подъ ея вліяніемъ; не даромъ царевичъ Алексѣй Петровичъ видѣлъ въ ней все зло и подъ пьяную руку предвкушалъ удовольствіе посадить ее на колъ.

Въ первыхъ письмахъ Арсеньевыхъ къ Меншикову, на лоскуткахъ сѣрой бумаги, «Дашка да Варька челомъ бьютъ», сокрушаются въ

[1]) „Письма и бумаги Петра В.“, I, 790.
[2]) Устряловъ, III, 480.
[3]) Де-Бруинъ, 62 и 252. Эту же ошибку повторяетъ Н. И. Костомаровъ, говорящій, что Меншиковъ женился на Дарьѣ Арсеньевой въ 1700 г. (Исторія, II, 310).
[4]) Д. М. Арсеньева род. 28 Марта 1682 г. (Долгоруковъ, „Родословная книга“, II, 46.

разлукѣ «съ радостью» Александромъ Даниловичемъ, освѣдомляются о его здоровьѣ, о томъ, «нѣтъ ли отъ досажденія ихъ на нихъ гнѣву». При этомъ сестры не забываютъ выколоть булавками на письмѣ два соединенныя сердца. Въ другомъ письмѣ, поздравляя съ праздникомъ Воскресенія Христова, онѣ тужатъ, что «не сподобились видѣть свѣта своего». Чѣмъ далѣе, тѣмъ переписка дѣлается болѣе оживленной, а эпитеты, подсказываемые соединенными сердцами, многочисленнѣе и нѣжнѣе: «свѣтъ мой, батюшка мой, душенька моя дорогая», пересылаютъ всѣ письма дружныхъ сестеръ. Посылаются вмѣстѣ съ тѣмъ и разные «презенты», чаще всего сорочки, камзолы и галстухи; исполнивъ порученіе Меншикова о высылкѣ ему «новыхъ волосъ» (парика), пудры доброй и масла, дѣвицы отъ себя прибавляютъ «кровать съ постелью и съ одѣяломъ, да камзолъ и кафтанъ». Отвѣтныя письма Меншикова вначалѣ отличаются тѣмъ особеннымъ лаконизмомъ Петровскаго стиля, который такъ хорошо усвоилъ себѣ Меншиковъ, и содержатъ, большею частью, только извѣстія о здоровьѣ. Постепенно, однако, и его письма утрачиваютъ свою сухость и дѣлаются болѣе содержательными. Посылаются отъ Дарьи Михайловны алмазное сердце, а отъ Варвары Михайловны галстухи. «Оное присланное», отвѣчаетъ Меншиковъ, «принято съ любовью, за сіе ваше ко мнѣ любленіе поклоненіе отсылаю. Если милость вашу получу видѣть, буду самъ платить; недорого мнѣ алмазное сердце, дорого ваше ко мнѣ любительство». Получивъ другой разъ «сочиненные» дѣвицами «ягодники», Меншиковъ спѣшитъ извѣстить, что «съ любовью ихъ употребляетъ, понеже зѣло показались ему угодны». Въ другомъ случаѣ Меншиковъ «благодарствуетъ за писаніе, а особо за присылку шлафмица». Иногда Варвара Арсеньева посылаетъ галстухи и для «капитана», т.-е. Петра, который ихъ благосклонно принимаетъ и шлетъ поклоны то чрезъ дѣвицъ Алексашѣ, то, наоборотъ, чрезъ Меншикова кланяется «иглу имѣющимъ». Письма Меншикова касаются не однихъ только презентовъ, онъ дѣлится съ Арсеньевыми различными новостями: 10 Мая 1703 г. за одержанную первую морскую побѣду Меншиковъ получилъ орденъ св. Андрея и въ тотъ же день спѣшитъ извѣстить объ этомъ дѣвицъ; ему, очевидно, пріятно имъ первымъ сообщить о своемъ счастьѣ и подписаться впервыя Шлюссельбургскимъ и Шлотбургскимъ губернаторомъ и кавалеромъ. Дѣвицы любили повеселиться со своими друзьями: онѣ скачутъ за сотни верстъ по зову «радости-капитана» или «свѣта Александра Даниловича», совершаютъ переходы вмѣстѣ съ войсками, терпятъ разныя «мытарства»; Анна Даниловна и Дарья Михайловна ѣздятъ даже верхомъ къ немалому соблазну ревнителей

старины. Нерѣдко даже друзья не знаютъ, гдѣ находятся ихъ дѣвицы и шлютъ имъ письма «въ пути, гдѣ обрѣтаются, дѣвицамъ». Подъ именемъ «дѣвицъ» онѣ извѣстны всѣмъ [1]). Съ своей стороны и Меншиковъ старается доставить имъ удовольствіе, заготовляетъ въ Витебскѣ «изрядное судно, въ чемъ по Двинѣ-рѣкѣ гулять», а уѣзжая въ Москву къ больному Царю, требуетъ, чтобы дѣвицы веселились, подъ угрозой — «истинно лишены будете моей милости вѣчно»... Нельзя отрицать, что во всемъ этомъ выражалась если не любовь, то значительное расположеніе; если же принять во вниманіе черствость, надменность характера и эгоизмъ Меншикова, то понятно, почему кажется, что онъ скорѣе позволяетъ себя любить, чѣмъ самъ всецѣло предается этому чувству. Но вотъ, ко дню рожденія Меншикова присланы презенты; онъ благодаритъ и отдариваетъ дѣвицъ «къ торжеству, къ своему тезоименству» «патретами», прибавляя: «извольте оные дѣлить промежъ себя, какъ знаете»; если не обидно никому, то неособенно пріятно нѣкоторымъ. Сколько послано было портретовъ, мы не знаемъ; но мы знаемъ, что компанія значительно увеличилась къ этому времени. Теперь во главѣ компаніи сестра Меншикова Анна «худенькая», какъ она подписывалась подъ письмами къ Петру, затѣмъ являются новыя лица, Анисья Кириловна Толстая и Катерина Трубачева. Какія были отношенія Петра къ этой компаніи, мы въ точности не знаемъ, но во всякомъ случаѣ очень близкія. Не говоря о дружеской перепискѣ съ «дорогимъ капитаномъ» его «всегдашнихъ услужницъ», о веселомъ препровожденіи времени въ кругу дѣвицъ, о презентахъ и поклонахъ, имѣются данныя на то, что двѣ изъ дѣвицъ имѣли основаніе питать надежду сдѣлаться государынями. Когда, однажды, гетманъ Мазепа напомнилъ Меншикову обѣщаніе выдать сестру Анну Даниловну за племянника его, Войнаровскаго, Меншиковъ подъ хмелькомъ отвѣчалъ: «нельзя, царское величество самъ хочетъ на сестрѣ моей жениться». Зная чѣмъ можно угодить Петру, Меншиковъ писалъ: «Для Бога, Дарья Михайловна, принуждай сестру, чтобъ она училась непрестанно какъ Русскому, такъ и Нѣмецкому ученью, чтобы даромъ время не проходило» [2]). Въ одномъ показаніи во время розыска по дѣлу царевича Алексѣя Петровича, относительно самой Дарьи Арсеньевой мы слышимъ такія слова: «Богъ-де Государю царицу поискалъ, что-де ее Государь взялъ за себя, она-де не великаго роду была; было-де слово, что быть было царицею свѣтлѣйшей кня-

[1]) Есиповъ, Р. Арх., 1875 г., II. См. письмо Головкина. Соловьевъ, XVI, 33.
[2]) Соловьевъ, XV, 294; XVI, 70.

гинѣ, да поспѣшила-де Екатерина Алексѣевна» [1]). Эта женщина, перешедшая дорогу двумъ своимъ подругамъ, въ то время и называлась Катериной Трубачевой.

Слишкомъ извѣстно, какимъ образомъ Маріенбургская плѣнница сдѣлалась царицей Екатериной Алексѣевной, чтобы на этомъ подробно останавливаться. По взятіи Маріенбурга, 24 Августа 1702 года, молодая плѣнница, жившая въ домѣ пастора Глюка, попадаетъ къ фельдмаршалу Б. П. Шереметеву. Чрезъ полгода она переходитъ къ Меншикову и въ его домѣ становится компаньонкой «дѣвицъ». Приблизительно въ Февралѣ или Мартѣ 1704 года въ домѣ Меншикова встрѣтился съ нею Петръ, и съ этого времени начинается ихъ связь, закрѣпившаяся въ томъ же году рожденіемъ сына, того «Петрушки», котораго Петръ въ шуточномъ письмѣ къ Арсеньевымъ поручаетъ ихъ попеченію, проситъ «не покинуть и чтобъ пить-ѣсть ему было довольно». Въ Октябрѣ 1705 года родился другой сынъ, и вся компанія поздравляетъ царя съ новорожденнымъ; тутъ и «Анна худенькая», и Варвара, и «Дарья-глупая», и «Катерина сама-третья», а «Петръ и Павелъ, благословенья прося, челомъ бьютъ». Случайная связь теперь окрѣпла окончательно; несчастливый отецъ, Петръ всегда искренно желалъ имѣть дѣтей и очень ихъ любилъ. Тому, что связь эта не была мимолетною, много способствовалъ, впрочемъ, и характеръ этой новой привязанности Петра. Несомнѣнно, что вначалѣ Петръ любилъ Екатерину, какъ простую фаворитку, которая нравится, безъ которой скучно, но которую и можно бросить во всякое время. Съ теченіемъ времени, однако, Петръ полюбилъ Екатерину какъ женщину, тонко освоившуюся съ его характеромъ, ловко примѣнившуюся къ его привычкамъ, умѣвшую ему угождать. Женщина, не только лишенная всякаго образованія, но и совершенно безграмотная, она до такой степени умѣла дѣлить съ мужемъ, и горе, и радость, что Петръ, по свидѣтельству царевича Алексѣя, постоянно находилъ, что «жена его, а моя мачиха, умна». Меншиковъ, признавъ неудачу своихъ брачныхъ «конъюктуръ», былъ настолько благоразуменъ, что не только не сталъ противодѣйствовать развивавшейся привязанности царя, но всячески ей содѣйствовалъ, вѣрно оцѣнивъ всѣ выгоды такого образа дѣйствій; а Екатерина, всецѣло обязанная ему своимъ возвышеніемъ, не только помнила и покровительствовала своему старому пріятелю, но и сохранила на всю жизнь къ нему дружественное расположеніе. Немало способствовало этому, конечно, и то, что Екатеринѣ, бѣдной Маріенбургской плѣнницѣ, вѣроятно, хорошо и пріятно когда-то жилось въ домѣ Меншикова, въ обществѣ преданныхъ ему Арсеньевыхъ. Связь эта, возникшая на почвѣ вѣрно понятыхъ взаимныхъ выгодъ, была замѣчена въ народѣ и объяснена по-своему: «Она-де съ княземъ Меншиковымъ его величество кореньемъ обвела».

[1]) Погодинъ, „Документы по дѣлу цар. Алексѣя“. („Чтенія“, 1861 г., III, 138 и 40). Слова эти говорила прожившая весь вѣкъ въ домѣ у Меншикова старуха Варвара Кулбасова. Она, повидимому, находилась подъ особымъ покровительствомъ князя; во время розыска она содержалась дома, а великіе инквизиторы П. А. Толстой и А. И. Ушаковъ обошлись съ нею не по обычаю мягко: не пытали и освободили безъ наказанія.

Итакъ, судьба Екатерины была рѣшена; но Петра, видимо, смущала судьба и другихъ дорогихъ ему женщинъ. Въ концѣ 1705 года Петръ пишетъ какія-то загадочныя фразы: «Еще васъ о единомъ прошу, ни для чего, только для Бога и души моей, держи свой пароль». Проведя весело Пасху 1706 года въ обществѣ дѣвицъ въ Нарвѣ, куда онѣ добрались послѣ многихъ задержекъ «на мытарствахъ», Петръ пишетъ снова Александру Даниловичу: «Истинно, что въ раю живемъ здѣсь; точію едино мнѣніе никогда насъ не оставляетъ, о чемъ самъ можешь вѣдать, въ чемъ возлагаемъ не на человѣчью, но на Божью волю и милость». Біографы ставятъ эти письма въ связь съ женитьбой Меншикова; но должно откровенно сознаться, что все же смыслъ ихъ довольно темень [1]). Какъ бы то ни было, и Петръ, и Меншиковъ дали другъ другу какіе-то «пароли», а 18 Августа 1706 г. состоялась свадьба Меншикова съ Дарьей Михайловной. Позднѣе и Анна «худенькая» была выдана замужъ за Антона Девіера, перваго Петербургскаго полицеймейстера [2]). Только Варвара Арсеньева осталась неразлучной спутницей Меншиковыхъ.

Обвѣнчавъ Меншикова, Петръ и Екатерина уѣхали въ Петербургъ. Компанія распалась [3]).

[1]) Есиповъ предполагаетъ, что Петръ хотѣлъ женить Меншикова, боясь возобновленія прежнихъ отношеній его къ Екатеринѣ. Едва ли такъ. Кажется болѣе основательнымъ, что Петръ, не надѣясь на собственный починъ со стороны эгоистичнаго и въ тоже время легкомысленнаго Даниловича, рѣшилъ женить его на Дарьѣ Михайловнѣ Арсеньевой, желая устроить судьбу этой достойной женщины, кто знаетъ, можетъ быть, и дѣйствительно близкой и нравившейся Петру, чтобы, такъ сказать, вознаградить ее за то, что Екатерина перешла ей дорогу.

[2]) Свѣтлѣйшій братъ съ презрѣніемъ отвергъ предложеніе Девіера въ то время. По приказанію Петра, Анна Даниловна, любившая молодого, красиваго Португальскаго искателя приключеній, была обвѣнчана съ Девіеромъ, который нажилъ, однако, въ лицѣ Меншикова злѣйшаго врага. См. Шубинскаго, Гельбига и др. Другая сестра Меншикова, Марія, была съ 1703 г. замужемъ за гр. А. А. Головинымъ.

[3]) Объ Арсеньевыхъ см. Соловьева, XV, 68—72, и Есипова, Р. Арх., 1875 г., II, 137—247.

IV.

Между тѣмъ война со Швеціей была въ полномъ разгарѣ. Сложныя политическія отношенія, доставшіяся Петру въ наслѣдство отъ XVII вѣка и новыя потребности, вызванныя къ жизни преобразовательной дѣятельностью самого Петра, должны были привести Россію, стремившуюся возвратить старо-русское побережье Финскаго залива, въ столкновеніе со Швеціей. Три государства, Россія, Польша и Данія, обобранныя Швеціей въ XVII вѣкѣ, заключили 11 Ноября 1699 года союзъ, и въ началѣ 1700 года Саксонскія войска Августа вступили въ Ливонію... Началась Великая Сѣверная война. Союзники встрѣтили въ молодомъ Шведскомъ королѣ совсѣмъ не то, на что разсчитывали, и война началась для нихъ неудачно, тѣмъ болѣе, что и дѣйствія слабой Даніи и изнѣженнаго Августа не отличались особенной энергіей. «Ахъ, нерасторопное», писалъ Головинъ Петру въ Воронежъ, «къ лучшему и безъ разсужденія Венусово веселіе, иже легкомыслительствомъ неоцѣненное ко многихъ пользѣ время потеряли» [1]). Но и Русскіе потерпѣли сильное пораженіе подъ Нарвой 19 Ноября 1700 года. При всеобщемъ смятеніи и бѣгствѣ, только два «потѣшные» полка, Преображенскій и Семеновскій, выказали необыкновенную стойкость и до вечера отбивались отъ Шведовъ, огородившись повозками и рогатками. За участіе въ Нарвскомъ сраженіи Меншиковъ былъ произведенъ въ поручики бомбардирской роты Преображенскаго полка.

Кромѣ матеріальныхъ потерь, нравственное впечатлѣніе Нарвскаго пораженія было ужасное. Петръ, однако, не упалъ духомъ и проявилъ энергическую дѣятельность: приходилось собирать деньги и рекрутъ, лить пушки, заготовлять всякіе запасы; «не годится при несчастіи всего лишаться», писалъ онъ Шереметеву, ободряя его. Во время этой-то лихорадочной дѣятельности, Петръ имѣлъ своимъ ближайшимъ сотрудникомъ Меншикова, который оказался не только быстрымъ и точнымъ исполнителемъ приказаній царя, но и самостоятельнымъ дѣятелемъ съ выдающимися способностями администратора и военнаго человѣка. Для Меншикова невозможнаго не существовало; каковы бы ни были его побужденія, худо ли, хорошо ли, но Меншиковъ никогда не терялся ни при какихъ обстоятельствахъ, поступалъ на свой страхъ, какъ ему казалось лучше, не ожидая на каждый разъ особаго царскаго указа. Въ этомъ, какъ и во всемъ прочемъ, онъ являлся вполнѣ человѣкомъ новаго, Петровскаго времени. Петръ особенно дорожилъ такой самостоятельностью своихъ сотрудниковъ, требуя, чтобы они, прежде всего, дѣйствовали «не испустя времени», по своему усмотрѣнію, «ибо издали нельзя такъ знать, какъ будучи тамъ». Неудивительно, что Петръ такъ высоко цѣнилъ впослѣдствіи заслуги Меншикова за время тяжелой борьбы со Шведами; заслуги эти выражались не только въ его энергическихъ дѣйствіяхъ и подвигахъ, но, главнымъ образомъ въ той нравственной поддержкѣ, въ которой несомнѣнно нуждался Петръ въ это время, въ той бодрости духа, которая не покидала Меншикова въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что одинъ Меншиковъ не отчаявался въ успѣхѣ исхода борьбы; онъ одинъ не роптalъ на трудности войны и не пытался уклоняться ни отъ какого порученія; наконецъ, онъ всецѣло дѣлилъ радость Петра по поводу каждаго успѣха Русскаго оружія... Для сравненія, чтобы понять, что́ долженъ былъ чувствовать Петръ по отношенію къ Меншикову, стоитъ только взглянуть на другого преданнаго царю и способнаго военнаго человѣка, Б. П. Шереметева. Это полководецъ стараго времени, «бояринъ и воевода» XVII вѣка, точный исполнитель указовъ своего господина государя, не входящій глубоко въ его интересы, требующій на все подробнаго наказа, не смѣющій поступить безъ указа, чтобы не принять на себя отвѣтственности въ случаѣ неуспѣха. Для него дьяки Разряднаго приказа авторитетные стратеги, способные изъ Кремля направлять всѣ движенія войскъ на окраинахъ, способные все предусмотрѣть, все взвѣсить. Въ случаѣ неуспѣха онъ быстро падаетъ духомъ; при успѣхѣ мечтаетъ поскорѣе сложить военное бремя, уѣхать въ Москву отдохнуть, уклониться отъ службы... Такому человѣку не могли быть по душѣ лагерная жизнь многолѣтней Сѣверной войны и служба безъ отдыха, служба тяжелая, безпокойная и при томъ отвѣтственная. Въ старое время можно было замедлить дѣло волокитою, отговориться чѣмъ-нибудь; царь и дьяки разряда были далеко не такъ страшны, какъ Петръ, поспѣвающій самъ всюду и серіозно грозящій своему старому слугѣ, котораго онъ хорошо знаетъ: «Отговариваться нечѣмъ, людей довольно, рѣки и болота замерзли, не чини отговорки ничѣмъ, а если болѣзнью, и та получена межъ бѣглецами». А этотъ старый слуга весь передъ нами въ своихъ жалобахъ: «Ни отъ кого мнѣ помощи нѣтъ, легко мнѣ было жить при тебѣ да при Данилычѣ; ничего я за милостію вашею не зналъ». Но вотъ Шереметевъ одерживаетъ 29 Декабря 1701 года побѣду надъ Шведами при мызѣ Эрестферъ (это первая побѣда послѣ Нарвы) и Меншиковъ ѣдетъ къ нему, везетъ орденъ Андрея Первозваннаго, портретъ съ бриллiантами и указъ о возведеніи побѣдителя въ генералъ-фельдмаршалы [1]).

[1]) Соловьевъ, XIV, 342.

[1]) Соловьевъ, XIV, 357, 364.

Въ 1702 году получается извѣстіе, что Шведы намѣрены захватить «городъ» (Архангельскъ). Петръ скачетъ въ Архангельскъ, взявъ съ собой царевича Алексѣя и его «гофмейстера» Меншикова, успѣвшаго уже въ это время перессориться съ опредѣленнымъ къ царевичу «для наставленія въ наукахъ и нравоученій» Нѣмцемъ М. Нейгебауеромъ, испортившимъ позднѣе свѣтлѣйшему князю столько крови пасквильными писаніями. Въ Архангельскѣ Петръ и Меншиковъ занялись постройкою «фортеціи», за что позднѣе (въ 1703 г.) Меншиковъ былъ награжденъ «золотымъ съ персоной царской». Но лѣто прошло благополучно, и осенью Петръ ѣдетъ къ побережью Балтійскаго моря. Вызвавъ сюда Шереметева, Петръ осаждаетъ городъ Нотебургъ, который и беретъ приступомъ 11 Октября. Хотя искусный риторъ, учитель царевича Никита Вяземскій, и выразился фигурально, что «во управительствѣ Борисъ Петровичъ всего воинства»; но можно думать, что наиболѣе дѣятельное участіе и главная роль въ разгрызеніи «зѣло жесткаго орѣха» принадлежали самому Петру и Меншикову, который и былъ назначенъ комендантомъ вновь завоеванной крѣпости, названной Шлюссельбургомъ. «Ты мнѣ этимъ не одолженъ», сказалъ будто-бы Петръ благодарившему его любимцу; «возвышая тебя, не о твоемъ счастьѣ я думалъ, но о пользѣ общей; если бы я зналъ кого достойнѣе, то не произвелъ бы тебя» [1]). Новый комендантъ и графъ Священной Римской Имперіи [2]) выписываетъ изъ Москвы сотни подводъ съ припасами и питьями, отъ «города» коляски и кареты и въ тоже время впервыя знакомится съ прелестями климата прибалтійскаго побережья, этого Петровскаго «парадиза», а для большинства современниковъ, ненавистнаго Чухонскаго болота. «Въ хоромахъ едва жить можно, превеликіе морозы и жестокіе вѣтры, съ великою нуждою за ворота выходимъ», пишетъ Меншиковъ Петру [3]). Пока Меншиковъ устраивалъ свое домашнее хозяйство на Сѣверѣ, Петръ по дорогѣ въ Воронежъ 3 Февраля основалъ для своего любимца въ степи новый городокъ Ораніенбургъ, въ вотчинѣ его селѣ Слободскомъ. По описанію Де-Бруина, участвовавшаго въ торжествѣ, здѣсь у Меншикова былъ помѣщичій домъ, «прекрасное громадное зданіе, похожее на увеселительный домъ, съ красивымъ покоемъ наверху, въ видѣ фонаря, покрытаго отдѣльной крышей, раскрашеннаго очень красиво всевозможными цвѣтами; въ самомъ домѣ множество отличныхъ и удобныхъ комнатъ, довольно высоко расположенныхъ надъ землею». Кругомъ была крѣпостца съ воротами и верками. На

[1]) Б.-Каменскій, „Дѣянія", I, 84.
[2]) Графомъ Меншиковъ пожалованъ въ 1702 году.
[3]) Есиповъ, Р. Арх., 1875, I, 238.

каждомъ изъ верковъ и у воротъ пили разныя водки при пальбѣ изъ пушекъ. Такъ какъ у замка не было еще имени, то Петръ Великій назвалъ его тутъ же «Ораніенбургомъ», при чемъ верки были названы по имени пяти чувствъ [1]).

Борьба со Швеціей требовала напряженія всѣхъ силъ государства: требовались люди и деньги. Петръ, со свойственной только ему одному неустанной энергіей, носился изъ конца въ конецъ, собирая рекрутъ и всякія «доимки» и всюду стараясь внушить, что «деньги артерія войны есть». Результаты кипучей дѣятельности стали сказываться: Русскія войска начали одерживать частичныя побѣды надъ непріятелемъ. «Артиллерія наша зѣло чудесно дѣло свое исполнила», пишетъ Петръ послѣ взятія Нотебурга своему старому сотруднику, А. Виніусу. Но этотъ 70-лѣтній дѣятель, съ которымъ такъ недобросовѣстно поступилъ Меншиковъ, готовъ сойти со сцены; являются новые люди, и въ числѣ ихъ всплываетъ наверхъ, подмѣтивъ главное теченіе, «прибыльщикъ» Курбатовъ. Онъ имѣетъ своимъ покровителемъ и «милостивцемъ» Меншикова, котораго за то и превозноситъ царю, называя «сосудомъ, избраннымъ отъ Бога, единственнымъ человѣкомъ, который безъ порока предъ царемъ», и не забывая въ тоже время заготовить ему то «водокъ всякихъ» изъ прибылыхъ денегъ, то прямо подѣлиться частицею этихъ прибылей, какъ законной ему наградою за его услуги царю и за покровительство, дававшее возможность открывать новые источники доходовъ.

Съ весной возобновились военныя дѣйствія. Въ Мартѣ (19 ч.) пріѣхалъ Петръ въ Шлюссельбургъ, этотъ ключъ-городъ, а въ Апрѣлѣ Русскія войска двинулись внизъ по Невѣ къ Финскому заливу и 1 Мая взяли маленькую Шведскую крѣпость Канцы или Ніеншанцъ. 5 Мая неосторожно подошедшія къ Невскому устью два Шведскія судна были окружены Русскими и взяты капитаномъ Петромъ и поручикомъ Меншиковымъ. Это была первая морская побѣда, и оба участника получили награду. «Хотя недостойны», пишетъ Петръ, «однакоже отъ гг. фельдмаршала и адмирала мы съ господиномъ поручикомъ учинены кавалерами св. Андрея» [2]). Этотъ поручикъ и кавалеръ назначенъ теперь Шлюссельбургскимъ и Шлотбургскимъ губернаторомъ. 16 Мая 1703 года закладывается новая крѣпость Петербургъ, при чемъ одинъ изъ верковъ называется Меншиковскимъ; закладывается домъ для Меншикова, и ему поручается наблюденіе за постройкою зданій. Только въ Октябрѣ могъ Меншиковъ освободиться

[1]) Де-Бруинъ, 122; „Письма и бумаги Петра В.", II, 126 и 127, 464—466.
[2]) Есиповъ, Р. Арх., 1875 г., II, 239.

на время отъ дѣлъ по управленію и устройству вновь завоеваннаго края и заботѣ по постройкѣ Петербурга и явиться въ Москву на свадьбу своей сестры Маріи Даниловны съ графомъ А. А. Головинымъ, братомъ великаго адмирала... Какой-то досужій Нѣмецкій піита по этому случаю скропалъ чувствительные Нѣмецкіе стихи въ честь молодыхъ, подъ нѣжнымъ заглавіемъ: «Der süsse Liebe-Apfel»..... переведенные своевременно на Русскій языкъ еще болѣе ужасными виршами.

Недолго, однако, пришлось Меншикову пробыть въ Москвѣ въ своемъ роскошно отдѣланномъ домѣ, бывшемъ Франца Лефорта. (Это былъ громадный домъ, выстроенный въ Итальянскомъ вкусѣ, съ двумя наружными широкими лѣстницами по концамъ, которыя вели во внутрь дома). Въ самомъ началѣ Марта Петръ уже на Олонецкой верфи строитъ корабли, а «господинъ его товарищъ» въ Петербургѣ трудится надъ постройкой новой «столицы» [1]). Кромѣ того, у него еще серіозное и трудное порученіе построить крѣпость для защиты дорогого «парадиза», по рисунку самого Петра, данному ему еще зимою. Петръ хорошо зналъ, что, поручивъ Меншикову постройку какъ новаго города, такъ и крѣпости, «мимо которой невозможно безъ препятствія ни единому кораблю въ устье пройти», онъ могъ быть спокоенъ.

Помимо обычной исполнительности, у Меншикова была страсть къ постройкамъ: онъ вѣчно что-нибудь строитъ; то обстраиваетъ усадьбы въ своихъ многочисленныхъ вотчинахъ, то строитъ церкви съ башнями и курантами, то оранжереи, фабрики и заводы [2]), то, наконецъ, какія-то особенныя со стеклянными куполами бани, до которыхъ былъ большой охотникъ, и всюду онъ самъ лично слѣдитъ за рабочими, вочуетъ на постройкахъ. Бергхольцъ, позднѣе, вѣрно подмѣтилъ эту страсть свѣтлѣйшаго князя и отмѣтилъ ее въ своемъ дневникѣ [3]). 10 Марта Меншиковъ уже зоветъ Петра въ Петербургъ посмотрѣть на постройку яхтъ и на «дѣло, которое у насъ зачато на Котлинѣ-

[1]) „Письма и бумаги Петра В.“, III, 35.

[2]) Въ Декабрѣ 1724 г. М. Олсуфьевъ писалъ Меншикову, что Государыня повелѣла „на собственномъ вашей свѣтлости стекляномъ заводѣ сдѣлать стеклянный сервизъ, съ блюдечками, съ чашками и рюмками на шалеѣ самой лучшей работы“... (Р. Арх., 1883 г., III, 68).

[3]) По поводу производившагося въ то время ремонта дворца: „Въ подобныхъ случаяхъ князь неутомимъ. Онъ изъ низкаго состоянія, въ которомъ родился“, прибавляетъ Бергхольцъ, „возвысился до степени перваго сановника громаднаго Русскаго государства преимущественно тѣмъ, что съ необыкновенною быстротой, точностью и аккуратностью умѣлъ исполнять всѣ порученія покойнаго императора, не исключая самыхъ трудныхъ“.

островѣ, о чемъ вы не безъизвѣстны». Въ тоже время онъ проситъ Петра извѣстить его заблаговременно о томъ, когда онъ намѣренъ выѣхать, чтобы принять мѣры безопасности, послать побольше разъѣздовъ; при этомъ онъ предупреждаетъ, что «здѣсь три дни зѣло жарки, и снѣгу много сбыло, отчего и дорога не безъ поврежденія, и если впредъ не отмѣнится, то скоро путь рушится» [1]). Переписка въ это время Петра съ Меншиковымъ носитъ совершенно дружескій характеръ. Въ указанномъ письмѣ Меншиковъ называетъ Петра: «мейнъ зейль, мейнъ герцъ каптейнъ»; въ свою очередь Петръ даетъ ему эпитеты: «мейнъ бесте фринтъ, мейнъ липсте камратъ» или «брудеръ».

Возложенное на Меншикова порученіе было исполнено. 7 Мая 1704 года «изволилъ великій Государь идти со всѣми ближними людьми и съ Новгородскимъ митрополитомъ изъ С.-Петербурга водою въ судахъ на взморье, къ Котлину острову, на новую крѣпость, которая построена противъ того острова на водѣ, на самомъ проходѣ корабельномъ, зимою, когда ледъ былъ, деревянная и, нагрузя камнемъ, опущена въ воду и нѣсколько въ ней пушекъ... Нарѣчена оная крѣпость Кроншлосъ, сирѣчь коронный замокъ, и торжество въ ней было тридневное» [2]).

Торжествовать, однако, особенно долго было некогда. Съ весною возобновились военныя дѣйствія: Шереметевъ осаждаетъ Дерптъ и пишетъ оттуда плачевныя письма, а Петръ съ Меншиковымъ отправляются (12 Мая) осаждать Нарву. Между тѣмъ осада Дерпта идетъ вяло, Шереметевъ жалуется, что «лѣта его уже не тѣ, что ему помощи ни отъ кого нѣтъ». Приходится Петру ѣхать туда и лично руководить осадой и штурмомъ, которые 13 Іюля возвратили Россіи «сей славный отечественный градъ» [3]). Меншиковъ продолжаетъ осаждать Нарву. Петръ скучаетъ подъ Дерптомъ, не веселѣе и Меншикову «въ обозѣ» подъ Нарвой. Чтобы лучше работалось и веселѣе жилось, Меншиковъ шлетъ вѣсть Арсеньевымъ въ Петербургъ и вызываетъ ихъ подъ Нарву къ 30 Іюля. Съ возвращеніемъ Петра подъ Нарву, при дѣятельномъ участіи Меншикова, городъ въ началѣ Августа былъ взятъ, и Петръ шлетъ во всѣ концы письма: «Гдѣ четыре года тому назадъ Господь оскорбилъ, тутъ нынѣ веселыми побѣдителями учинилъ, ибо сію преславную крѣпость шпагою въ $^3/_4$ часа получили». Меншиковъ производится въ генералъ-майоры и дѣлается губернаторомъ «вновь присоединенныхъ областей». Управившись съ

[1]) „Письма и бумаги Петра В.“, III, 602.

[2]) Тамъ же, III, 614 и 615.

[3]) Соловьевъ, „Чтенія о Петрѣ Великомъ“, П. Собр. соч., I, 171.

Нарвой, Петръ спѣшитъ на Олонецкую верфь, а Меншиковъ «со всею компаніей» остается въ Нарвѣ лить пушки. Зная, что Петру невесело Меншиковъ часто пишетъ ему, шлетъ разные презенты, въ родѣ «помаранцевъ», извѣщаетъ, что со всей компаніей пьетъ за его здоровье по рюмкѣ Ренскаго и т. п. Петръ также шлетъ письма, одно за другимъ: уже изъ Пскова онъ пишетъ, что все бы хорошо, «только одно лишеніе отъ васъ межъ веселости тоску прешкоды ставитъ; но надѣемся, что Господь Богъ въ скорыхъ дняхъ оного истребитъ». На Олонцѣ еще скучнѣе, и, благодаря за презенты и посылая поклоны «знаемымъ, какъ кому надлежитъ», Петръ жалуется: «гей зѣло скучило! Самъ можешь разсудить, и если бы не дѣло держало, вздуритца-бы мочно», и выражаетъ желаніе съѣхаться въ одно время въ Петербургѣ [1]).

Желаніе это исполнилось. Конецъ года прожили всѣ вмѣстѣ, встрѣтили въ Москвѣ новый 1705 годъ, принесшій новое дѣло. Петръ ѣдетъ въ Воронежъ строить корабли, а Меншиковъ, побывавши въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ, 17 Февраля отправляется въ болота и лѣсныя дебри Литвы, куда переносится театръ военныхъ дѣйствій. Теперь онъ надолго оставляетъ свой Петербургъ, который сталъ для него такъ же дорогъ, какъ и Петру его новая «столица». Меншикова тянетъ въ Петербургъ, но дѣла задерживаютъ въ Польшѣ. «Я чаю», пишетъ ему Петръ изъ Воронежа 28 Марта, «что вамъ въ Петербургъ ѣхать не зачѣмъ, понеже дѣла довольно въ Польшѣ» [2]).

V.

Итакъ, Меншиковъ постоянно въ разъѣздахъ, а между тѣмъ на него возложена Петромъ обязанность главнаго наблюдателя за воспитаніемъ царевича Алексѣя Петровича: онъ его «гофмейстеръ». При такомъ подвижномъ образѣ жизни, при множествѣ дѣлъ, которыя были у Меншикова, онъ могъ, конечно, только очень мало времени удѣлять дѣлу воспитанія царевича, если бы даже и можно было признать его пригоднымъ для этого. Напрасно поэтому считаютъ Меншикова главнымъ виновникомъ въ дальнѣйшей несчастной судьбѣ Алексѣя Петровича, вѣря на слово современникамъ въ родѣ Нейгебауера, что Меншиковъ будто бы развращалъ царевича, пріучая его къ разгулу и пьянству, пренебрегалъ его развитіемъ, дралъ за волосы и т. п. Если и можно усомниться въ пригодности Меншикова для роли педагога и воспитателя, то все же онъ настолько былъ дальновидный человѣкъ, что

[1]) „Письма и бумаги Петра В.“, III, 701, 155, 160, 162.
[2]) Тамъ же, 303.

едва ли, при всемъ нерасположеніи къ царевичу и его симпатіямъ, рѣшился бы сознательно воспитывать себѣ врага въ лицѣ наслѣдника престола. Будущее было неизвѣстно. Вѣрнѣе, что оба, и Петръ, и Меншиковъ, за множествомъ дѣлъ забыли о царевичѣ и его воспитаніи, ограничившись только опредѣленіемъ къ нему Нѣмцевъ-педагоговъ болѣе чѣмъ сомнительнаго качества. Въ 1703 году вѣчно ссорившагося съ Русскими «кавалерами» Нѣмца Нейгебауера замѣнилъ баронъ Гюйсенъ. Но онъ былъ опять-таки не столько воспитателемъ царевича, сколько Русскимъ политическимъ и литературнымъ агентомъ по заграничной печати; онъ съ гораздо бо́льшимъ стараніемъ опровергалъ брошюры Нейгебауера, доказывалъ знатное Литовское происхожденіе Меншикова, хлопоталъ о княжескомъ его дипломѣ, чѣмъ занимался Нѣмецкой грамматикой съ царевичемъ. Алексѣй Петровичъ оставался окруженный приверженцами старины, симпатіи къ которой, само собой, тѣмъ сильнѣе укрѣплялись въ его душѣ, чѣмъ болѣе разрасталось враждебное чувство къ отцу (виновнику несчастія матери), къ его дѣлу и сотрудникамъ. Меншиковъ, человѣкъ наиболѣе близкій Петру, его любимецъ, съ громаднымъ вліяніемъ, которое Датчанинъ Ю. Юль характеризуетъ словами самого Петра: «Безъ меня князь можетъ дѣлать что ему угодно, я же безъ князя ничего не сдѣлаю и не приму никакого рѣшенія» [1]). Естественно, что къ этому человѣку всего легче могло явиться у царевича враждебное чувство. Меншиковъ первый его врагъ, онъ стоитъ между нимъ и отцомъ, а тутъ еще и кругомъ онъ слышитъ тоже самое, что въ Меншиковѣ все зло... Несомнѣнно преданный Петру, князь Василій Владимировичъ Долгоруковъ нашептываетъ царевичу, что «отецъ его уменъ, да людей не знаетъ» [2]). Иностранецъ Плейеръ говоритъ, что «князя Меншикова считаютъ виновникомъ всего, что̀ идетъ отъ Царя; на этой мысли всѣ готовы положить животъ» [3]), а Астраханскіе бунтовщики собирались идти въ Москву вычистить и вывести весь иноземный корень, возглашая, что всѣ ереси отъ еретика Александра Меншикова [4]). Такъ возрастала вражда въ душѣ царевича, прорываясь иногда, подъ пьяную руку, въ упрекахъ по адресу Меншикова. Въ Помераніи произошла крупная ссора за обѣдомъ. «У тебя змѣиный языкъ», сказалъ Алексѣй Петровичъ, «и поведеніе твое неблагородно; я надѣюсь, что ты скоро по-

[1]) Ю. Юль, Р. Арх., 1892, II, 512.
[2]) Соловьевъ, XVII, 152.
[3]) Плейеръ, „Чтенія“, 1874 г., II, 7.—Тоже подтверждаетъ Ю. Юль, говоря, что „всякое неудовольствіе долженъ отвлекать на себя князь; складывается убѣжденіе, что Царь справедливъ, виноватъ во всемъ Меншиковъ“. (Р. Арх., 1892 г., III, 135).
[4]) Соловьевъ, XV, 157.

падешь въ Сибирь за твои клеветы» [1]). Нельзя строго судить Меншикова за то, если съ этого времени онъ сдѣлался затаеннымъ врагомъ царевича Алексѣя; человѣкъ, вообще неспособный забывать и прощать обиды, Меншиковъ съ этого времени въ гибели царевича сталъ видѣть собственное спасеніе [2])....

VI.

1705 годъ принесъ заботы на Востокѣ. Астраханскій бунтъ отвлекъ на время вниманіе царя отъ Запада къ Востоку, отвлекъ также и одного изъ фельдмаршаловъ, Шереметева, съ частью войска изъ Польши; другой фельдмаршалъ, Огильви, продолжалъ военныя дѣйствія на Западѣ. Но Петръ не довѣрялъ наемному фельдмаршалу и послалъ къ нему, въ качествѣ начальника кавалеріи, Меншикова. Таково было его офиціальное положеніе; не офиціально Меншиковъ былъ довѣреннымъ лицомъ Государя, наблюдавшимъ за всѣми дѣйствіями фельдмаршала. Неудивительно поэтому, что неудовольствія съ Огильви начались тотчасъ по пріѣздѣ Меншикова. «Зѣло не радъ онъ моему пріѣзду», пишетъ Меншиковъ, «и все дѣлается вопреки мнѣ». Между тѣмъ, въ свою очередь, и фельдмаршалъ спѣшитъ высказать, что «остается въ надеждѣ, что въ команду никто не будетъ вмѣшиваться и распоряженій его отмѣнять» [3]). Возникъ споръ о зимнихъ квартирахъ, и Петръ согласился съ мнѣніемъ Меншикова о зимовкѣ войскъ въ Гроднѣ. «Фельдмаршалъ», пишетъ другой разъ Меншиковъ Петру, «стороны Саксонской; не изволь, Государь, его писемъ много разсуждать и онымъ подлинно вѣрить. Для Бога, не изволь ни о чемъ сомнѣваться, все у насъ управно». Конечно, все управно, благодаря ему, Меншикову. Русскіе генералы одного его только и знаютъ. Меншиковъ ѣдетъ навстрѣчу Петру; а князь Репнинъ спрашиваетъ, что ему дѣлать, если онъ увидитъ что-либо «противное интересамъ государевымъ», и получаетъ отвѣтъ, чтобы онъ «больше цѣлость войскъ хранилъ, нежели на иныхъ смотрѣлъ». И Огильви дѣйствительно жалуется на непослушаніе князей Репнина и Ромодановскаго. Меншиковъ, по его словамъ, замутилъ всѣмъ войскомъ и убѣжалъ, не сказавъ ни слова. «Не знаю», прибавляетъ фельдмаршалъ, «какъ могутъ оправдаться предъ вашимъ величествомъ и предъ честными людьми тѣ, которые покинули меня здѣсь безъ денегъ, безъ магазиновъ» [4]). Зная заносчивый и надменный характеръ Меншикова, должно признать, что въ словахъ Огильви, вѣроятно, была значительная доля правды. Меншиковъ не былъ способенъ для такой деликатной роли, которая была поручена ему. Онъ, конечно, не могъ удержаться, чтобы не давать чувствовать Огильви своей силы и не разыграть роли фактическаго начальника. «Князь Меншиковъ», жалуется фельдмаршалъ, «присвоилъ себѣ двойной караулъ. Сколько на войнѣ ни бывалъ, никогда и нигдѣ такъ зло не почтенъ, какъ здѣсь» [2]). Упорство Огильви вызвало раздраженіе Петра, и онъ, не смотря на жалобы фельдмаршала, пишетъ Репнину объ оставленіи Гродна, противъ чего былъ фельдмаршалъ, напоминая ему: «Не забывайте словъ господина моего товарища, которые приказаны вамъ при отъѣздѣ»....

Распорядившись, чтобы гетманъ съ Волыни шелъ на соединеніе съ Меншиковымъ и вручивши послѣднему главное начальство надъ войсками, бывшими на Украйнѣ, чѣмъ былъ глубоко уязвленъ Мазепа[3]), Петръ уѣхалъ въ свой «парадизъ». Здѣсь весело встрѣтилъ онъ Пасху (24 Марта) въ компаніи Екатерины, Арсеньевыхъ и др., которыя незадолго передъ тѣмъ писали «радости, дорогому капитану»: «Здравіе твое да сохранитъ десница Божія и съ любимымъ твоимъ товарищемъ; пожалуй, батюшка, если будетъ благополучное время, не оставьте насъ». Петръ веселится и пишетъ Меншикову, что въ раю живетъ, успокаиваетъ его въ чемъ-то: «О здѣшнемъ поведеніи сомнѣваться не изволь, ибо въ раѣ Божьемъ зла быть не можетъ» [4]), а Меншиковъ продолжаетъ ссориться съ Огильви. Выказывая несимпатичныя стороны своего характера, Меншиковъ въ это время проявляетъ еще разъ свойственную ему проницательность: въ то время, какъ самъ Петръ, опасаясь вторженія Шведовъ во внутрь страны, заботится объ укрѣпленіи Петербурга и Москвы, Меншиковъ указываетъ на Кіевъ и находитъ необходимымъ укрѣпить Печерскій монастырь. Въ Іюлѣ, встрѣтивъ Петра и «дѣвицъ» въ Смоленскѣ, Меншиковъ, вмѣстѣ со всей компаніей, возвратился водой, въ Кіевъ, и здѣсь Петромъ была заложена Печерская фортеція, которую долженъ былъ строить Мазепа своимъ гетманскимъ региментомъ. Но гетману Меншиковъ досадилъ не одной только фортеціей, онъ оскорбилъ Мазепу отказомъ выдать за его племянника Войнаровскаго свою сестру, а послѣ одного обѣда, будучи «шуменъ», неосторожно проговорился и о всей Малороссійской старши-

[1]) Герье, „Кровъ-принцесса Шарлота“, В. Евр., 1872 г., VI, 477.

[2]) Одного не могъ онъ предвидѣть, что сынъ этого несчастнаго царевича, 12-лѣтній мальчикъ, приведетъ въ исполненіе пророческую угрозу подвыпившаго отца, и въ этомъ случаѣ окажется сильнѣе своего колосса-дѣда, который никогда не могъ окончательно побороть своей сердечной слабости къ своему первому „герценкинду“...

[3]) Устряловъ, IV, ч. 2, 354.

[1]) Соловьевъ, XV, 187.

[2]) Устряловъ, IV, ч. 2, 419.

[3]) Уманецъ, „Гетманъ Мазепа“, 195 и 196.

[4]) Соловьевъ, XV, 104 и 195.

нѣ, назвавъ ихъ «врагами государя, за которыхъ пора приняться» [1]. Чего же хорошаго ждать отъ всесильнаго временщика и этой старшинѣ и самому гетману?.. Неудивительно, что до Мазепы стали доходить слухи, что Меншиковъ роетъ ему яму, что онъ «проситъ себѣ Черниговское княженіе, чрезъ которое стелетъ себѣ путь къ гетманству» [2]. Все это было весьма вѣроятно. Честолюбивый старикъ затаилъ въ душѣ оскорбленіе, опасаясь за свою «субстанцію, гоноръ и самый животъ». На этотъ разъ столкнулись честолюбивыя стремленія двухъ эгоистовъ, для которыхъ не было ничего выше ихъ личныхъ интересовъ.

Изъ Кіева Меншиковъ повелъ полки въ Польшу противъ оставленнаго тамъ Шведскаго генерала Мардефельда. Въ Люблинѣ онъ соединился съ Августомъ, и роскошный Саксонскій король «со слезами» выпросилъ у Меншикова взаймы изъ собственныхъ его денегъ 10.000 ефимковъ. Королю пришлось такъ плохо, «что ѣсть нечего»; не даромъ же «его королевское величество», по выраженію Меншикова, «зѣло скучаетъ о деньгахъ». Дарья Михайловна, и раньше вѣчно безпокоившаяся о «своей радости Александрѣ Даниловичѣ», теперь не разстается съ мужемъ. Она съ сестрой Варварой Михайловной и Анной Даниловной сопровождаетъ Меншикова въ Польшу; имъ, впрочемъ, не привыкать къ этой безпокойной жизни въ обозѣ. Какъ и прежде, Дарья Михайловна продолжаетъ заботиться о хозяйствѣ Меншикова, посылаетъ ему подводы съ припасами, «сайки и крендели по Московскому образцу». Меншиковъ, въ свою очередь, почти ежедневно пишетъ къ женѣ. Переписка съ ней такая же оживленная, какъ и съ Петромъ, которому Меншиковъ постоянно сообщаетъ о военныхъ дѣйствіяхъ, о движеніи непріятеля и т. п. Иногда посылаются при этомъ «презенты» отъ Дарьи Михайловны «домашнимъ» Петра, отъ Меншикова самому Петру, въ родѣ 20 бочекъ Венгерскаго, «какого невозможно достать въ Петербургѣ»... За два дня до знаменитой Калишской битвы Меншиковъ пишетъ женѣ, стараясь ее успокоить: «Для Бога обо мнѣ не сомнѣвайтесь, воистину въ баталіи самъ не буду, и о томъ не печальтесь» [3]. 18 Октября, ведя съ собой короля Августа, вступившаго уже въ это время въ тайныя сношенія съ Карломъ, Меншиковъ догналъ Мардефельда у Калиша и, несмотря на крѣпкую позицію непріятеля, атаковалъ его и послѣ упорнаго боя совершенно разбилъ. Самъ Мардефельдъ съ бо́льшею частью своего корпуса сдался; до 6000

[1]) Уманецъ, 199—201.
[2]) Соловьевъ, XV, 195, 196, 293; Уманецъ, 197.
[3]) Есиповъ, Р. Арх., 1875 г., Ш, 48 и сл.

Шведовъ осталось на полѣ бытвы. «Виватъ, виватъ, виватъ»! пишетъ Меншиковъ Петру, поздравляя его «съ преславной викторіей»: «такая была баталія, что радостно было смотрѣть, какъ съ обѣихъ сторонъ регулярно бились, и зѣло чудесно видѣть, какъ все поле устлано мертвыми тѣлами». Петръ, ознаменовавъ «побѣду, какой еще никогда не бывало», трехдневнымъ пиршествомъ въ Петербургѣ, шлетъ Меншикову драгоцѣнную трость въ 3064 р. 16 алт. 4 деньги и благодаритъ «за присылку Мардофелевой шпаги»; невольный участникъ побѣды, Августъ, жалуетъ побѣдителю вотчины Полонное и Межеричи и долженъ принять участіе въ Варшавскихъ торжествахъ по поводу побѣды надъ своимъ тайнымъ союзникомъ. Изъ Варшавы Меншиковъ отошелъ на Волынь, расположившись на зимнія квартиры въ мѣстечкѣ Жолквы и отсюда, жалуясь на перемѣнчивость погоды, зоветъ Петра въ Польшу: «Понеже каковы люди здѣсь постоянны, таково и время, а ежели вскорѣ ваша милость да благоволите къ намъ быть, то мочно скоро и другого короля выбрать, къ чему Поляки, чаю, при васъ будутъ склонны». Какъ бы въ отвѣтъ на это, Гюйсенъ предостерегаетъ Петра, что, стараясь «привести нашъ народъ въ ненависть у другихъ народовъ, Шведскіе министры внушаютъ при всѣхъ дворахъ, что царское величество царевичу своему велѣлъ быть въ Польшу, чтобъ его или Александра Меншикова сдѣлать королемъ Польши». Но если въ дѣйствительности Меншиковъ и не мечталъ о Польской коронѣ, зная, что Петръ чрезъ того же Гюйсена предлагалъ ее Евгенію Савойскому, то все же конецъ 1706 года принесъ ему большую радость: онъ получилъ отъ императора дипломъ на титулъ князя Священной Римской Имперіи. Въ Жолкву пріѣхалъ 28 Декабря и Петръ и пробылъ въ Польшѣ, разъѣзжая по разнымъ городамъ въ сопровожденіи Меншикова, около полугода. Здѣсь 30 Мая 1707 г., въ день своего рожденія, Петръ порадовалъ Меншикова, давши ему титулъ свѣтлѣйшаго князя Россійскаго и Ижорскаго съ пожалованіемъ въ вѣчное его владѣніе городовъ Копорья и Ямбурга «за многія его вѣрныя и усерднорадѣтельныя службы и храбрыя показанныя при знатныхъ акціяхъ и воинскихъ дѣйствіяхъ искусства и умныя послуженія» [1]).

VII.

Меншиковъ былъ очень обрадованъ этимъ пожалованіемъ. Если онъ и не сдѣлался Польскимъ королемъ, то, по надменности и высокомѣрію, позднѣе по пышности своего двора, онъ не уступалъ любому

[1]) Голиковъ, „Дополненіе“, II, 215; Есиповъ, Р. Арх., 1875 г., П, 48.

изъ Нѣмецкихъ владѣтельныхъ государей. Новгородскій митрополитъ Іовъ предписалъ іереямъ возносить моленія о свѣтлѣйшемъ князѣ и его фамиліи на ектеніяхъ во владѣніяхъ Меншикова; около этого времени Меншиковъ начинаетъ писать въ своихъ приказахъ и инструкціяхъ «мы, Александръ Меншиковъ», и разсылать именные указы за своей подписью... Даже самыя заботы о женѣ принимаютъ какой-то особый характеръ: она теперь ужъ не просто Дарья Михайловна, а свѣтлѣйшая княгиня; ее сопровождаетъ всюду отрядъ кавалеріи; даже ея вѣрныя подруги, Варвара Михайловна и Анна Даниловна, должны заботиться, чтобы она не грустила, должны предъ ней «плясать и скакать»; ей шлются арапы и карлицы, которыхъ подобаетъ имѣть княгинѣ... Но все это къ ней плохо прививается, она остается попрежнему простой, симпатичной женщиной, любящей Александра Даниловича, а не Ижорскаго князя. На сколько быстро привыкъ новый князь къ своему титулу, на столько туго вошелъ онъ во всеобщее употребленіе. Плейеръ оставилъ любопытный разсказъ о томъ, что «пришлось расклеивать по всѣмъ городскимъ воротамъ, церквамъ и угламъ объявленія, а по приказамъ давать строгіе указы, чтобы подъ тяжелымъ наказаніемъ и опалою Меншикову давали титулъ свѣтлѣйшаго князя Ингріи во всѣхъ общественныхъ и частныхъ бумагахъ и письмахъ» [1]). Оно и понятно. Это былъ первый примѣръ пожалованія княжескимъ титуломъ. На Руси было много природныхъ князей, всѣ они были люди родовитые, потомки удѣльныхъ князей-Рюриковичей, Гедиминовичей или золото-ордынскихъ выходцевъ-царевичей, кичившіеся древностью рода, ведшіе безконечные мѣстническіе споры; а тутъ вдругъ княземъ, по волѣ государя, является бывшій денщикъ, быть можетъ даже придворный конюхъ, головокружительная карьера котораго прошла на глазахъ у всѣхъ...

1707 годъ, принесшій такъ много счастья Меншикову, не обошелся безъ значительной непріятности, характеризующей современные нравы. Именины царя, 29 Іюня, праздновались въ квартирѣ Меншикова, въ мѣстечкѣ Якубовичахъ, близъ Люблина. Въ числѣ гостей былъ Прусскій посланникъ Кейзерлингъ, женихъ бывшей царской фаворитки Анны Монсъ. Кейзерлингъ рѣшился просить царя о принятіи на службу брата своей невѣсты, знаменитаго впослѣдствіи Вилима Монса, при чемъ заранѣе заручился содѣйствіемъ князя. Но такъ какъ вопросъ этотъ поднятъ былъ послѣ обѣда, то и принялъ неожиданный оборотъ. Отъ брата разговоръ перешелъ на сестру, а затѣмъ, когда собесѣдники не сошлись во взглядахъ на достоинства Нѣмецкой слободской красавицы, не съумѣвшей сохранить расположеніе Петра, разговоръ перешелъ въ перебранку, кончившуюся дракой. Кейзерлингъ схватился за шпагу, требуя «сатисфакціи»; но шпагу отняли и, при содѣйствіи самого Петра, Меншиковъ вытолкалъ Кейзерлинга изъ комнаты пинками, а прислуга и гвардейцы спустили его съ лѣстницы. Происшествіе это было непріятно Петру, такъ какъ могло поставить его въ непріязненныя отношенія къ Прусскому королю. Дѣло, однако, уладилось мирнымъ образомъ; все было отнесено къ «недоразумѣнію и вспышкѣ при разгоряченномъ состояніи отъ слишкомъ неумѣреннаго употребленія хорошаго вина» [1]).

[1]) Плейеръ, 13.

Въ Октябрѣ, простившись съ Меншиковымъ, Петръ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ 23 Ноября въ домѣ князя отпраздновалъ его именины. «Истинно по смерти г. Лефорта до сего дня не было такого веселія», пишетъ Петръ, «а вся компанія шлетъ пожеланія, чтобы и свѣтлѣйшему было также весело». Но веселье въ мѣстечкѣ Дзенцолахъ, гдѣ зимовалъ Меншиковъ съ добродѣтельнѣйшей изъ женъ, Дарьей Михайловной, было небольшое; князь скучаетъ и отъ времени до времени уѣзжаетъ отъ княгини «погулять» въ Минскъ къ Шереметеву и Шафирову [2]). Эти гулянья» безпокоятъ княгиню, они особенно дурно отзываются на подорванномъ уже невоздержанной жизнью здоровьѣ Меншикова, а тутъ еще Петръ поручаетъ Дарьѣ Михайловнѣ: «Откормите Данилыча, дабы я не такъ его паки видѣлъ, какъ въ Меричахъ» [3]).

Новый 1708 годъ, не обѣщавшій въ то время ничего особенно хорошаго, Петръ встрѣтилъ весело въ Москвѣ. Со всей своей «пьянѣйшей» компаніей онъ «славитъ и забавляется». Разгулъ достигъ небывалыхъ размѣровъ: славятъ день и ночь по всей Москвѣ и въ слободѣ. Петръ то «резидуетъ» на Московскомъ дворѣ свѣтлѣйшаго князя [4]), то уѣзжаетъ въ Преображенское къ сестрѣ, а «важныя и нужныя къ респонсу и послѣдней резолюціи дѣла» лежатъ безъ исполненія... Потерявшій голову секретарь Посольской канцеляріи Степановъ въ письмѣ къ Г. И. Головкину всю надежду возлагаетъ на Меншикова, который «гораздо позываетъ отсюда, чѣмъ, чаю, скорѣе побудитъ къ отъѣзду». И дѣйствительно, уже 6 Января Петръ выѣхалъ въ Польшу, оставивъ въ Москвѣ записку, которою поручалъ, «ежели что случится волею Божіею, тогда 3 тысячи рублей, которые

[1]) Семевскій, „Ц. Екатерина Алексѣевна и Монсъ“, 2 изд., 33—53.
[2]) Есиповъ, Р. Арх., 1875 г., III, 51 и 52.
[3]) Голиковъ, „Дѣянія“, XI, 331.
[4]) На Мясницкой.

положены на дворѣ господина князя Меншикова, отдать Катеринѣ Васильевской и съ дѣвочкой» [1]). 21 Января Петръ и Меншиковъ пріѣхали въ Гродно, а 26 Января явился Карлъ и овладѣлъ этимъ городомъ. Меншиковъ началъ быстро отступать по направленію къ Днѣпру, страшно опустошая страну. Быстрота движенія, ежеминутная возможность встрѣчи со Шведами и даже опасность быть отрѣзаннымъ заставили Меншикова настоять на отъѣздѣ княгини изъ обоза сначала въ Минскъ, а затѣмъ въ Смоленскъ. Князь всѣми средствами старается успокоить огорченную жену. «Анна Даниловна, Варвара Михайловна», пишетъ онъ, «для Бога, берегите и унимайте того, кто труситъ, чтобы не трусили, чтобы не плакали и не печалились о насъ». Въ утѣшеніе же ей Меншиковъ посылаетъ изъ Борисова, гдѣ онъ караулилъ переправу Шведовъ, двухъ шляхтянокъ: «одна маленькая, можетъ вамъ за попугая быть, такая словесница, какой еще изъ такихъ младенцевъ мало видалъ, и можетъ васъ больше увеселять, нежели попугай, и пока своихъ Богъ дастъ, что дай Боже счастливо дождаться, то по то время сею забавляйся» [2]). Петръ съ своей стороны старается успокоить княгиню, которая обращается къ нему съ наивной просьбой любящей женщины. «Madame!» пишетъ Петръ, «а чтобы мнѣ писать къ г. князю Меншикову, чтобы оной себя поберегъ, о томъ я, какъ могъ, такъ ему при прощаніи въ Вильнѣ говорилъ, а когда увижусь, и еще говорить не оставлю» [3]). Несомнѣнно одно, что княгиня утѣшается только тогда, когда является довѣренный денщикъ Меншикова Антонъ, чтобы проводить княгиню или всю компанію къ свѣтлѣйшему князю. Вѣроятно, къ этому времени относится знакомство и, можетъ-быть, сближеніе Девіера съ Анной Меншиковой, его будущей женой.

Несмотря, однако, на постоянныя передвиженія и лагерную жизнь, Меншиковъ не былъ губернаторомъ только по имени. Изъ многочисленныхъ Ингерманландскихъ канцелярій дѣла присылались въ армію, разсматривались Меншиковымъ, и съ его словъ резолюціи на нихъ писались сопровождавшимъ его дьякомъ Воиновымъ. Во время же похода, въ бытность Петра въ мѣстечкѣ Чашникахъ, въ Февралѣ 1708 г. произошло важное измѣненіе въ подвѣдомственномъ Меншикову управленіи: всѣ Ингерманландскія канцеляріи были соединены въ одну, помѣщенную на Потѣшномъ дворѣ, въ Кремлѣ, Ижорскую канцелярію, въ которую прежнія канцеляріи вошли, какъ ея отдѣленія.

[1]) Есиповъ, III, 52, 53, 58.
[2]) Тамъ же, 54.
[3]) Голиковъ, „Дѣянія“, XI, 345.—Съ такой же просьбой обращалась Дарья Михайловна и къ Я. В. Брюсу. („Чтенія“, 1864, II, 33).

Пасху не весело встрѣтилъ Меншиковъ въ Могилевѣ; у него въ первый разъ сдѣлалась та «гортанная болѣзнь», которая потомъ уже почти никогда не оставляла князя. Петръ также боленъ, но зато веселится, встрѣчая въ это время всю «свою фамилію»: царевну Наталію, царицъ Марѳу и Прасковью съ дочерьми, пріѣхавшихъ посмотрѣть на новую столицу. Радушный хозяинъ старается доставить своимъ гостямъ всякія развлеченія, возитъ ихъ смотрѣть крѣпость и флотъ... Меншиковъ также порадованъ чиномъ капитана морского и высказываетъ желаніе «оную милость на морѣ заслужить». Между тѣмъ Карлъ, обманувъ ожиданія Меншикова, переходитъ чрезъ Березину, около мѣстечка Сапежинской Березины, и спѣшитъ въ Малороссію. Извѣщенный Меншиковымъ, Петръ немедленно выѣзжаетъ въ армію и, увѣдомляя объ этомъ князя, пишетъ: «Дай Богъ васъ въ радости видѣть и прошу, ежели возможно, до меня главной баталіи не давать». Тѣмъ не менѣе Шереметевъ и Меншиковъ сдѣлали попытку задержать непріятеля при переправѣ черезъ болотистую рѣчку Бабичъ у Головина и потерпѣли неудачу. Петръ отдалъ подъ судъ князя Репнина, «многіе полки дивизіи котораго пришли въ конфузію», а главное выказали такое «злое» поведеніе, что дрались ненавистнымъ Петру «старымъ казацкимъ, а не солдатскимъ боемъ». Меншикову поручено было разыскать объ этомъ [1]). На общемъ совѣтѣ Русскихъ генераловъ рѣшено было избѣгать рѣшительныхъ столкновеній со Шведами, но всюду стараться ихъ «упрежать», опустошать страну и не допускать «соединенія» Карла съ Левенгауптомъ, шедшимъ изъ Лифляндіи съ обозами и провіантомъ. Для облегченія Русской арміи лишніе обозы отправлены въ Смоленскъ; туда же вмѣстѣ съ тяжелой артиллеріей отправлены и дамы, Екатерина съ Толстой, княгиня Меншикова съ сестрой и Анна Даниловна.

VIII.

29 Августа Русскіе одержали побѣду надъ частью арміи Карла подъ Добрымъ. Не имѣя возможности дольше держаться въ опустошенной странѣ, Карлъ быстро поворачиваетъ на Украйну и идетъ на соединеніе съ Мазепою. Оставленный Левенгауптъ былъ разбитъ при деревнѣ Лѣсной, и громадный обозъ, на который разсчитывали Шведы, достался Русскимъ. Самъ Петръ руководилъ сраженіемъ, Меншиковъ былъ съ нимъ неразлученъ. «Надлежитъ вамъ», пишетъ Меншиковъ женѣ, «чрезъ письмо поблагодарствовать г. полковника за то, что онъ при томъ случаѣ изволилъ меня беречь и отъ себя

[1]) Соловьевъ, XV, 278.

никуда не отпускалъ». Вскорѣ получено было извѣстіе объ измѣнѣ Мазепы, а 2 Ноября, почти въ виду непріятеля, Меншиковъ взялъ приступомъ и разорилъ гетманскую столицу Батуринъ, въ которомъ собраны были запасы и заперлись главные Мазепинцы, Чечель, Кенигсекъ и другіе. Самъ Петръ сомнѣвался въ успѣхѣ предпріятія, такъ какъ Шведы спѣшили къ Батурину и были всего въ 6 миляхъ, за то онъ и вполнѣ оцѣнилъ значеніе подвига Меншикова. «Зѣло вамъ благодарны», пишетъ онъ, «паче же Богъ мздовоздатель будетъ вамъ» [1]). Трудно сказать, какія послѣдствія имѣла бы измѣна Мазепы, если бы Меншикову не удалось овладѣть Батуриномъ. Довольный дѣйствіями Меншикова, Петръ отобралъ у Шереметева начальство надъ Преображенскимъ полкомъ и отдалъ его Меншикову [2]). Мазепинскія имѣнія, с. Ивановское съ деревнями пожалованы были Меншикову, громадныя земельныя владѣнія котораго дѣлали его уже въ то время однимъ изъ богатѣйшихъ вотчинниковъ въ Россіи. Около одной только Москвы Меншиковъ владѣлъ собственными имѣніями, въ которыхъ было много больше 2000 дворовъ, не говоря о его вотчинахъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи и земель въ Ингерманландіи [3]). По своей должности онъ, кромѣ того, получалъ 6048 р. въ годъ содержанія [4]).

Начало слѣдующаго года порадовало свѣтлѣйшаго князя появленіемъ на свѣтъ перваго его ребенка, сына, родившагося 9 Февраля въ походѣ, въ Бѣлгородѣ. Радостное событіе подало случай Меншикову выказать и свою чрезмѣрную алчность и громадное тщеславіе. Крестный отецъ, Петръ, назвавшій своего крестника Петромъ-Лукой, въ честь крестнаго и въ память Калишской баталіи, произвелъ его въ поручики Преображенскаго полка и подарилъ «на крестъ» 100 дворовъ на выборъ. Меншиковъ, однако, «деревни способной въ 100 дворовъ не изыскалъ, а сыскалъ деревню въ 150 дворовъ» и просилъ отдать ему ее, взявъ за излишніе дворы съ него деньги. Петръ согласился, прибавивъ: «А вычту въ тѣ поры, какъ Богъ дастъ вамъ другого сына». Въ это же самое время, разыскивая «способную деревню», свѣтлѣйшій князь не забылъ, однако, сообщить своему довѣренному управителю Кузьмѣ Думашеву, когда-то сопровождавшему всюду дѣвицъ Арсеньевыхъ, что «Господь Богъ, по неизреченнымъ Своимъ щедротамъ, даровалъ сына», предписывая «объявить во всѣхъ вотчинахъ сущимъ іереямъ, дабы неизвычайными молитвами его поминали» [1]). Въ Мартѣ Меншиковъ ѣздилъ въ Воронежъ, гдѣ въ то время былъ Петръ. 19 Марта здѣсь были отпразднованы именины Дарьи Михайловны. Въ презентъ Меншиковъ послалъ женѣ изъ Воронежа перстень и собачку, подаренную ему княземъ Вас. Вл. Долгоруковымъ, которая, «чаю, будетъ вамъ угодна», пишетъ Меншиковъ и прибавляетъ, что на банкетѣ въ честь княгини «изрядно и благополучно веселились и про ваше здоровье пили». Эти обильныя возліянія Петровской компаніи, вредно отражавшіяся на здоровьѣ Меншикова, всегда безпокоили княгиню; едва ли порадовалась она и на этотъ разъ, тѣмъ болѣе, что была больна, «вновь Фебра и горячка явилась», да и самъ князь вскорѣ заболѣлъ своей обычной болѣзнью: у него сдѣлался «брухъ».

Въ концѣ Апрѣля Карлъ осадилъ Полтаву. За отсутствіемъ Петра, Меншиковъ руководилъ всѣми дѣйствіями войскъ, направленными къ защитѣ Полтавы. Если просмотрѣть переписку Меншикова съ Петромъ за это время, то можно замѣтить, что Меншиковъ съ замѣчательною проницательностью исполнялъ то, что Петръ еще только задумывалъ. Петръ, напримѣръ, въ письмѣ отъ 9 Мая указываетъ, что полезно бы было сдѣлать «нападеніе на Опошню и тѣмъ диверсію учинить», хотя по обыкновенію и оговаривается: «впрочемъ, яко заочно, полагаюсь на ваше разсужденіе». Меншиковъ, по собственному почину, 7 Мая произвелъ этотъ самый маневръ и, при томъ, настолько удачно, что подъ Опошней уничтожилъ нѣсколько полковъ непріятеля. Точно также, раньше полученія письма отъ Петра, Меншиковъ ввелъ въ Полтаву въ ночь на 16 Мая «спкурсъ» гарнизону въ 1200 человѣкъ. Подъ Полтавой Меншикова постигла непріятность: зять его, А. А. Головинъ, мужъ сестры Маріи Даниловны, былъ по своей неосторожности взятъ въ плѣнъ. По этому поводу Меншиковъ пишетъ княгинѣ, чтобы она не сразу сообщила объ этомъ сестрѣ, чтобы дала ей денегъ на расходы «ста два, понеже вѣдаю, что не безъ нужды есть», и обнадежила, что «вскорѣ такой случай получимъ онаго освободить и обмѣнить» [2]). Случай представился скорѣе, чѣмъ можно было ожидать. 27 Іюня Петръ рѣшился, наконецъ, дать давно желанное Карломъ сраженіе. Полтавскій бой начался въ 9 ч. утра, а въ 11 все было кончено полнымъ пораженіемъ Шведовъ. Роль Меншикова подъ Полтавой была выдающаяся. Взявъ въ плѣнъ Шлиппенбаха и оттѣснивъ къ Полтавѣ Розена, Меншиковъ разбилъ трехтысячный резервный отрядъ Шведовъ. Несомнѣнно, что полный успѣхъ этихъ предваритель-

---

[1]) Есиповъ, III, 63, 65.
[2]) Соловьевъ, XV, 359.
[3]) Устряловъ, I, 397—399; Холмогоровы III, V, VI, ,VIII, IX.
[4]) „Сборникъ", XXV, 13.

[1]) Есиповъ, III, 67.
[2]) Тамъ же, 71 и 72.

ныхъ дѣйствій Меншикова имѣлъ великое значеніе въ дальнѣйшемъ ходѣ сраженія и въ значительной степени подготовилъ побѣду. Во время боя Меншиковъ командовалъ кавалеріей на лѣвомъ флангѣ и довершилъ дѣло. Личная его храбрость не подлежитъ сомнѣнію уже по одному тому, что подъ нимъ было ранено три лошади. Уцѣлѣвшіе Шведы почти со всѣми своими генералами сдались; обозы, пушки, даже деньги достались побѣдителямъ. Но эти побѣдители такъ были обрадованы «преславной викторіей», что забыли преслѣдовать бѣжавшаго къ Днѣпру короля и генерала Левенгаупта съ 16 т. Шведовъ. Уже только къ вечеру отправлены были въ погоню князь Голицынъ и Боуръ, а на другой день самъ Меншиковъ со всей кавалеріей. 30 Іюня непріятель настигнутъ у Переволочни и сдался Меншикову; въ числѣ освобожденныхъ Русскихъ плѣнныхъ былъ и А. А. Головинъ. За Полтавскую викторію Меншиковъ получилъ чинъ фельдмаршала [1]), а отъ гетмана въ Стародубскомъ полку Почепскую и Ямпольскую волости [2]). Въ томъ же году, при свиданіи съ Августомъ и Прусскимъ королемъ, Меншиковъ получилъ отъ перваго староства Оршанское и Дисненское, а отъ второго орденъ Чернаго Орла. Полтавская побѣда измѣнила положеніе Россіи въ Европѣ. Вопросъ, за кѣмъ останется преобладаніе на Востокѣ, былъ рѣшенъ окончательно. Петръ отпраздновалъ побѣду въ Декабрѣ особенно пышнымъ тріумфальнымъ въѣздомъ въ Москву, при чемъ дожидался пріѣзда Меншикова въ селѣ Коломенскомъ. Въ торжественномъ шествіи свѣтлѣйшій князь ѣхалъ съ правой стороны государя.

IX.

Въ Февралѣ слѣдующаго года Петръ зоветъ Меншикова въ Петербургъ. «Желаю», пишетъ онъ, «дабы васъ намъ здѣсь видѣть, дабы и вы красоту сего Парадиза (въ которомъ добрымъ участникомъ былъ и есть), въ заплату трудовъ своихъ, съ нами купно причастникомъ были, чего отъ сердца желаю; ибо сіе мѣсто истинно, какъ изрядный младенецъ, что̀ день, преимуществуетъ» [3]). Но только 29 Мая, возвратившись изъ-подъ Риги, Меншиковъ пріѣхалъ въ Петербургъ и былъ встрѣченъ самимъ Государемъ, не смотря на нѣкоторое нездоровье, въ трехъ верстахъ отъ Петербурга. Встрѣча была почетная и торжественная. Государь обнялъ Меншикова, пушки привѣтствовали его салютомъ въ 55 выстрѣловъ. Изумившее Юста Юля раболѣпство предъ всесильнымъ временщикомъ дошло до того, что всѣ цѣловали

[1]) „Сборникъ", XXV, 161.
[2]) Лазаревскій, „Описаніе старой Малороссіи", I, 274 и 275.
[3]) Есиповъ, III, 205.

у него руки: «онъ былъ полубогъ, и вся Россія должна была молиться на него!» Даже царевны, дочери царицы Прасковьи, «устремлялись» цѣловать у него руки [1]). Князь остался очень доволенъ пріемомъ, что̀ и выразилъ въ письмѣ къ женѣ: «Пріѣздъ мой сюда зѣло счастливъ, ибо его царское величество съ особливою склонною милостію принять меня изволилъ и зѣло изъ моего сюда пріѣзду веселится. А сего числа данъ мнѣ орденъ Дацкой Слонъ» [2])... На другой день рожденіе государя было отпраздновано «извычайнымъ» банкетомъ въ новомъ домѣ князя на Васильевскомъ островѣ...

Домъ этотъ былъ лучшимъ въ Петербургѣ; обстановка его была не только роскошная, но и изящная, совершенно въ Европейскомъ вкусѣ. У князя былъ отличный столъ и превосходныя вина, что̀ было большой рѣдкостью среди тогдашней аристократіи. многочисленный штатъ прислуги, состоявшій по большей части изъ наемныхъ иностранцевъ, свои трубачи и литаврщики, музыканты и пѣвчіе. Празднества въ домѣ князя, его ассамблеи и банкеты проходили весело и оживленно; на нихъ много танцовали, при чемъ самъ хозяинъ участвовалъ только въ Польскомъ; но за то сравнительно мало пили, такъ какъ не было варварскаго обычая принудительнаго напаиванія (когда конечно это было возможно), хотя превосходнаго дорогого «Венгерскаго» подавалось столько, какъ нигдѣ [3]). Недаромъ, если нужно было принять иностранца, угостить посла, блеснуть умѣньемъ жить, Петръ поручалъ это своему Данилычу. Суровый обличитель испорченности Русскихъ нравовъ, князь Щербатовъ повѣствуетъ, что «хотя самъ Петръ не любилъ и не имѣлъ времени при дворѣ своемъ дѣлать пиршества, то оставилъ сіе любимцу своему князю Меншикову, который имѣлъ для сего великій домъ; и слыхалъ я, что часто государь, видя изъ дворца своего торжество и пиршество въ домѣ его любимца, чувствовалъ удовольствіе, говоря: вотъ какъ Данилычъ веселится!» [4]). Но Петръ едва ли имѣлъ нужду любоваться изъ окна, такъ какъ обыкновенно принималъ дѣятельное участіе въ пирахъ Меншикова. Что̀ касается до самого свѣтлѣйшаго князя, то онъ пилъ вообще сравнительно довольно умѣренно. Только при освященіи и спускѣ кораблей, когда безмѣрное питье было обязательно, въ концѣ концовъ допивались до

[1]) Ю. Юль, Р. Арх., 1892, II, 510, 57.
[2]) „Царь просилъ благодарить короля за милость, оказанную его слугѣ". (Тамъ же, 511).
[3]) Бергхольцъ, II, 308—310. Тоже въ общемъ подтверждаетъ и Ю. Юль, хотя и говоритъ, что „старинные Русскіе обычаи проглядываютъ во многомъ". Такъ, онъ былъ пораженъ предложеніемъ Меншикова поцѣловать княгиню при первомъ знакомствѣ (Р. Арх., 1892 г., II, 65, 57).
[4]) Р. Стар., 1870 г., VII, 30.

того, что старый адмиралъ Апраксинъ начиналъ плакать, какъ ребенокъ, а великолѣпный свѣтлѣйшій князь сваливался замертво подъ столъ; посылали за княгиней, и Дарья Михайловна увозила безчувственнаго Данилыча домой [1]).

Весь 1710 годъ былъ нескончаемымъ рядомъ праздниковъ: пришлось шумно и пьяно праздновать взятіе Ревеля и Кексгольма, память Калишской баталіи и именины сына, затѣмъ устраивать 31 Октября въ своемъ домѣ свадьбу царской племянницы Анны Іоанновны съ Курляндскимъ герцогомъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, на которой Меншиковъ былъ посаженымъ отцомъ жениха [2]). А тамъ Петръ, страстный охотникъ до всякаго рода куріозныхъ зрѣлищъ, устроилъ въ домѣ же Меншикова 14 Ноября свадьбу двухъ карликовъ... Праздникъ этотъ омрачился семейнымъ горемъ: умеръ крестникъ Петра, маленькій сынъ Меншикова Петръ-Лука. Фейерверкъ былъ отмѣненъ [3]).

Всѣ эти пріемы, празднества, банкеты и свадебные пиры требовали страшныхъ расходовъ. Хотя, правда, Меншиковъ былъ очень богатый помѣщикъ, получавшій великіе доходы, владѣлецъ оброчныхъ дворцовыхъ и монастырскихъ вотчинъ, но онъ былъ и очень расчетливый, даже скупой человѣкъ [4]). Меншиковъ постоянно старается поэтому увеличивать свои доходы, не разбирая средствъ: онъ участвуетъ во всевозможныхъ торговыхъ предпріятіяхъ и монополіяхъ, соляныхъ, китоловныхъ и ворваньихъ промыслахъ, строитъ лѣсопильные заводы и фабрики, имѣетъ обширныя рыбныя ловли [5]), ведетъ

[1]) Бергхольцъ, I, 125.

[2]) Ю. Юль, Р. Арх., 1892 г., Ш, 34—36.

[3]) Ю. Юль, Р. Арх.. 1892 г., Ш, 40 и 41.—Есиповъ ошибается, говоря, что сынъ Меншикова умеръ 25 Сентября.

[4]) Въ этомъ отношеніи любопытно письмо Меншикова изъ Смоленска 29 Іюля 1720 г. къ кн. Александру Андреевичу Черкасскому, женатому на племянницѣ Меншикова (какой, намъ неизвѣстно) по поводу того, что онъ продалъ „приданую деревню своей жены для выкупа заложеннаго серебра и растратилъ деньги, данныя племянницѣ въ приданое (10 т. руб. и 1000 червонныхъ). „Ежели бъ вы жили такъ, какъ шлихтичу надлежитъ, честно и постоянно, то-бъ своего было довольно; старая есть пословица, что по одежкѣ протягивай и ножки, а на непостоянное житье и на карты или на кости никто денегъ не напасется. Впередъ будете во всемъ отъ насъ считаны; а не худо, чтобъ у васъ кушанье держали Русскіе повара, ибо дѣдъ и отецъ вашъ, какъ сами знаете, что кухмистра иноземца не держали, а жили честно и постоянно и со всякимъ довольствомъ, а особливо что безъ долгу, а деревни всегда покупая прибавляли“... Меншиковъ грозитъ просить государя „публиковать о тебѣ, буде кто съ вами будетъ играть въ карты или кости и кому что проиграете, тѣ-бъ платежа не чаяли, и взаймы съ закладомъ и безъ закладу никто отнюдь не давали“. Одновременно худородный свѣтлѣйшій князь просилъ адмирала Ѳ. М. Апраксина еще на словахъ пригрозить родовитому племяннику (Арх. Морск. Штаба, № 246—277, стр. 380).

[5]) Преимущественно отобранныя у монастырей, таковы: Надѣинское Усолье (Симбирск. г.) и села Сосновый островъ и Малыковка (теперь уѣздн. города Саратовской

противозаконную торговлю хлѣбомъ съ Амстердамомъ, наконецъ, вступаетъ въ казенные подряды при помощи подставныхъ лицъ и держитъ кабаки по всей Ингерманландіи и въ Петербургѣ. «На вопросъ», говоритъ Ю. Юль, «кто пользуется той или другой монополіей, правомъ торговли царской рожью и другими товарами, всегда слышишь одинъ и тотъ же отвѣтъ: князь Меншиковъ» [1]). Помимо всего этого, Меншиковъ не уклоняется и отъ всякихъ подарковъ, взятокъ, хищенія казенныхъ денегъ и вымогательствъ: у князя Лыкова, не уступившаго ему каретъ, отнимаетъ помѣстья послѣ его смерти, у Голландца Бутенанта де-Розенбуска, желѣзные заводы и т. п. [2]). Какъ губернаторъ С.-Петербургскій, Меншиковъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи губернскую канцелярію и комиссарство по постройкѣ домовъ на островѣ Котлинѣ; какъ богатый вотчинникъ, свою домовую контору, съ особымъ «судіей» во главѣ, лицомъ невиднымъ по положенію, но важнымъ по значенію, и какъ намѣстникъ Ингерманландскій—полуоффиціальную Ижорскую канцелярію [3]). Дѣятельность этихъ правительственныхъ учрежденій и домовой конторы взаимно перепутывалась, воля князя одинаково обязательна была для нихъ, денежные доходы поступали безразлично, счета спутывались, и деньги расходовались безконтрольно. Нечего удивляться поэтому, что губернская канцелярія уплачивала за огурцы, чеснокъ, уксусъ и другіе припасы, доставляемые къ столу Меншикова, по распоряженію вице-губернатора Корсакова, или выдавала деньги на покупку живой рыбы къ тезоименитству князя [4])... Поручая Меншикову устраивать всякіе праздники, Петръ не справлялся, откуда беретъ на нихъ деньги Данилычъ, и тотъ все устраивалъ, никогда не прося у расчетливаго Петра возмѣщенія расходовъ. Когда позднѣе, въ 1722 году, однажды Меншиковъ, послѣ уплаты значительнаго штрафа, демонстративно оклеилъ стѣны въ своемъ домѣ дешевыми обоями, Петръ сказалъ, строго взглянувъ на князя: «Мнѣ здѣсь не нравится, и я уѣзжаю; но я пріѣду на первую ассамблею, и если я тогда не найду твой домъ убраннымъ такъ, какъ прилично твоему сану, ты заплатишь другой штрафъ, равный первому». Слѣ-

губ. Хвалынскъ и Вольскъ). Въ 1703 г., 20 Января, дана была привилегія Меншикову: „отдать промыслы ворваній, моржевой и иныхъ морскихъ звѣрей и сала въ компанію А. Д. Меншикову съ прочими компанейщиками“. Меншиковымъ внесено было въ капиталъ компаніи отъ 10 т. до 15 т. рублей. (Лаппо-Данилевскій, „Русск. Пром. и Торг. Компаніи“, Ж. Мин. Нар. Пр., 1898—XII, 333 и 347).

[1]) Ю. Юль, Р. Арх., 1892 г.. III, 135 и 136.

[2]) Ю. Юль, III, 134. Кн. Щербатовъ, „Поврежденіе нравовъ“, Р. Стар., VII, 21.

[3]) Барсовъ, „Черты Русской исторіи и быта эпохи Петра В“, Ист. Вѣстн., 1891 г., XI, 430.

[4]) М. арх. М. Ю., Пр. Сената. кн. № 684.

дующій разъ Петръ нашелъ убранство, достойное князя Ижорскаго, похвалилъ все и былъ очень веселъ [1]).

Въ началѣ 1711 г. у Меншикова родился второй сынъ, и свѣтлѣйшій князь рѣшилъ просить быть воспріемниками Петра и королей Датскаго, Польскаго и Прусскаго. Юстъ Юль читалъ письмо, заготовленное Меншиковымъ по этому случаю къ его королю, и говоритъ, что собственные адъютанты князя подсмѣивались надъ кичливостью своего патрона. 20 Января были крестины маленькаго князя Самсона, и Прусскій посланникъ Кейзерлингъ возложилъ на него орденъ «Générosité» [2]).

Начиналась Турецкая война, нужны были деньги, а губернаторы, и въ томъ числѣ Меншиковъ, «зѣло раку послѣдуютъ»; поэтому, уѣзжая въ походъ, Петръ 22 Февраля «опредѣлилъ быть для отлучекъ Правительствующему Сенату для управленія» [3]). Не попавшій въ число сенаторовъ и, какъ Петербургскій губернаторъ, поставленный въ подчинительное положеніе, князь сразу сталъ въ непріязненныя отношенія къ Сенату. Если и нельзя не признать преувеличеннымъ свидѣтельство одного иностранца, говорящаго, что «Меншиковъ до того щекотливъ на счетъ исполненія своихъ приказаній, что если одна изъ его сестеръ вступалась въ какое-нибудь дѣло, весь Сенатъ не осмѣливался отказать въ ея желаніи» [4]): то всеже несомнѣнно, что съ этого времени начались пререканія Меншикова съ Сенатомъ, который подавалъ много къ этому поводовъ. 6 Марта 1711 года Петръ съ Екатериной выѣхали къ арміи, а въ Петербургѣ остался «вѣрный прикащикъ» Меншиковъ достраивать городъ, стеречь парадизъ и новыя завоеванія [5]). Однако и Меншикову не долго пришлось пробыть въ Петербургѣ. Два мѣсяца спустя послѣ свадьбы, на дорогѣ въ Курляндію, умеръ мужъ Анны Іоанновны, герцогъ Курляндскій, не выдержавшій, говорятъ, чрезмѣрныхъ угощеній и обильныхъ кутежей. Меншиковъ долженъ былъ вступить съ войскомъ въ Курляндію, чтобы поддержать Русское вліяніе и интересы вдовствущей герцогини. Впрочемъ, интересы эти были на столько чужды Меншикову, что у него тутъ же впервыя явилась мысль попытаться самому сдѣлаться Курляндскимъ герцогомъ. Не зная еще, какъ взглянетъ на это Петръ, Меншиковъ предложилъ вѣчно нуждавшемуся въ деньгахъ королю Августу 200 т. рублей. Но интересы Августа расходились тутъ съ интересами Рѣчи Посполитой, и попытка свѣтлѣйшаго князя окончилась ничѣмъ... Между тѣмъ Петръ, проѣзжая по Польшѣ, вездѣ слышалъ жалобы на безцеремонное «гощеніе», на грабежи и вымогательства своего любимца. «Зѣло удивляюсь», пишетъ Петръ Меншикову, «что обозъ вашъ слишкомъ годъ послѣ васъ мѣшкаетъ, къ тому же Чашники будто на васъ отобраны. Зѣло прошу, чтобы вы такими малыми прибытками не потеряли своей славы и кредиту. Прошу васъ не оскорбиться о томъ, ибо первая брань лучше послѣдней; а мнѣ, будучи въ такихъ печаляхъ, уже пришло до себя и не буду жалѣть никого». Меншиковъ пытался оправдаться, указывая на незначительность поборовъ; но Петръ, какъ разъ въ это время наѣхавшій на адъютанта Меншикова Гопа, который «выбираетъ деньги себѣ», писалъ: «Что ваша милость пишете о сихъ грабежахъ что бездѣлица, и то не есть бездѣлица, ибо интересъ тѣмъ теряется въ озлобленіи жителей» [1]). Но съ Петромъ была старая пріятельница Меншикова Екатерина, теперь веселившаяся на банкетахъ въ Польшѣ; она поспѣшила утѣшить и успокоить князя, сообщая ему, что «г. шаутбенахъ попрежнему въ своей милости и въ любви васъ содержитъ» [2]).

Въ началѣ 1712 г. Меншиковъ долженъ былъ выступить въ Померанскій походъ, и Петръ въ напутствіе сказалъ ему: «Ты мнѣ представляешь плутовъ, какъ честныхъ людей, а честныхъ плутами. Говорю тебѣ въ послѣдній разъ, перемѣни поведеніе, если не хочешь большой бѣды. Теперь ты пойдешь въ Померанію; не мечтай, что ты будешь тамъ вести себя, какъ въ Польшѣ; ты мнѣ головой отвѣтишь при малѣйшей жалобѣ на тебя» [3]). Но каково бы ни было поведеніе Меншикова, а свѣтлѣйшій князь былъ еще очень нуженъ. Въ бытность Петра за границей по случаю свадьбы царевича, Меншиковъ отправилъ впередъ въ Померанію генерала Боура, и Петръ по этому поводу написалъ князю: «А что охота вамъ служить, и тому еще время будетъ; понеже нашъ чудакъ пока живъ [4]), чаю, покоя едва ли будетъ» [5]). Въ Апрѣлѣ Меншиковъ былъ уже въ Торнѣ, куда онъ заѣхалъ, что-

[1]) Бассевичъ, Р. Арх., 1865 г., 220 и 221.

[2]) Ю. Юль, Р. Арх., 1892 г., III, 115—117. Кн. Самсона нѣтъ въ Родосл. книгѣ кн. Долгорукова, II, 47. Что Ю. Юль не ошибается, видно изъ слѣдующихъ соображеній: имя „Сампсонъ“ празднуется 27 Іюня, т.-е. въ день Полтавской битвы. Очевидно, потерявъ сына Луку, наименованнаго въ память Калишской битвы (18 Окт.), Меншиковъ вновь родившагося сына пожелалъ назвать Самсономъ въ память Полтавской викторіи. Вѣроятно и онъ прожилъ недолго.

[3]) Соловьевъ, XVI, 46 и 47.

[4]) Фокеродъ, 30.

[5]) Соловьевъ, XVI, 72.

[1]) Соловьевъ, XVI, 250 и 251.

[2]) Тамъ же, 75.

[3]) Тамъ же, 251.

[4]) Карлъ XII.

[5]) Голиковъ, „Дополненія“, IX, 99 и 100.

бы по приказанію Петра взять въ Померанію царевича и убѣдиться въ затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ принцессы Шарлотты. Хотя Меншиковъ и далъ, по просьбѣ кронъ-принцессы, «для всеконечной нужды» и «что ей отсюда подняться нечѣмъ», взаймы 5000 р. изъ вычетныхъ мундирныхъ денегъ Ингерманландскаго полка; но свиданіе, повидимому, оставило неблагопріятное впечатлѣніе у обоихъ. Меншиковъ позднѣе называлъ Шарлотту «высокомѣрной Нѣмкой», а она въ одномъ изъ своихъ писемъ къ матери выразилась, что о Меншиковѣ «лучше думать, чѣмъ говорить»; значитъ, ничего не сказала бы хорошаго [1]).

Несмотря на полученное предостереженіе, Меншиковъ и въ Померанiи позволилъ себѣ всякія вымогательства. Мало того, онъ отдалъ Прусскому королю и Голштинскому герцогу въ секвестръ г. Штетинъ, чѣмъ едва не поссорилъ Петра съ Датскимъ королемъ и Вѣнскимъ дворомъ [2]). Голштинскій министръ Бассевичъ разсказываетъ, что сдѣлано это было Меншиковымъ по его убѣжденіямъ, «такъ какъ Меншиковъ питалъ къ нему безконечную дружбу и уваженіе», но все же послѣ того только, какъ король Прусскій заплатилъ свѣтлѣйшему князю 400 тысячъ талеровъ. Выводя войска изъ Померанiи, Меншиковъ успѣлъ выжать контрибуцію съ городовъ Гамбурга, Любека и Данцига. «Двѣ мысли: увеличивать могущество царя и обогащать себя, руководили всѣми дѣйствіями Меншикова», прибавляетъ откровенно его другъ Бассевичъ. «По заступничеству Екатерины, Меншиковъ отдѣлался тѣмъ, что съ нимъ нѣсколько времени обращались съ холодностью, заставлявшею его бояться всего. Царь съ умысломъ показывалъ ее публично, чтобы удовлетворить Датчанъ. Царедворцы трепетали, видя, что царь не прощаетъ проступковъ и человѣку, для него столь дорогому» [3]). На сколько возможно, однако, Петръ старался оправдать своего любимца. Въ письмѣ къ князю Б. И. Куракину Петръ пишетъ: «Самъ знаешь, что въ сихъ дѣлахъ князь Меншиковъ почитай никогда не бывалъ, котораго легко было другимъ обмануть мочно», разумѣя, конечно, друзей его, Бассевича, Флемминга и др. [4]).

Холодность къ Меншикову побудила оберъ-фискала Нестерова выступить съ своей запиской о разныхъ хищеніяхъ, при чемъ онъ имѣлъ въ виду «поопорожнить карманы князя Меншикова и ве-

[1]) Герье, В. Евр., 1872 г., V, 72; VI, 463, 477, 519.

[2]) Переписку, возникшую по этому поводу между Вѣнскимъ и Русскимъ дворами, см. въ Архивѣ Князя Ѳ. А. Куракина, II, 77—99.

[3]) Бассевичъ, Р. Арх. 1865 г., с. 102—105.

[4]) Архивъ Князя Ѳ. А. Куракина, II, 81.

ликаго адмирала Апраксина» [1]). Доносомъ затронуто было много людей значительныхъ и незначительныхъ, видныхъ и невидныхъ: тутъ были и князья Долгоруковы, и купцы Евреиновы, а главное давнишній пріятель Меншикова, Сибирскій губернаторъ князь М. П. Гагаринъ, котораго доносъ Нестерова привелъ на висѣлицу. Явился и другой доноситель, это былъ «прибыльщикъ» Курбатовъ. Назначенный въ 1711 году вице-губернаторомъ «къ городу» (въ Архангельскъ), Курбатовъ столкнулся здѣсь съ такими же дѣльцами, какимъ былъ онъ самъ, съ братьями Соловьевыми (позднѣе «баронами»), изъ которыхъ одинъ былъ Русскимъ банкиромъ въ Амстердамѣ, другой управлялъ домами князя Меншикова, третій завѣдывалъ отпускомъ казенныхъ товаровъ за море въ Архангельскѣ и въ тоже время дѣлами компаніи по торговлѣ солью, треской и моржовою костью, главными участниками которой были Меншиковъ и Шафировъ. Всѣ три брата, какъ раньше и самъ Курбатовъ, пользовались расположеніемъ князя и, благодаря его покровительству, вышли въ люди. Курбатовъ донесъ на Соловьева, что онъ отпускаетъ за море хлѣбъ частныхъ владѣльцевъ и покупаетъ товары, не платя пошлинъ. Доносъ былъ справедливъ; но онъ, прежде всего, затрогивалъ свѣтлѣйшаго князя, хлѣбъ котораго главнымъ образомъ и отправлялся въ Амстердамъ Соловьевымъ. Въ концѣ 1714 года Петръ, пріѣхавши на именины къ князю, осыпалъ его упреками за его поведеніе и поведеніе его креатуръ, которыя обогатились въ короткое время отъ грабежей, а казенные доходы истощились [2]). Схвачены чиновники Ижорской канцеляріи; сенаторы кн. Волконскій и Апухтинъ понесли наказаніе; Петербургскій вице-губернаторъ Корсаковъ, хитрый и преданный слуга Меншикова, публично битъ кнутомъ... Ходили слухи, что свѣтлѣйшій князь потеряетъ свое Ингерманландское намѣстничество и Петербургскую губернію, управленіе которыми перейдетъ къ царевичу Алексѣю. Кронъ-принцесса Шарлота отвѣчала на запросъ по этому поводу матери своей, что «Меншиковъ все еще губернаторъ, и, не смотря на то, что происходили разныя исторіи, онъ все еще держится, хотя и не пользуется прежнимъ довѣріемъ» [3]).

Но и на этотъ разъ надежды враговъ Меншикова не сбылись. Петръ не могъ не быть снисходительнымъ къ своему Данилычу. Не говоря о долголѣтней дружбѣ, если бы Петръ мысленно обернулся на пройденный имъ путь, онъ повсюду встрѣтилъ бы своимъ неизмѣннымъ спутникомъ Меншикова, на каждомъ шагу могъ бы

[1]) Фокеродъ, 30, 33.

[2]) Соловьевъ, XVI, 259.

[3]) Герье, Вѣст. Евр., 1872 г., VI, 519.

вспомнить его вѣрную службу. Но Меншиковъ нуженъ былъ и для будущаго, онъ былъ у Петра одинъ. Всѣ сотрудники Петра имѣли въ своемъ вѣдѣніи отдѣльныя отрасли; одинъ Меншиковъ, какъ и самъ Петръ, долженъ былъ дѣлать все, быть тамъ, гдѣ требовали того нужда и обстоятельства. При частыхъ отлучкахъ Петра, Меншиковъ являлся какъ бы исправляющимъ должность государя, дѣйствительнымъ «вѣрнымъ приказчикомъ», на преданность, исполнительность и энергію котораго Петръ могъ смѣло положиться. Такъ было и теперь. Несмотря на всѣ «исторіи», уѣзжая за границу въ 1716 году, Петръ оставилъ князя довѣреннымъ лицомъ; ему даже поручено попеченіе о дорогомъ «шишенькѣ», царевичѣ Петрѣ Петровичѣ. Меншиковъ, называя царевича «своимъ дражайшимъ хозяиномъ», часто пишетъ Петру и Екатеринѣ о немъ, сообщая разныя мелочи, пріятныя родительскому сердцу, а въ началѣ 1717 года посылаетъ въ Голландію государю портретъ царевича въ видѣ амура съ крылышками, или какъ выразился самъ князь Ижорскій «изображеніе дражайшаго нашего Купиды» [1]). Въ отсутствіе царя умираетъ его любимая сестра, царевна Наталья, и Меншиковъ спѣшитъ утѣшить государя, проситъ его «отводить себя отъ печали» и «взять за экземпель свою бабушку Анну Леонтьевну», которую самъ Петръ любилъ ставить въ образецъ твердости характера [2]).

Петръ благодаритъ Меншикова за сообщаемыя свѣдѣнія, доволенъ быстрымъ ходомъ построекъ въ Петербургѣ и Ревелѣ, въ свою очередь справляется о здоровьѣ князя, шлетъ ему въ подарокъ изъ Данцига фунтъ табаку... Но въ это же время Меншиковъ получаетъ кое-что другое, болѣе существенное, и при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, которыя показываютъ, что Меншиковъ продолжаетъ пользоваться у Петра значительнымъ «кредитомъ». По смерти царевны Наталіи Меншиковъ получилъ принадлежавшій ей Крестовскій островъ, но уже послѣ того, какъ тотъ былъ подаренъ царицѣ Прасковіи, только потому, что Меншиковъ успѣлъ, вѣроятно, тотчасъ послѣ смерти царевны завести тамъ «великимъ иждивеніемъ» лѣсопильные заводы, настроить построекъ, навозить матеріаловъ... Царица должна была удовольствоваться Петровскимъ островомъ, который, по

[1]) Петровъ, „Цес. Анна Петровна“. Сборникъ Истор. матер., изд. Михайлова и Кашперова, I, 92. Заботы о дочеряхъ, маленькихъ царевнахъ Аннѣ и Елисаветѣ, поручались въ отсутствіе родителей царицѣ Прасковіи, царевнѣ Натальѣ и кн. Д. М. Меншиковой. Посылая, однажды, въ подарокъ Меншиковой юбку, Екатерина писала ей: „Не дозволяй впредь самовольства Евдошкѣ“, т.-е. Авдотьѣ Ильиной, мамѣ царевны Анны Петровны. (Тамъ же, 88 и 99).

[2]) Соловьевъ, XVI, 265, 262.

мнѣнію Меншикова, былъ «ея величеству весьма угоднѣе, понеже къ Васильевскому острову гораздо способенъ».

На этотъ разъ, на время отсутствія Петра, рядомъ съ довѣреннымъ человѣкомъ оставалось въ государствѣ и учрежденіе, облеченное особымъ довѣріемъ государя,—Сенатъ. Слѣдующій случай показываетъ, что и при существованіи послѣдняго, первый оказывался нелишнимъ. Русское войско въ Финляндіи терпѣло недостатокъ въ хлѣбѣ, и адмиралъ Апраксинъ грозилъ, что возвратится назадъ, если не получитъ немедленно запасовъ. Сенатъ «проволакивалъ время». Тогда Меншиковъ собственной властью захватилъ хлѣбъ изъ купеческихъ магазиновъ на 200 т. рублей и отправилъ въ Або. Самоуправный поступокъ Меншикова былъ совершенно въ духѣ Петра и не могъ ему не понравиться; а тутъ и великій адмиралъ пишетъ: «Ежели бъ не было здѣсь свѣтлѣйшаго князя Меншикова, то-бъ въ дѣлахъ могли быть великія помѣшательства» [1]).

X.

Весь 1717 и первая половина 1718 года заняты были дѣломъ царевича Алексѣя. Участіе Меншикова въ гибели царевича сильно преувеличено. Его роль была пассивная. Нельзя, конечно, отрицать, что Меншиковъ былъ доволенъ такимъ исходомъ дѣла, что, можетъ быть даже, такимъ образомъ исполнилось давнишнее его желаніе. Во всякомъ случаѣ Меншиковъ могъ вполнѣ искренно написать Екатеринѣ: «Слава Богу, что оный крыющійся огнь ясно открылся, который уже нынѣ, съ помощію Божіею, весьма искоренить и оное злое запаленіе погашеніемъ истребить возможно» [2]). Меншиковъ не принималъ непосредственнаго участія въ страшномъ розыскѣ, который развѣ только и можно сравнить съ стрѣлецкимъ, когда сержантъ Алексашка былъ дѣятельнымъ его участникомъ. Въ то время, какъ въ Преображенскомъ идетъ розыскъ подъ личнымъ наблюденіемъ Петра, Меншиковъ остается въ Петербургѣ. Самыя довѣренныя лица и несомнѣнно преданныя Петру навлекали на себя подозрѣніе въ сочувствіи къ царевичу и его замысламъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что только одинъ Меншиковъ оставался внѣ подозрѣній, и Петръ могъ еще разъ оцѣнить всю преданность и исполнительность своего Данилыча [3]). Въ теченіе всего Февраля и Марта, каждый день почти, а иногда и чаще, Петръ шлетъ письма къ Меншикову, называя его по старому «мейнъ еринтъ», болѣе или менѣе однообразнаго содержанія: схватить, сковать,

[1]) Соловьевъ, т. XVI, 252.

[2]) Погодинъ, „Ц. Алексѣй Петровичъ“; „Чтенія“, 1861 г., III, 305.

[3]) Ср. Голикова „Дополненія“, т. XII, 21.

выслать, иногда взять за караулъ или предварительно пытать. Длинной вереницей проходятъ предъ нами имена Кикина, Ив. Аѳанасьева, царевича Сибирскаго и сенатора Самарина, Авраама Лопухина и Петра Апраксина, духовныхъ лицъ, князей, боярынь, дьяковъ и проч. и проч. [1]). Даже самъ начальникъ счетной канцеляріи по хищеніямъ Меншикова, князь В. Вл. Долгоруковъ, 20 Февраля былъ арестованъ своимъ подсудимымъ, а канцелярія передана князю П. М. Голицыну [2]). «Дѣло сіе зѣло множится», и между прочимъ оказался «домашній Іюда», денщикъ Баклановскій, который рѣшился предостеречь Кикина о грозившей ему опасности. Надо принять мѣры противъ этого, и Петръ пишетъ: «Для никакихъ дѣлъ партикулярныхъ, ни за какія деньги не вели давать почтовыхъ лошадей, кромѣ государственныхъ куріеровъ за подорожными, за моею или за твоею» [3]).

Въ то время какъ Петръ облекалъ Меншикова такимъ высокимъ довѣріемъ, никогда, конечно, не думая серьозно лишить себя Данилыча, счетныя канцеляріи, сначала князя Долгорукова, а затѣмъ князя Голицына, продолжали свою кропотливую работу и насчитывали милліонную сумму. Просматривая эти любопытные документы, можно видѣть, изъ какихъ мелкихъ составныхъ частей образовались тѣ колоссальныя суммы, которыя долженъ былъ уплачивать Меншиковъ. Мы уже видѣли, что губернская канцелярія уплачивала деньги за рыбу (111 р. 26 алт. 4 д.), огурцы, уксусъ и другіе хозяйственные припасы для князя (200 р. 6 алт. 4 д.) и т. п. [4]). Слѣдователи выкапывали очень старые и забытые счета: тутъ были и дворцовыя имѣнія, оброка съ которыхъ Меншиковъ не платилъ съ 1700 года, и «тынфы и шестаки» на 10 т. рублей, взятые изъ Монастырскаго Приказа, которые забылъ уплатить свѣтлѣйшій князь, и много другого. На счетъ Меншикова поставили даже стоимость того драгоцѣннаго перстня, который поднесъ когда-то новопожалованному свѣтлѣйшему князю, съ его гербомъ, князь Матвѣй Гагаринъ, правда, заплатившій деньги за изготовленіе презента изъ суммъ Сибирскаго Приказа. Весь начетъ по одной канцеляріи Долгорукова достигъ цифры 896,378 р. 22 алт. пол-4 деньги [5]). Меншиковъ рѣшился подать повинную, въ которой сообщаетъ интересныя свѣдѣнія. Оказывается, что онъ «съ 1702 г. губернаторскаго жалованья никакого не имѣлъ» [6]), «во время нуж-

[1]) „Чтенія", 1861 г., III, 308—316.
[2]) Голиковъ, „Дополненія", XII, 19.
[3]) „Чтенія", 1861 г., III, 310.
[4]) М. арх. М. Ю., кн. Сената № 684.
[5]) Тамъ же.
[6]) Извѣстно, однако, что Меншиковъ получалъ въ 1705—10 гг. содержаніе сначала

ныхъ случаевъ по особливымъ изустнымъ повелѣніямъ немалыя отъ него дачи были, а особливо въ Жолквѣ, когда господа Поляки по отреченіи королевскомъ на обѣ ноги хромали, что, лаская ихъ, истинно изъ подъ платья собольи мѣха выпарывая, также и прочими вещами дарилъ; къ тому-жъ на умъ не прихаживало, чтобъ въ томъ счетъ имѣть». Говоря далѣе о расходахъ на разные еще подарки деньгами, лошадьми, каретами и припасами, на устройство банкетовъ и проч., Меншиковъ прибавляетъ: «Все свое за ваше почитая, чего и нынѣ воспоминать и на счетъ ставить не хочу» [1]). Петръ прочелъ прошеніе, не могъ не признать многаго справедливымъ и велѣлъ «зачесть» значительную долю начета. Можетъ быть, къ этой самой повинной относится разсказъ о томъ, что Петръ, получивъ прошеніе смиренно стоявшаго у дверей своего любимца, сказалъ: «Э, братъ, и того ты написать не умѣлъ», началъ самъ исправлять повинную и сказалъ затѣмъ присутствующимъ: «Правосудіе требуетъ взвѣсить на вѣсы безпристрастія какъ преступленія, такъ и заслуги, и буде заслуги перевѣсятъ преступленія, въ такомъ случаѣ милость должна хвалиться на судѣ»... «довольно будетъ наказать его денежнымъ штрафомъ, а онъ мнѣ и впредъ нуженъ и можетъ еще сугубо заслужить оное» [2]). Разсказъ этотъ очень вѣрно характеризуетъ отношеніе Петра къ Данилычу, про котораго онъ сказалъ въ этомъ случаѣ князю Долгорукову: «не тебѣ, князь, судить меня съ Данилычемъ, а судитъ насъ съ нимъ Богъ». Нахожденіе подъ судомъ строгой канцеляріи князя Голицына, которая, какъ жаловался свѣтлѣйшій князь, намѣревалась взять у него шпагу и арестовать, не помѣшало Меншикову при учрежденіи коллегій быть назначену президентомъ Военной Коллегіи [3]) и вмѣстѣ съ другими президентами сдѣлаться сенаторомъ.

Если мы посмотримъ наудачу дневную запись князя Меншикова за вторую половину 1718 или 1719 гг., то увидимъ, что рѣдкій день Петръ не видится съ Меншиковымъ: то царь самъ заходитъ за Меншиковымъ, отправляясь на работы, въ мастерскія художниковъ и т. п., то посылаетъ за нимъ Девіера, чтобы потолковать о дѣлахъ. Въ праздничные дни они вмѣстѣ бываютъ въ церкви, дѣлаютъ визиты разнымъ лицамъ, до поздняго вечера гуляютъ вдвоемъ въ саду. Рѣд-

по 3888 р., а потомъ по 6048 р. („Сборникъ", XXV, 13). Но это было содержаніе только по военному его званію.
[1]) Соловьевъ, XVI, 271 и 272.
[2]) Б.-Каменскій, „Дѣянія", I, 94—96.
[3]) „Сборникъ", XX, 467; письмо Меншикова къ фельдмаршалу Шереметеву объ этомъ отъ 8 Октября 1718 г.

кую недѣлю два - три раза Петръ не заѣзжаетъ къ Меншикову въ домъ или въ Ораніенбаумъ [1]) къ обѣденному или вечернему столу. Въ достопамятные дни, какъ, напримѣръ, 18 Октября, или въ дни семейныхъ праздниковъ, Меншиковъ самъ является часовъ въ пять утра пригласить къ себѣ рано вставшаго Петра [2]). 5 Сентября 1721 года Меншиковъ праздновалъ въ своемъ «островскомъ домѣ» обрученіе П. Сапѣги съ своей 10 лѣтней дочерью, княжной Маріей [3]). Одновременно съ семейнымъ торжествомъ князя и вся Россія праздновала заключеніе мира со Швеціей, мира, которымъ скрѣпилась навсегда связь Россіи съ Европой, закончилась борьба за обладаніе Балтійскимъ побережьемъ и за политическое преобладаніе на Сѣверѣ. Офиціальныя празднества, происходившія въ Петербургѣ 22 Октября, начались торжественнымъ богослуженіемъ въ Троицкомъ соборѣ, во время котораго Петру былъ поднесенъ титулъ императора, и закончились въ Сенатѣ пиромъ и блестящимъ фейерверкомъ, при чемъ за столомъ по правую сторону Петра сидѣлъ герцогъ Голштинскій, а по лѣвую Меншиковъ.

XI.

Въ Декабрѣ 1721 г. Меншиковъ выѣхалъ въ Москву, сопровождая Петра, и поселился въ своемъ домѣ на Мясницкой. Высокая башня «Меншиковская», съ церковью внутри, упоминаемая въ описаніи Бергхольца, уцѣлѣла до настоящаго времени. Въ то время на ней были поставлены куранты, бившіе часы и игравшіе разныя пьесы [4]). Но внутри башня была не окончена и «можетъ быть», замѣчаетъ Бергхольцъ, «не будетъ окончена, такъ какъ Меншиковъ начинаетъ столько построекъ, что нѣтъ возможности привести ихъ въ исполненіе». Въ Москвѣ Ништадскій миръ былъ отпразднованъ 31 Января маскарадным шествіемъ въ саняхъ, которымъ придана была форма морскихъ судовъ. Шествіе направилось изъ села Всесвятскаго и прошло по улицамъ, Красной площади и Кремлю. Меншиковъ въ костюмѣ аббата исполнялъ обязанности маршала, а княгиня была закостюмирована Испанкой [5]). Но не прекращались и непріятности. Пріѣхавшій въ Москву на празднества гетманъ Скоропадскій подалъ отъ Почепскихъ жителей жалобу на обиды при межеваніи, которая близко касалась Меншикова. Послѣ Полтавской побѣды Меншиковъ получилъ отъ гетмана двѣ волости: Почепскую и Ямпольскую. Недовольный, однако, этимъ, свѣтлѣйшій князь настаивалъ, чтобы ему отданы были во владѣніе казаки. Какъ ни противорѣчило это народнымъ понятіямъ, въ Іюнѣ 1710 года универсаломъ гетмана казаки отданы были «въ державу и во владѣніе его княжой милости» и обложены оброкомъ, наравнѣ съ крестьянами. Получивъ затѣмъ еще сосѣднюю Храповскую волость, Меншиковъ не удовольствовался и этимъ и въ Іюнѣ 1719 года испросилъ указъ о размежеваніи земель Почепской сотни, согласно межѣ 1638 года. Дѣло на столько интересовало Меншикова, что лѣтомъ 1720 года онъ лично побывалъ въ Малороссіи [1]); а межевщики, записавшіе въ могущественномъ милостивцѣ, черезчуръ постарались въ его пользу [2]). 28 Апрѣля 1722 г. Петръ положилъ резолюцію на прошеніи гетмана: «То, что́ далъ гетманъ послѣ Полтавской баталіи князю Меншикову и грамотами жалованными утверждено, быть за нимъ, а что́ сверхъ того примежевано и взято, гетману возвратить». Осенью же былъ посланъ указъ объ освобожденіи казаковъ [3]).

Это дѣло повлекло за собой еще бо́льшую непріятность. 31 Октября въ Сенатѣ, когда государь былъ въ Персидскомъ походѣ, поссорились вицеканцлеръ Шафировъ съ об.-прокурор. Скорняковымъ-Писаревымъ, котораго первый укорялъ въ томъ, что онъ «противъ своей должности похлебствуетъ свѣтлѣйшему князю». Этимъ былъ затронутъ и Меншиковъ. Ссора кончилась неприличной перебранкой, и каждая сторона поспѣшила послать доносы государю. Меншиковъ обвинялся въ томъ, что настаивалъ на выводѣ войскъ изъ Стародубскаго полка «для увольненія своихъ маетностей» и кричалъ на сенаторовъ; Шафировъ, что не вышелъ, вопреки указу, изъ засѣданія, когда дѣло шло о почтовомъ откупѣ (который держалъ Шафировъ) и что передалъ въ жалованье лишнія деньги своему брату [4]). Дѣло приняло непріятный оборотъ, и виновные со страхомъ ожидали возвращенія Петра. Меншиковъ построилъ домъ въ Ораніенбаумѣ, развелъ садъ и устроилъ оранжереи въ 1714 г.,—Пушкаревъ, „Описаніе С.-Петербургской губерніи", 1842 г., IV, 107.

[2]) Голиковъ, „Дополненія", XII, 156—163, 273.

[3]) Послѣдній біографъ кн. М. А. Меншиковой В. Михневичъ (Истор. Вѣстн., 1898, I, 187—188) говоритъ, что въ 1721 г. была только помолвка, а обрученіе 13 Марта 1725 года.

[4]) „Меншиковская башня" съ ц. арх. Гавріила начата Меншиковымъ постройкою въ 1705 г. вмѣсто древней деревянной церкви того же имени, называвшейся „въ Гавриловской слободѣ, на Поганомъ Пруду". Поганый прудъ уже въ 1710—1711 гг. переименованъ въ „Чистый". „Русск. Достоп."; Мартынова, II, „Ц. арх. Гавріила", прим. 26 и 28.

[5]) Бассевичъ, Р. Арх., 1865 г., 203; Шубинскій, „Очерки и разсказы", 2 изд., 67—70.

[1]) Р. Арх., 1899 г., I, 673: Универсалъ кн. Меншикова, данный въ Почепѣ 25 Іюня 1720 г., на землю Почепской ц. св. Александра Невскаго іерею Шелендовскому.

[2]) Неудовольствіе въ Малороссіи по поводу этого межеванія тотчасъ же обнаружилось, и 4 Августа 1720 г. Меншиковъ, находившійся въ это время въ Смоленскѣ для комплектованія корпуса, писалъ оттуда гр. Ѳ. М. Апраксину, прося его заступничествъ предъ государемъ, „ежели случай позоветъ къ рѣчи", и увѣрялъ, что гетманъ писалъ на него П. А. Толстому „неправо" (Арх. Морск. Штаба, № 246/277, стр. 127).

[3]) Лазаревскій, „Описаніе Старой Малороссіи", т. I, 273—287, 291.

[4]) М. арх. М. Ю., кн. Сената № 300, лл. 18—20; „Картина жизни и дѣятельности кн. А. Д. Меншикова", изд. 1803 г., 185—191.

ковъ попалъ, кромѣ того, въ число нерадивыхъ, «позднопріѣздныхъ царедворцевъ», хотя и оправдывался тѣмъ, что два дня въ недѣлю долженъ былъ бывать въ Военной Коллегіи [1]).

12 Декабря Меншиковъ получилъ извѣщеніе отъ М. Олсуфьева о томъ, что наканунѣ вечеромъ пріѣхалъ государь въ деревню Меншикова, гдѣ и остановился, съ просьбой найти и выслать туда, «хорошихъ полпивъ и вина крѣпкаго Венгерскаго» [2]). Остановка Петра въ имѣніи Меншикова показывала уже, что гнѣвъ его противъ Меншикова утихъ, тѣмъ не менѣе въ тотъ же день у Меншикова сдѣлалось сильное кровотеченіе горломъ. Многіе считали болѣзнь притворной [3]); весьма вѣроятно, что Меншиковъ не рѣшался явиться къ Петру до пріѣзда Екатерины. Благодаря заступничеству Екатерины, которое всегда, какъ вѣрно замѣтилъ Бассевичъ, встрѣчало отголосокъ въ сердцѣ Петра, онъ отнесся и на этотъ разъ снисходительно къ своему любимцу, замѣтивъ только Екатеринѣ: «Меншиковъ въ беззаконіи зачатъ, во грѣсѣхъ родила мать его и въ плутовствѣ скончаетъ животъ свой; если онъ не исправится, то быть ему безъ головы». Но, узнавъ, что Меншиковъ сильно боленъ, Петръ написалъ ему ласковое письмо, на которое Меншиковъ отвѣтилъ благодарственнымъ письмомъ, и тутъ не преминулъ прибавить шутку: «Благодарствую, что ваше величество изволили пожаловать въ Городню, въ новопостроенный мой домъ... истину доношу, что оный домъ построилъ для шествія вашего величества, дабы вашему величеству отъ таракановъ не было опасенія» [4]). 3 Февраля, въ Преображенскомъ, въ день тезоименитства герцогини Курляндской Анны Іоанновны, Петръ расцѣловался съ Меншиковымъ и обошелся съ нимъ чрезвычайно милостиво [5]).

Между тѣмъ Шафирова постигла тяжелая участь. Съ барабаннымъ боемъ было объявлено, что 15 Февраля въ Кремлѣ имѣетъ быть экзекуція «надъ нѣкоторой знатной персоной». Петръ предписалъ продѣлать надъ бывшимъ вице-канцлеромъ всю процедуру казни, написавъ предварительно собственноручно на приговорѣ: «Учинить все по сему, кромѣ дѣйствительной смерти, но сослать на Лену» [6]). 19 Фев-

[1]) М. арх. М. Ю., кн. Сената № 300, л. 375.

[2]) Р. Арх., 1883 г. III, 65 и 66. Издатель писемъ предполагаетъ, что Петръ остановился въ с. Люберцахъ (Ново-Преображенскѣ), но изъ послѣдующаго его письма видно, что это была деревня Городня.

[3]) Бергхольцъ, III, 344.

[4]) Семевскій, „Цар. Прасковья“, 2 изд., 185 и 186.

[5]) Бергхольцъ, III, 24.

[6]) М. арх. М. Ю., кн. Сената № 300, лл. 263—272.

раля наказаніе постигло и Меншикова: у него отобрано было президенство въ Военной Коллегіи и сенаторство; кромѣ того, онъ долженъ былъ заплатить большой штрафъ [1]). Немилость къ нему продолжалась, и Меншиковъ считалъ нелишнимъ заискивать расположенія всесильнаго въ то время камергера Екатерины Вилима Монса и его сестры Матрены Балкъ. Когда сынъ послѣдней, Петръ, женился на Полевой, Меншиковъ устроилъ свадьбу въ своемъ домѣ, и, забывъ свою скупость, угощалъ на свой счетъ многочисленныхъ гостей; въ день именинъ Матрены Ивановны онъ даритъ ей алмазный перстень и 50 четвертей муки; самъ Монсъ получаетъ лошадь съ уборомъ. За то лѣтомъ же (3 Іюня) 1723 года свѣтлѣйшій князь порадованъ былъ письмомъ Матрены Балкъ: «Его императорское величество и ея императорское величество паки къ вамъ милостивы, о чемъ паки истинно всесердечною радостію радуюсь и желаю всегда вашей свѣтлости получить милость ихъ величествъ».

Въ это время шли дѣятельныя приготовленія къ коронаціи Екатерины, которая должна была совершиться въ Москвѣ 7 Мая. Меншиковъ исполнялъ разныя порученія, въ томъ числѣ долженъ былъ собрать съ купечества 60 лучшихъ лошадей для кавалергардовъ [2]). Свѣтлѣйшій князь воспользовался удобнымъ моментомъ и, по пріѣздѣ въ Москву передъ Пасхой, просилъ у Петра «для праздника Воскресенія Христова во всѣхъ своихъ винахъ милостиваго прощенія», въ тоже время прося и у Екатерины «матерняго всемилостивѣйшаго предстательства и заступленія» [3]). Въ эту торжественную для нея минуту Екатерина едва ли могла отказать въ «предстательствѣ» человѣку, которому была всѣмъ обязана, а Петръ отказать въ ея просьбѣ. По крайней мѣрѣ, когда 30 Мая Меншиковъ просилъ дать ему 20 т. рублей изъ собранныхъ съ Малороссійскихъ обывателей харчевыхъ денегъ для выкупа маетностей, которыми поступился Сапѣга дочери его, княжнѣ Маріи, то Петръ указалъ «дать взаймы изъ сихъ денегъ 10.000, а возвратить въ полтора года отъ сего числа» [4]). Но, по возвращеніи въ Пе-

[1]) Бергхольцъ, III, 34.

[2]) Распоряженіе объ учрежденіи „драбантовъ“ или кавалергардовъ къ коронаціи, какъ видно изъ письма кн. Меншикова къ П. А. Толстому, послѣдовало уже въ Ноябрѣ 1723 года. „При семъ посылаю“, писалъ Меншиковъ 24 Ноября, „образцовой драбантской кафтанъ и верхнюю одежду, что надѣвается на кафтанъ, а что надлежитъ на оныхъ перемѣнить и вновь чего сдѣлать, тому при семъ прилагается реестръ; да изволите оное все по тому реестру исполнить, а для пріему достальныхъ кафтановъ и верхней одежды изволите ко мнѣ прислать, кого надлежитъ“... (М. отд. арх. М. Двора, оп. 272, д. I, лл. 153 и 154).

[3]) Соловьевъ, XVIII, 147.

[4]) Лефорт. арх., Проток. Военн. Колл. 1724 г., л. 193.

тербургъ, князь подалъ поводъ къ новымъ неудовольствіямъ; у него отобрано было губернаторство и отдано П. Апраксину [1]), а тамъ послѣдовало дѣло Монса и замѣтное охлажденіе Петра къ Екатеринѣ... 11 Декабря 1724 года именнымъ указомъ, очевидно направленнымъ противъ Меншикова, объявлено было Сенату, дабы «словесныхъ указовъ ни по чьему объявленію безъ подписанія собственной е. и. величества руки не дѣлать» [2]). «Въ послѣдній годъ царствованія», разсказываетъ современникъ, «Петръ рѣшился наказывать по всей строгости законовъ. Дѣло поручено было генералъ-фискалу Мякинину, который на вопросъ, какъ ему поступать, «отсѣкать ли сучья, или наложить топоръ и на корень», получилъ отвѣтъ: «Искоренять все до тла». «Пришлось бы», заключаетъ разказчикъ, «услыхать о многихъ и великихъ казняхъ» [3]). Едва ли не болѣе былъ правъ Бергхольцъ, который высказывалъ увѣренность, что и на этотъ разъ князь отдѣлается, какъ и прежде. Вопросъ остался открытымъ.

XII.

Петру было всего только 52 года, а между тѣмъ здоровье его, несмотря на богатырское сложеніе, было совершенно расшатано: могучій организмъ его не выдержалъ ни той кипучей дѣятельности, которую проявлялъ Петръ въ теченіе трехъ десятилѣтій, ни той безпорядочной жизни, въ которой прорывались его сильныя, ничѣмъ несдерживаемыя страсти. Петръ часто прихварывалъ въ послѣдніе годы, и припадки дѣлались все чаще и болѣзненнѣе; къ тому же онъ мало берегся. Дѣло Монса, потрясшее царя нравственно, не могло не отозваться и на его здоровьѣ. 16 Января Петръ слегъ въ постель, и скоро стало ясно, что едва ли онъ поднимется. Не распорядившись заблаговременно вопросомъ о престолонаслѣдіи, Петръ не успѣлъ этого сдѣлать и во время предсмертной болѣзни. Только 27 Января онъ потребовалъ бумаги; но рука, любившая писать такъ много и писавшая всегда такъ своеобразно и неразборчиво, теперь начертала нѣсколько словъ такъ, что могли только разобрать слова—«отдайте все»...

Вопросъ о престолонаслѣдіи остался открытымъ. Рѣшить его должны были тѣ, которые толпились теперь во дворцѣ и у постели

[1]) Костомаровъ, II, 317.

[2]) А. Филипповъ „Исторія Сената въ правленіе В. Т. Совѣта“, 184.

[3]) Фокеродъ, „Чтенія“, 1874 г., II, 34.—Меншиковъ позднѣе отомстилъ своему строгому слѣдователю. 9 Іюня 1727 г. состоялся указъ о преданіи суду фискала Мякинина и офицеровъ, участвовавшихъ въ неправомъ изслѣдованіи и розыскѣ по дѣламъ кн. Меншикова. (Барановъ, „Опис. Сен. Арх.“, III, № 2511).

умиравшаго императора, такъ какъ ни Екатерина, ни малолѣтній Петръ не имѣли возможности самостоятельно дѣйствовать въ свою пользу. Партія знати, враждебно относившаяся къ дѣлу Петра, оттертая на второстепенныя мѣста группою людей болѣе чѣмъ скромнаго происхожденія съ Меншиковымъ во главѣ, стояла за великаго князя Петра. Партія эта, хотя и многочисленная, состояла изъ людей мало способныхъ, плохихъ практическихъ дѣльцевъ, и не имѣла такихъ побудительныхъ причинъ дѣйствовать энергично: ея положеніе не могло ухудшиться, если бы кандидатура Петра и не удалась. Люди, группировавшіеся около Екатерины, занимали первыя мѣста и были выдвинуты Петромъ за ихъ способности, но въ большинствѣ были люди худородные. Чувство самосохраненія должно было побуждать эту партію дѣйствовать энергично и дружно въ пользу Екатерины. Чего могъ ожидать для себя хорошаго отъ восшествія на престолъ великаго князя Петра хотя бы, напримѣръ, Толстой, главный виновникъ гибели царевича Алексѣя, или Ѳеофанъ Прокоповичъ, краснорѣчивый панигиристъ всѣхъ дѣлъ Петра, авторъ «Правды воли монаршей», направленной противъ царевича, организаторъ непопулярнаго Синода... Меншикову первому грозила неминуемая гибель, и понятно, что онъ долженъ былъ употребить всѣ усилія, чтобы доставить престолъ Екатеринѣ. Предстояло дѣло трудное, возвести на престолъ женщину, явленіе небывалое на Руси, да къ тому же еще иноземку, происхожденіе которой не было секретомъ. Должна была поддерживать Екатерину изъ собственныхъ интересовъ и партія герцога Голштинскаго, въ лицѣ своего хитраго и изворотливаго министра Бассевича, оставившаго въ своихъ Запискахъ описаніе восшествія на престолъ Екатерины. За нѣсколько часовъ до смерти Петра Екатерина поручила Меншикову и Бассевичу дѣйствовать въ ея пользу. Рѣшено было опереться на гвардію, для чего заручиться содѣйствіемъ подполковника Семеновскаго полка И. И. Бутурлина (подполковникомъ Преображенскаго полка былъ самъ Меншиковъ). Бутурлинъ, по убѣжденіямъ Бассевича [1]), согласился поддерживать права Екатерины. Затѣмъ приглашены были во дворецъ старшіе офицеры обоихъ гвардейскихъ полковъ и всѣ тѣ лица, содѣйствіе которыхъ было полезно и на которыхъ можно было разсчитывать. На Преображенскій и Семеновскій полки, обожавшіе императора, можно было положиться... Екатерина сама вышла къ собравшимся во дворцѣ и со слезами на глазахъ заговорила о правахъ, данныхъ ей короноваціемъ. Не были забыты обѣщанія повышеній и наградъ, а для же-

[1]) Впрочемъ, такъ говоритъ самъ Бассевичъ, который всегда не прочь выставить на видъ свои заслуги и не отличается особенной скромностью.

лающихъ были заготовлены векселя, деньги и драгоцѣнныя вещи. Нѣкоторыя, въ томъ числѣ Ѳеодосій, арх. Новгородскій, не упустили случая воспользоваться этимъ тотчасъ; другіе уклонились, чтобы не показалось усердіе ихъ продажнымъ, но за то всѣ немедленно присягнули поддерживать права коронованной супруги Петра. Между тѣмъ нѣкоторыя мѣры были приняты заблаговременно: войскамъ выдано жалованье, солдаты возвращены съ работъ въ свои части, по улицамъ усилены караулы, казна свезена въ крѣпость.

Утромъ 28 Января скончался Петръ... Когда во дворцѣ собрались сенаторы, генералы и придворные, пронеслось извѣстіе, пущенное Бассевичемъ и разнесенное по залѣ П. И. Ягужинскимъ, что важнѣйшіе сановники уже присягнули Екатеринѣ, Синодъ и гвардія за нее, казна въ ея рукахъ. Между тѣмъ Бассевичъ подходитъ къ окну и, какъ было условлено, прикладываетъ лицо къ стеклу; раздается барабанный бой двухъ гвардейскихъ полковъ, собранныхъ на площади предъ дворцомъ. На вопросъ президента Военной коллегіи князя Н. И. Репнина, кто смѣлъ давать подобныя приказанія безъ его вѣдома, Бутурлинъ отвѣчалъ: «Это приказано мною; я имѣлъ на то повелѣніе императрицы, которой всякій вѣрноподданный обязанъ повиноваться, не исключая и васъ». Участіе гвардіи производитъ подавляющее впечатлѣніе; всѣ споры прекращены. Екатерина, поддерживаемая герцогомъ Голштинскимъ, выходитъ къ собранію и говоритъ, что она готова, исполняя намѣренія дорогого ея сердцу супруга, раздѣлившаго съ ней тронъ, посвятить дни свои труднымъ заботамъ о благѣ имперіи... Меншиковъ проситъ разрѣшенія обсудить дѣло на свободѣ, и все собраніе удаляется въ другую комнату. Всѣ чувствуютъ, что вопросъ о престолонаслѣдіи рѣшенъ, и никто не рѣшается говорить. Наконецъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ, указавъ «съ трогательнымъ краснорѣчіемъ» на значеніе присяги 1722 года, припоминаетъ, что наканунѣ коронаціи Екатерины, Петръ, въ домѣ одного Англійскаго купца, высказался, что коронуетъ супругу, чтобы послѣ его смерти она могла наслѣдовать престолъ, при чемъ ссылается на свидѣтельство великаго канцлера. Смущенный Головкинъ отвѣчаетъ утвердительно, а Меншиковъ спѣшитъ воскликнуть: «Въ такомъ случаѣ я не спрашиваю никакого завѣщанія, я вѣрю вамъ. Да здравствуетъ Екатерина!» [1]).

Возведеніе на престолъ Екатерины было торжествомъ и спасеніемъ для свѣтлѣйшаго князя. Она давно уже привыкла пользоваться его совѣтами, а теперь они тѣмъ болѣе необходимы, что Меншиковъ

[1]) Бассевичъ, 263—267.

единственный человѣкъ, способный продолжать дѣло покойнаго императора; къ тому же онъ единственный генералъ съ блестящимъ боевымъ прошлымъ, военный авторитетъ котораго можно было противопоставить популярнѣйшему изъ генераловъ, представителю родовой боярской знати, кн. М. М. Голицыну, начальнику Украинской арміи (движенія ея очень опасались). Меншиковъ можетъ надѣяться, что теперь онъ будетъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо при Петрѣ. Надежды эти, повидимому, начали сбываться. «Меншиковъ получилъ такую большую власть, какую только подданный можетъ имѣть», доноситъ одинъ иностранный министръ своему двору; «Меншиковъ завелъ такіе порядки, которые сдѣлали его дѣйствительнымъ правителемъ, а царицѣ оставили одно имя», пишетъ другой [1]). Президенство въ Военной коллегіи возвращено Меншикову [2]), но ему этого было мало. Свѣтлѣйшему князю хотѣлось званія генералиссимуса и прекращенія всякихъ счетовъ по его злоупотребленіямъ. Кромѣ того, давно уже мечталъ свѣтлѣйшій получить въ свое владѣніе гетманскій Батуринъ [3]). Екатеринѣ пришлось сдерживать его алчность, чтобы не возбуждать еще бо́льшаго озлобленія въ притихшей, но продолжавшей существовать партіи великаго князя. Увеличивать значеніе князя значило усилить эту партію новыми людьми. Въ партіи, возведшей Екатерину на престолъ, скоро обнаружились раздоры, вызванные въ значительной степени надменностью князя: Ягужинскій ворчитъ, Апраксинъ плачется, что посланъ въ Ревель къ флоту, Репнинъ недоволенъ назначеніемъ въ Ригу [4]). Не успѣли тѣло Петра перенести въ Петропавловскій соборъ, какъ туда явился (31 Марта) П. И. Ягужинскій и громко сталъ жаловаться на обиду отъ Меншикова. «Снять шпагу съ меня хотѣлъ», говоритъ оскорбленный Павелъ Ивановичъ, «чего я надъ собой отроду

[1]) Кампредонъ и Мардефельдъ, „Сборникъ", XLVIII, 254; Филипповъ, „Къ вопросу о В. Т. Совѣтѣ", 32.

[2]) Князь Репнинъ назначенъ губернаторомъ въ Ригу.

[3]) Арсеньевъ, „Ц. Екатерина I", Уч. Зап. II отд. Акад. Наукъ, кн. II, в. I, 220 и 221. Воспользовавшись торжествомъ по случаю заключенія мира со Швеціей, Меншиковъ подалъ прошеніе Петру, въ которомъ писалъ: „Прошу милостей для нынѣшней всенародной радости (миръ) и на воспоминаніе Полтавской баталіи и Батуринскаго взятія, пожаловать мнѣ во владѣніе г. Батуринъ съ предмѣстьемъ его и съ уѣздомъ, и съ хуторами, и съ мельницами, и землями, и съ жителями, кои по той землѣ поселены живутъ. Я Ваше Величество не хотѣлъ было симъ прошеніемъ утруждать, но сего ради, что В. В. изволилъ повелѣть по взятіи оной городъ разорить, дабы никто въ немъ не жилъ, а нынѣ въ предмѣстьѣ и въ уѣздѣ онаго живутъ поселяне всякаго чина люди, а именно Чечеля, который во время гетманства Мазепы былъ наказнымъ гетманомъ, жена и дѣти, и который хотѣлъ *съ меня съ живого кожу содрать*, и другіе бывшіе въ измѣнѣ съ Мазепою". Меншикову было отказано. „Картина жизни" Меншикова, 175—176.

[4]) Сборникъ, XLVIII, 105.

никогда не видалъ» [1]). Поссорились въ сужденіи объ Англо-французскомъ союзѣ, о которомъ сильно хлопоталъ въ Петербургѣ Кампредонъ, раздававшій публичныя и секретныя «гратификаціи» вліятельнымъ людямъ. Меншиковъ также получилъ за содѣйствіе 5000 червонцевъ секретно и вмѣстѣ съ Толстымъ, Апраксинымъ и Остерманомъ стоялъ за союзъ, тогда какъ Головкинъ, Ягужинскій и кн. В. Л. Долгоруковъ были противъ, хотя отъ гратификацій и не отказывались. Меншиковъ былъ, однако, оцѣненъ Кампредономъ много ниже Толстого и Остермана, получившихъ по 9 т., при чемъ Французскій дипломатъ объяснилъ, что князь «можетъ быть очень полезенъ; отъ него можно добиться чего желаешь, не вдаваясь съ нимъ въ откровенности на счетъ тайныхъ причинъ желанія» [2]). Вмѣшательствомъ герцога Голштинскаго Меншиковъ и Ягужинскій примирились.

Герцогъ Карлъ-Фридрихъ является теперь новой силою: онъ пріобрѣтаетъ вліяніе, если не на дѣла, то на отношенія; онъ улаживаетъ ссоры, ходатайствуетъ передъ императрицей, которая относится къ нему породственному. 21 Мая 1725 года совершилось бракосочитаніе герцога съ цесаревной Анной, при чемъ дворецъ къ свадьбѣ былъ отдѣланъ заново подъ личнымъ наблюденіемъ Меншикова, «который въ этихъ дѣлахъ былъ незамѣнимъ» [3]). Во время свадебной церемоніи Меншиковъ исполнялъ обязанности «оберъ-маршала», а П. И. Ягужинскій маршала [4]). «Царица видитъ въ герцогѣ свою вѣрнѣйшую опору», говоритъ Кампредонъ, «точно также смотритъ она и на князя Меншикова, такъ что рѣшающее вліяніе на самыя важнѣйшія дѣла будетъ отнынѣ принадлежать этимъ двумъ лицамъ» [5]). Несмотря, однако, на то, что значеніе Меншикова возросло до высшей степени, о чемъ можно судить изъ многочисленности объявляемыхъ имъ словесно именныхъ указовъ по разнымъ дѣламъ [6]), 1725 годъ подходилъ къ концу, а свѣтлѣйшій князь не получилъ ничего изъ того, чего такъ хотѣлъ. Приближались именины Екатерины, и Меншиковъ просилъ кабинетъ-секретаря Макарова напомнить ей о немъ. Кромѣ того, князь подалъ прошеніе и самой императрицѣ. «Уповаю», писалъ онъ, «что ваше величество по превысокой своей матерней ко мнѣ милости въ день тезоименитства своего меня обрадовать изволите». Добиваясь званія

[1]) Соловьевъ, XVIII, 275.
[2]) Сборникъ, XLVIII, 254, 285.
[3]) Бергхольцъ, IV, 148.
[4]) Петровъ, „Цес. Анна Петровна“; Сборн. Истор. матер. Михайлова и Кашперова, I, III.
[5]) Сборникъ, XLVIII, 117.
[6]) Барановъ, Оп. Сен. Арх., II.

генералиссимуса, Меншиковъ мотивировалъ свое право тѣмъ, что «отъ его царскаго величества, хотя тѣмъ званіемъ былъ и не пожалованъ, однакожъ, по волѣ его величества, то дѣлалъ, что̀ тому чину дѣлать надлежитъ» [1]). Но и на этотъ разъ Меншиковъ обрадованъ не былъ; только указомъ 8 Декабря предписано было уничтожить его счетныя дѣла, а въ Іюнѣ слѣдующаго года данъ ему Батуринъ съ 3000 дворовъ слишкомъ [2]). Хотя Меншиковъ и не получилъ званія генералиссимуса, тѣмъ не менѣе, онъ былъ полнымъ хозяиномъ въ военномъ дѣлѣ. Опираясь на данное ему Петромъ право (отмѣненное, впрочемъ, указомъ 11 Декабря 1724 г.) давать указы, равные именнымъ самого государя, которыхъ «всѣ слушали и по онымъ исполняли», Меншиковъ, по свидѣтельству Лефорта, «то и дѣло отъ имени царицы разсылаетъ указъ за указомъ, о которыхъ она и не знаетъ», и въ тоже время «присвоиваетъ себѣ одному право назначенія и производства офицеровъ». Имѣя на своей сторонѣ гвардію, Меншиковъ старался снискать популярность и въ арміи. Въ Декабрѣ 1725 года, когда Минихъ потребовалъ солдатъ для постройки Ладожскаго канала, въ Сенатѣ произошло разногласіе, при чемъ Меншиковъ былъ за постройку канала наемными рабочими и закончилъ споръ, заявивъ, что, «по приказу императрицы, ни одинъ солдатъ не будетъ употребленъ на каналъ» [3]).

Между тѣмъ распространился слухъ, что аристократическая партія намѣрена возвести на престолъ великаго князя Петра при поддержкѣ родственнаго ему Австрійскаго двора. Общая опасность заставила снова сплотиться партію Меншикова, готовую уже совсѣмъ распасться. Придумано средство, которое должно удовлетворить противную партію. «Ловкій Толстой», писалъ Кампредонъ, «судьба котораго, также какъ и кн. Меншикова, зависитъ отъ положенія царицы, предложилъ учрежденіе Верховнаго Совѣта. Ограничиваемая отнынѣ власть кн. Меншикова не станетъ болѣе возбуждать справедливой зависти, такъ какъ ему нельзя уже будетъ ничего рѣшать иначе, какъ съ единогласнаго согласія всего Совѣта»... Именнымъ указомъ 8 Февраля 1726 г. на имя генералъ-прокурора Ягужинскаго учрежденъ былъ Верховный Тайный Совѣтъ, членами котораго назначены, кромѣ Меншикова, Апраксинъ, Головкинъ, Толстой, кн. Д. М. Голицынъ и Остерманъ. Ягужинскій былъ обойденъ. Устраненіемъ этого серіознаго противника и подборомъ членовъ, изъ которыхъ одни по неспособности, другіе по общности интересовъ не могли идти противъ, Меншиковъ обезпечилъ себѣ преж-

[1]) Соловьевъ, XVIII, 276 и 277.
[2]) Барановъ, Оп. Сен. Арх., II, № 1789.
[3]) Соловьевъ, XVIII, 283.

нее значеніе; созданіемъ же коллегіальнаго учрежденія съ введеніемъ въ него представителей родовитаго боярства была удовлетворена противная партія. Болѣе проницательнымъ, чѣмъ Французскій дипломатъ, оказался Лефортъ: «князь Меншиковъ далъ установиться этому порядку, чтобы извлечь оттуда всю сущность, а главное, чтобы лишить Ягужинскаго всякой власти» [1]). Каждый изъ членовъ Совѣта имѣлъ свой особый «апартаментъ», т.-е. отдѣлъ; но Меншиковъ съ его стремленіемъ властвовать безраздѣльно не удовлетворялся своимъ «апартаментомъ» и продолжалъ дѣйствовать непосредственно на императрицу. Уже 4 дня спустя по учрежденіи Верховнаго Совѣта, указомъ 12 Февраля, военныя дѣла выдѣлены были изъ компетенціи Совѣта, и докладъ по нимъ долженъ былъ лично производиться президентомъ Военной Коллегіи, т. е. кн. Меншиковымъ, а 18 Февраля по дѣлу о подчиненіи генералъ-провіантмейстера Военной Коллегіи свѣтлѣйшій князь «требуетъ отъ Верховнаго Т. Совѣта объясненій»... [2]). 17 Февраля Меншиковъ былъ огорченъ введеніемъ въ Верховный Совѣтъ герцога Голштинскаго [3]), во-первыхъ, потому, что долженъ былъ ему уступить первое мѣсто, а во-вторыхъ, опасался противодѣйствія своимъ стремленіямъ свести значеніе этого коллегіальнаго учрежденія къ нулю, особенно со стороны Бассевича, который, по фигуральному выраженію Лефорта, «думалъ держать жезлъ Аароновъ». Однако, въ концѣ Іюля мы видимъ попытку, идущую со стороны самихъ членовъ Верховнаго Т. Совѣта, воспользовавшихся отсутствіемъ Меншикова (хлопотавшаго въ Курляндіи о своей кандидатурѣ въ герцоги) ограничить его самовластіе. Въ послѣднее время свѣтлѣйшій князь сталъ совсѣмъ игнорировать Верховный Совѣтъ, непосредственно разсылая указы Сенату и другимъ учрежденіямъ. «Господа Сенатъ», пишетъ онъ, подражая Петру, «ея имп. величество указала»... Именнымъ указомъ 4 Августа предписывалось не вѣрить словеснымъ и письменнымъ именнымъ указамъ, объявляемымъ «сильными персонами безъ подписанія нашея собственныя руки или всего нашего Верховнаго Тайнаго Совѣта» [4]).

Въ концѣ этого года и въ началѣ слѣдующаго 1727 года въ Верховномъ Т. Совѣтѣ шли оживленныя разсужденія объ облегченіи положенія крестьянъ. Для насъ они интересны потому, что Меншиковымъ было подано, вмѣстѣ съ другими дѣльцами Петровскаго времени, Остерманомъ и Макаровымъ, наиболѣе обстоятельное мнѣніе по этому вопросу. Положеніе крестьянъ изображено очень тяжелымъ, уже по одному тому, что «теперь надъ крестьянами десять и больше командировъ, изъ которыхъ иные не пастырями, а волками называться могутъ». Отъ тягостей крестьяне бѣжали въ Польшу, къ Башкирамъ, въ Запорожье, въ расколъ. «Если армія такъ нужна», говорятъ авторы проекта, затрогивая наиболѣе чувствительную струну, «что безъ нея государству стоять невозможно, то и о крестьянахъ надобно имѣть попеченіе; потому что солдатъ съ крестьяниномъ связанъ, какъ душа съ тѣломъ, и когда не будетъ крестьянина, не будетъ и солдата». Далѣе, для облегченія народа предлагалось уменьшить и отсрочить на время сборъ подушныхъ, уменьшить число сборщиковъ-офицеровъ, уничтожить лишнія должности, освободить торговлю отъ различныхъ стѣсненій, наконецъ распустить по домамъ и своимъ деревнямъ двѣ трети офицеровъ и солдатъ. Верховный Т. Совѣтъ принялъ значительную часть предложенныхъ мѣръ [1]).

XIII.

Принимая «гратификаціи» отъ Кампредона, Меншиковъ не отказывался и отъ денегъ, предложенныхъ ему Шведскимъ министромъ Цедеркрёйцемъ. За 5000 червонцевъ свѣтлѣйшій князь сообщалъ въ Швецію все, что происходило въ Верховномъ Совѣтѣ, при чемъ выговаривалъ себѣ на всякій случай, чтобы пріятельскія внушенія его не были забыты. Мудрено было бороться противъ союза Швеціи съ Ганновером даже такому искусному дипломату, какъ князь В. Л. Долгоруковъ, когда Меншиковъ успокаивалъ Швецію извѣстіями, что здоровье императрицы плохо, что Русскіе министры дѣйствуютъ только для виду, что на военныя угрозы не слѣдуетъ обращать вниманія, такъ какъ войска въ его рукахъ, и онъ не допуститъ войны [2]). Всего же ближе интересовалъ свѣтлѣйшаго теперь вопросъ о Курляндскомъ наслѣдствѣ, остававшійся нерѣшеннымъ съ 1711 года.

Въ виду преклонныхъ лѣтъ администратора, герцога Фердинанда, поднятъ вопросъ объ избраніи герцога. Въ кандидатахъ недостатка не было, хотя дѣло и усложнялось тѣмъ, что претенденты на Курляндскую корону должны были быть и женихами герцогини Анны Іоанновны. Наиболѣе виднымъ претендентомъ явился молодой и красивый Морицъ Саксонскій, побочный сынъ короля Августа. Онъ понравился Курляндцамъ, плѣнилъ и сердце вдовствующей некрасивой, рябоватой и уже

[1]) Филипповъ, „Исторія Сената“, 24—26; Соловьевъ XVШ, 287.
[2]) Филипповъ, 36—38; Соловьевъ, XVШ, 291.
[3]) Арсеньевъ, „Царств. Екатерины I“, Уч. Зап. II отд. Акад. Наукъ, кн. II, в. I, 174.
[4]) Филипповъ, 25 и 26; его же, „Къ вопросу о В. Т. Совѣтѣ“, 47; Соловьевъ, XVШ, 289.

[1]) Соловьевъ, XVIII, 293—296.
[2]) Тамъ же, XIX, 70—72.

немолодой герцогини. 18 Іюня сеймъ избралъ Морица. Избраніе это было противно интересамъ Россіи. Въ затруднительномъ положеніи Анна обратилась къ Меншикову съ просьбой убѣдить императрицу согласиться на ея бракъ съ Морицомъ. Однако оказалось, что это еще болѣе противно интересамъ самого свѣтлѣйшаго князя, уже лѣтъ 15 лелѣявшаго мысль сдѣлаться Курляндскимъ герцогомъ. «Но при Петрѣ Меншикову трудно было ставить свои личные интересы подлѣ государственныхъ, теперь же обстоятельства измѣнились» [1]). Пользуясь своимъ вліяніемъ на Екатерину, Меншиковъ убѣдилъ ее открыто высказаться за его кандидатуру, а въ случаѣ неудачи предложить герцога Голштинскаго, сына епископа Любскаго, за котораго въ такомъ случаѣ свѣтлѣйшій князь разсчитывалъ выдать свою дочь княжну Марію, несчастную невѣсту столькихъ завидныхъ жениховъ. Сеймъ, однако, разъѣхался уже; а маршалъ заявилъ кн. В. Л. Долгорукову, посланному впередъ, что избрать Меншикова нельзя, потому что онъ не Нѣмецкаго происхожденія и не Лютеранской вѣры; герцогъ же малолѣтній [2]). Пріѣхавшій вслѣдъ за дипломатомъ, въ сопровожденіи отряда кавалергардовъ [3]), у которыхъ Меншиковъ былъ въ то время капитанъ-поручикомъ, свѣтлѣйшій немедленно и энергично началъ дѣйствовать. Вдовствующей герцогинѣ онъ представилъ «резоны», что бракъ ея съ Морицомъ, какъ рожденнымъ отъ «метресы», для нея унизителенъ, самому Морицу объяснилъ всю безнадежность его желанія сдѣлаться Курляндскимъ герцогомъ, а маршалу Курляндскому и депутатамъ пригрозилъ Сибирью и введеніемъ 20.000 Русскаго войска.

Дѣйствія эти имѣли, однако, совершенно обратные результаты: герцогиня Анна уѣхала въ Петербургъ жаловаться на Меншикова; а Екатерина, встревоженная неосторожнымъ поступкомъ своего рейхсъ-маршала, приведшаго Курляндскія дѣла «въ великую конфузію», поспѣшила отозвать князя изъ Курляндіи: «Хотя вы пишете, чтобъ вамъ тамъ еще побыть, пока сеймъ кончится, и хотя это было бы недурно, однакожъ, и здѣсь вы надобны для совѣта; поэтому вамъ долго медлить тамъ нельзя, но возвращайтесь сюда» [4]). Въ засѣданіи Верховнаго Т. Совѣта 6 Августа рѣшено было, по повелѣнію императрицы, совершенно устранить кандидатуру князя Меншикова.

[1]) Соловьевъ, XIX, 70—72.

[2]) Соловьевъ, XIX, 37—43; Карновичъ, „Вмѣшательство Россіи въ избраніе Морица Сакс.“, Др. и Н. Россія, 1875 г., №№ 9 и 10.

[3]) Леф. арх., Прот. В. Колл., 1726 г., кн. Ш, лл. 129 и 139; Записки Нащокина, Р. Арх., 1883 г., IV; 262; Ист. Кавалерг.; I; 182—184.

[4]) Соловьевъ, XIX, 47.

Потерявъ надежду сдѣлаться герцогомъ и, кромѣ того, навлекши на себя неудовольствіе и холодность Екатерины, которая будто бы даже подписала указъ объ арестованіи князя по дорогѣ изъ Курляндіи, оставшійся безъ исполненія по просьбѣ герцога Голштинскаго [1]), Меншиковъ долженъ былъ подумать о будущемъ. Вопросъ о престолонаслѣдіи представлялъ значительныя затрудненія и для императрицы и не могъ не безпокоить ея. Можно было легко понять, что отстраненіе великаго князя Петра было почти невозможно и должно было повести къ осложненіямъ, могущимъ имѣть печальныя послѣдствія для ея дочерей. Наиболѣе проницательный изъ людей того времени, Остерманъ, указывая на возможность появленія, въ случаѣ устраненія Петра, какого-нибудь «бездѣльнаго, мизерабильнаго мужика подъ фальшивымъ именемъ», попытался придумать нѣмецки-остроумный способъ примирить интересы партій: женить 11-лѣтняго Петра на 17-лѣтней красавицѣ Елисаветѣ. Но доводы даровитаго дипломата, доказывавшаго, что такое супружество «натуральнымъ и божественнымъ законамъ отнюдь не противно», такъ какъ «въ началѣ, при сотвореніи міра, сестры и братья посягали, и чрезъ то только родъ человѣческій распложался», аргументъ этотъ былъ мало убѣдителенъ съ точки зрѣнія каноновъ православной церкви, да и самъ Остерманъ сознавалъ непрочность такого брака [2]). Меншикову не было теперь особеннаго интереса поддерживать дочерей Екатерины: возлѣ Анны Петровны стоялъ ея супругъ, на котораго имѣлъ вліяніе Бассевичъ; у Елисаветы былъ женихъ. На помощь явился Цесарскій посолъ гр. Рабутинъ, указавшій Меншикову на возможность выдать его дочь за великаго князя и, поддерживая кандидатуру, сдѣлаться тестемъ императора. Воспользовавшись тѣмъ, что графъ Сапѣга, женихъ княжны Маріи, былъ взятъ императрицею съ цѣлью женить его на своей племянницѣ, а пока эта послѣдняя еще пользовалась руководствомъ гувернантки, оставленъ при самой императрицѣ для особыхъ порученій, свѣтлѣйшій князь убѣдилъ Екатерину дать согласіе на бракъ великаго князя съ его 16-лѣтней дочерью. Старые союзники Меншикова отшатнулись отъ него. Цесаревны надѣялись упросить императрицу взять назадъ свое согласіе, а герцогъ Голштинскій—получить званіе генералиссимуса или Военную коллегію: «Я бы тогда силенъ былъ въ войскѣ и ея величеству вѣренъ» [3]). Но чина генералиссимуса, который такъ хотѣлось имѣть и Меншикову, герцогъ не получилъ; дѣло можно было считать

[1]) Б.-Каменскій, „Дѣянія“, I, 112; Арсеньевъ. „Царств. Екатерины I“; въ Учен. Зап. II Отд. Ак. Наукъ, т. II, в. I, 214, 217 и 218.

[2]) Соловьевъ, XIX, 80 и 81.

[3]) Тамъ же, 90, 91, III.

рѣшеннымъ, такъ что свѣтлѣйшій князь съ обычнымъ своимъ тщеславіемъ началъ «въ своемъ домѣ придворные чины употреблять, какъ имперскимъ князьямъ принадлежитъ» [1]). Между тѣмъ противники великаго князя не сходились въ вопросѣ, чью кандидатуру имъ поддерживать. Толстой былъ за Елисавету, предлагая отправить Петра въ чужіе края поучиться; Бутурлинъ, «старый мужикъ», небойкаго ума, лично оскорбленный Меншиковымъ, отнявшимъ у него команду, ворчалъ: «И откуда онъ власть такую взялъ! Меншиковъ не знаетъ съ кѣмъ знаться; хотя кн. Дмитрій Михайловичъ (Голицынъ) манитъ или льститъ, не думалъ бы, что онъ ему вѣренъ»; но Бутурлинъ не былъ способенъ къ активной дѣятельности. Впрочемъ, онъ стоялъ за Анну Петровну, которую считалъ «нравомъ изрядной, умильной и пріемной и умъ превеликій, много на отца похожа, и человѣчествомъ изрядной» [2]) Ее же готовъ поддерживать и зять Меншикова гр. Девіеръ, мѣтившій въ Верховный Совѣтъ и, главное, старавшійся воспрепятствовать браку Петра съ племянницей, опасаясь еще бо́льшаго могущества своего всесильнаго шурина, отношенія съ которымъ у него въ концѣ испортились послѣ посылки въ Курляндію, когда Девіеръ неодобрительно отозвался о дѣйствіяхъ князя въ Курляндіи. За то Девіеръ же своей неосторожностью далъ Меншикову удобный случай отдѣлаться сразу отъ всѣхъ своихъ враговъ.

Въ Апрѣлѣ Екатерина заболѣла горячкой, осложнившейся воспаленіемъ легкихъ. 16 Апрѣля, «во время прежестокой болѣзни параксизмуса», когда, по выраженію офиціальнаго документа, «всѣ доброжелательные подданные были въ превеликой печали», Девіеръ позволилъ себѣ неприличное поведеніе во дворцѣ; онъ «не только не былъ въ печали, но и веселился: вертѣлъ, вмѣсто танца, плачущую Софью Карлусовну» (Скавронскую), не вставалъ и не отдавалъ «должнаго рабскаго респекта» цесаревнамъ, Аннѣ Петровнѣ посовѣтовалъ съ горя выпить рюмку вина, великаго князя поддразнивалъ, говоря, что будетъ ухаживать за его женой, а Петръ будетъ его ревновать, и т. п. Видя непристойное поведеніе Девіера, князь Меншиковъ увелъ изъ комнаты великую княжну Наталію, говоря, чтобы она «была всегда при матушкѣ (Екатеринѣ) съ нимъ, свѣтлѣйшимъ княземъ, вмѣстѣ» [3]). Поступокъ Девіера погубилъ и всѣхъ его товарищей. За нѣсколько часовъ до смерти Екатериной былъ утвержденъ приговоръ, которымъ Девіеръ, по наказаніи кнутомъ, и Скорняковъ-Писаревъ сосылались въ Сибирь, Толстой—въ Соловки, остальные—по деревнямъ и въ полевые полки, а изданный 27 Мая манифестъ съ замѣчательной откровенностью выставилъ дѣйствительныя причины гибели Толстого и его сообщниковъ. Они обвинялись въ томъ, что: 1) стали «вымышлять злые способы, какимъ бы образомъ насъ не токмо до законнаго наслѣдованія не допустить, но и отъ отечества въ чужіе края отлучить, и избирали наслѣдника», и 2) «тщились отвратить высокоматернее попеченіе о сватовствѣ нашемъ на принцессѣ Меншиковой, а умышляя страшать, яко бы ея величеству изъ того нѣкоторыя опасности произойти могутъ» [1]). Герцогъ Голштинскій, видя, что дѣло его проиграно, постарался заранѣе сойтись съ Меншиковымъ. Старый пріятель Бассевичъ «съ умиленіемъ» говорилъ князю, что цесаревны, вѣдь, дочери Петра, которому онъ обязанъ всѣмъ своимъ счастьемъ. Меншиковъ умилился и согласился выдать цесаревнамъ по милліону рублей, но съ тѣмъ, чтобъ съ каждаго милліона въ его пользу отдано было по 80 тысячъ. «Тестаментъ» Екатерины, какъ говорятъ, составленный Бассевичемъ и подписанный Елисаветою, назначалъ «сукцессоромъ» великаго князя Петра, опредѣлялъ дальнѣйшій порядокъ престолонаслѣдія, назначалъ «администрацію» до совершеннолѣтія императора и подтверждалъ обязательство императора жениться на одной изъ княженъ Меншиковыхъ [2]).

XIV.

6 Мая 1727 г. Екатерины не стало [3]). По 6-му пункту «тестамента» опредѣлялось «множествомъ голосовъ вершить всегда, и никто одинъ повелѣвать не имѣетъ и не можетъ»; но ясно было, что дѣйствительнымъ правителемъ по смерти Екатерины будетъ нареченный тесть императора. Подъ предлогомъ надзора за воспитаніемъ, Меншиковъ перевезъ Петра II въ свой домъ на Васильевскомъ островѣ, который тогда же былъ переименованъ въ Преображенскій [4]). Неудобныя персоны были постепенно отстранены: неуживчивый Ягужинскій, не смотря на просьбы гр. Головкина и самого государя, удаленъ въ Украйну; бар. Шафировъ, теперь президентъ Коммерцъ-Коллегіи, посланъ въ Архангельскъ, устраивать китоловную компанію [5]), какъ опытный въ этомъ дѣлѣ; учитель Петра Зенкинъ высланъ за границу, камергеръ Мавринъ и инженеръ Ганнибалъ усланы въ Сибирскіе города съ

[1]) Письма Девіера, Р. Арх., 1865 г., 317.
[2]) Соловьевъ, XIX, 90.
[3]) Соловьевъ, XIX, 92 и 93; Арсеньевъ, „Царств. Екатерины I“, 244—251.

[1]) П. С. Зак., VII, № 5084.
[2]) П. Собр. Зак., VII, № 5070; Соловьевъ, XIX, 95—97.
[3]) О болѣзни Екатерины, по описанію Бюментроста, см. Арсеньева, 251.
[4]) 20 Мая (П. Собр. Зак., VII, № 5071).
[5]) Соловьевъ, XIX, 105 и 106.

почетными порученіями. Идеализированный геніальнымъ потомкомъ «Арабъ Петра Великаго» обратился къ «прегордому Голіаѳу» съ униженнымъ письмомъ, характеризующимъ какъ раболѣпство писавшаго, такъ и высокомѣріе адресата. «Не погуби мя до конца, имене твоего ради, и кого давить такому превысокому лицу, такого гада и самая послѣдняя креатура на земли, котораго червя и трава можетъ сего свѣта лишить: нищъ, сиръ, беззаступенъ, иностранецъ, нагъ, босъ, алченъ и жажденъ. Помилуй, заступникъ и отецъ, защититель вдовицамъ и сиротамъ» [1]).

Безграмотный Меншиковъ хорошо сознавалъ, однако, необходимость для императора продолжать образованіе и поэтому ввѣрилъ воспитаніе Петра со званіемъ оберъ-гофмейстера Остерману, въ которомъ Меншиковъ видѣлъ преданнаго себѣ человѣка. Мы сказали бы, что выборъ былъ очень удаченъ, если бы не знали, что этотъ образованный, даровитый и способный человѣкъ былъ черезчуръ гибкимъ царедворцемъ, ставившимъ выше всего свои личные интересы. Отдѣлавшись отъ своихъ худородныхъ союзниковъ, Меншиковъ думалъ сблизиться съ родовитыми фамиліями. Самолюбіе его было удовлетворено: самый видный представитель знати кн. Д. М. Голицынъ «ласкалъ» его; князья Долгоруковы писали ему униженныя письма и за то получили возможность многочисленной толпой наполнить дворъ и окружить тронъ. Свѣтлѣйшій князь разсчитывалъ на ихъ признательность; счастье, всеобщее преклоненіе, безпрекословное повиновеніе усыпили подозрительность Меншикова и сдѣлали его неосторожнымъ и безпечнымъ. Изъ вице-адмираловъ князь сдѣланъ адмираломъ, а 13 Мая получилъ давно желанное званіе генералиссимуса; сынъ его Александръ сдѣланъ оберъ-камергеромъ и получилъ орденъ Андрея Первозваннаго; дочери и В. М. Арсеньева орденъ св. Екатерины I класса [2]). 25 Мая совершено было обрученіе малолѣтняго Петра съ княжной Маріей, для которой тотчасъ же учрежденъ особый придворный штатъ, съ отпускомъ на содержаніе его ежегодно по 34,000 рублей. Имя невѣсты, съ титуломъ великой княжны, должно было возноситься за богослуженіями... Меншиковъ былъ вполнѣ самодержавенъ: Верховный Тайный Совѣтъ, Синодъ и Сенатъ исполняли его волю. Петръ былъ въ Совѣтѣ всего два раза; не чаще бывали и свѣтлѣйшій князь съ Остерманомъ, предпочитая посылать приказанія изъ дому [3]).

Положеніе правительства, руководимаго Меншиковымъ, было не изъ легкихъ. Императоръ былъ внукъ Петра В. и сынъ царевича Алексѣя. Первый всю жизнь посвятилъ любимому дѣлу, второй погибъ упорнымъ противникомъ этого дѣла; Петру II одинаково близки эти два человѣка съ столь несходными характерами, діаметрально противоположными вкусами и стремленіями... Эта двойственность замѣчается и въ дѣйствіяхъ правительства. Бабушку императора, инокиню Елену, освободили изъ Шлиссельбургской крѣпости и помѣстили въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. 26 Іюля Верховный Т. Совѣтъ распорядился отобрать всюду манифесты по дѣлу царевича, а также манифестъ 1718 года и законъ 1722 года о престолонаслѣдіи. Непопулярный въ Малороссіи владѣтель Батурина и Почепа, закабалившій казаковъ, Меншиковъ, стараясь пріобрѣсти благодарность и расположеніе малороссіянъ, уничтожилъ Малороссійскую коллегію и разрѣшилъ избрать гетмана, и этимъ отступилъ отъ политики Петра [1]). Но въ другихъ случаяхъ нельзя не замѣтить со стороны правительства тенденціи продолжать дѣло Петра В., при чемъ даже прямо выставляются мотивомъ «указы дѣда нашего». Петербургъ является предметомъ правительственныхъ заботъ Меншикова: проводятся каналы на островахъ, раздаются земли по Фонтанкѣ подъ загородные дворы; на «бывшій не въ авантажѣ» Ладожскій каналъ, дѣтище Петра, отпускается 10,000 рублей, для окончанія его отдаются «въ диспозицію» Миниха таможенные и кабацкіе сборы, самъ Минихъ получаетъ 5000 рублей [2]).

Между тѣмъ Меншиковъ старается отдалить отъ Петра всѣхъ тѣхъ, въ комъ можетъ заподозрить враждебное къ себѣ отношеніе. Герцогъ Голштинскій съ супругой долженъ удалиться за границу; Аннѣ Іоанновнѣ, герцогинѣ Курляндской, не разрѣшается пріѣхать въ Петербургъ; Елисавета, передъ тѣмъ лишившаяся жениха, остается одна. Этими неосторожными поступками Меншиковъ наживаетъ себѣ нѣсколько лишнихъ и сильныхъ враговъ. Петръ II находился пока еще вполнѣ во власти будущаго тестя; онъ еще раньше привыкъ видѣть его высокое положеніе, привыкъ его слушаться; но самъ Меншиковъ не былъ дальновиденъ. Онъ продолжалъ попрежнему смотрѣть на императора только какъ на мальчика, которому нужно еще учиться, котораго не слѣдуетъ баловать; онъ считалъ лишнимъ заслужить его любовь и расположеніе, забывая, что объ этомъ позаботятся другіе, оставивъ на долю свѣтлѣйшаго одно враждебное чувство и нерасположеніе. Меншиковъ забылъ при этомъ, что онъ силенъ не своей собственной силой, а именно слабостью этого мальчика-государя, добровольно под-

[1]) Соловьевъ, XIX, 109.
[2]) Б.-Каменскій, „Дѣянія“, I, 110.
[3]) Филипповъ, „Исторія Сената“, 79, 50 и 51; Соловьевъ, XIX, 113.

[1]) Костомаровъ, II, 323; Соловьевъ, XIX, 130—132.
[2]) П. Собр. Зак., VII, №№ 5129, 5140; Соловьевъ XIX, 101.

чинявшагося его волѣ, и до тѣхъ поръ, пока онъ не почувствуетъ самъ или не укажутъ ему другіе на то, что Меншиковъ распоряжается имъ, не имѣя на то никакого права.

Остерманъ сослужилъ князю очень дурную службу: ему обязанъ былъ Меншиковъ тѣмъ, что въ душѣ Петра постепенно крѣпко озлобленіе противъ него. Немало содѣйствовали этому и двѣ близкія и любимыя Петромъ женщины: великая княжна Наталія, чахоточная, развитая выше своихъ лѣтъ, умная и серіозная, не выносившая Меншикова и поклявшаяся, что нога ея не будетъ въ его домѣ (можетъ быть, она знала замыслы свѣтлѣйшаго выдать ее замужъ за своего сына) и тетка государя, веселая, беззаботная красавица Елисавета. Обѣ онѣ старались подѣйствовать на самолюбіе мальчика-императора, указывая ему, что князь не оказываетъ ему, своему государю, должной почтительности. Есть извѣстіе, что Петръ, въ досадѣ противъ отца, мстилъ сыну, своему оберъ-камергеру, и билъ его до того, что тотъ кричалъ и молилъ о пощадѣ [1]). Но если это удовлетворяло мальчика, то для взрослыхъ, конечно, нужно было совсѣмъ другое. Случай помогъ слабому мальчику выйти изъ подчиненія сильному характеру тяжелаго человѣка. Въ началѣ Августа произошелъ тотъ черезчуръ извѣстный случай съ 9000 червонцами, которые Петръ послалъ въ подарокъ сестрѣ, а Меншиковъ велѣлъ отнести къ себѣ, когда юный императоръ впервыя далъ почувствовать оторопѣвшему Меншикову, что власть его начинаетъ колебаться. На оправданіе князя, что казна истощена, что деньги могутъ быть употреблены съ пользой, и что, если угодно, онъ можетъ изъ собственныхъ денегъ дать 100,000 рублей, Петръ, топнувъ ногой, закричалъ: «Я тебя научу знать, что я императоръ, и хочу, чтобъ меня слушали» [2]). Труденъ былъ первый шагъ, но онъ былъ сдѣланъ; государь почувствовалъ свою силу; онъ не могъ не видѣть, что самъ надменный свѣтлѣйшій князь теперь слѣдовалъ за нимъ, смиренно выпрашивая себѣ прощеніе, готовый повиноваться. Вскорѣ Меншиковъ сдѣлалъ новый безтактный поступокъ, отнявъ у великой княжны Наталіи подаренные ей братомъ 500 червонцевъ. Между тѣмъ событія быстро идутъ впередъ. На бѣду Меншиковъ заболѣваетъ, у него открылась старая его болѣзнь, кровохарканіе. Онъ собирается умирать и пишетъ наставленіе императору, указываетъ на его обязанности въ отношеніи къ Россіи, «этой недостроенной машинѣ»; а Петръ весело проводитъ время, ѣздитъ на охоту, бросилъ учебныя занятія и чувствуетъ себя какъ нельзя лучше.

[1]) Костомаровъ, II, 325.
[2]) Соловьевъ, XIX, 136.

Въ день именинъ великой княжны (26 Авг.) Меншиковъ могъ уже видѣть, что вліяніе его прошло безвозвратно. Петръ не отвѣчаетъ на поклоны князя, оборачивается къ нему спиной, когда тотъ пробуетъ заговорить съ нимъ и, бравируя этимъ, говоритъ одному изъ придворныхъ: «Смотрите, развѣ я не начинаю его вразумлять?» Офиціальное положеніе князя остается прежнимъ, и ничто не даетъ повода предполагать скораго его паденія; издается даже указъ, которымъ предписывается исполнять всѣ словесныя и письменныя распоряженія Меншикова, какъ это было раньше при Петрѣ I; но за то 3 Сентября государь отказался быть у князя въ Ораніенбаумѣ на освященіи церкви, можетъ быть, потому что князь не нашелъ нужнымъ пригласить цесаревну Елисавету [1]). Донесено было и, конечно, въ непріятномъ для юнаго монарха видѣ, что во время освященія Меншиковъ дерзко занялъ мѣсто, приготовленное для государя. Князь искалъ случая объясниться и не находилъ, враги считали это опаснымъ: мальчикъ все еще могъ опять подчиниться вліянію Меншикова. Великая княжна Наталія прыгаетъ въ окно, чтобы избѣжать встрѣчи съ княземъ. За то Меншиковъ успѣлъ крупно поговорить съ Остерманомъ, двуличную роль котораго онъ теперь только разглядѣлъ. Остерманъ теперь замѣтная величина; главное, онъ авторитетъ въ глазахъ великой княжны, поэтому на угрозы свѣтлѣйшаго его колесовать смѣло отвѣчаетъ, что его колесовать не за что, но что онъ знаетъ человѣка, который можетъ быть колесованъ. Разговоръ этотъ не остался безъ послѣдствій. Велѣно было въ три дня приготовить Лѣтній дворецъ къ переѣзду туда государя [2]), а 8 Сентября утромъ явился къ Меншикову генералъ-лейтенантъ Салтыковъ и объявилъ домашній арестъ. Съ самимъ княземъ сдѣлался обморокъ, а княгиня Дарія Михайловна съ сыномъ и В. М. Арсеньевой поспѣшили во дворецъ и на колѣняхъ умоляли Петра о прощеніи князя; но онъ не обратилъ вниманія на ихъ просьбы [3]). На сколько самъ князь успѣлъ заслужить общую ненависть, на столько всѣ жалѣли его достойную жену.

Меншиковъ сдѣлалъ послѣднюю попытку: написалъ письмо императору, въ которомъ просилъ «для старости и болѣзни отъ всѣхъ дѣлъ уволить», освободить отъ ареста, и обѣщалъ «вѣрность содержать даже до гроба» [4]). Но и это не помогло. На слѣдующій день Петръ прибылъ въ Верховный Т. Совѣтъ, такъ рѣдко имъ посѣщаемый, вы-

[1]) Соловьевъ, XIX, 138.
[2]) Тамъ же, 140, 139.
[3]) Михневичъ, Ист. Вѣстн., 1898 г., I, 199.
[4]) Б.-Каменскій, „Дѣянія", I, 122 и 123.

слушалъ докладъ по дѣлу Меншикова и затѣмъ «въ своихъ покояхъ подписать соизволилъ указъ», которымъ князь лишался всѣхъ своихъ должностей, чиновъ и кавалерій и ссылался въ Нижегородскія его деревни, «а имѣнію его быть за нимъ», гласилъ указъ [1]). Затѣмъ, по просьбѣ Меншикова, ему разрѣшено было отправиться въ Оранiенбургъ (г. Раненбургъ Ряз. губ.), при чемъ позволено было взять съ собой жившихъ у него лѣтъ 20 Шведовъ «дохтура и лѣкаря». Лицамъ, входившимъ въ составъ двора бывшей царской невѣсты, предоставлена была полная свобода ѣхать за нею или оставаться. 11 Сентября громадный поѣздъ, состоявшій изъ 4 каретъ и множества разнообразныхъ экипажей, конвоируемый отрядомъ въ 120 ч., увозилъ Меншикова съ семьей и многочисленной прислугой изъ столицы, которая была ему столькимъ обязана, чтобы больше никогда уже не вернуться въ «парадизъ» Петра Великаго.

Говорятъ, что пышность выѣзда Меншикова была истолкована въ дурную сторону и повредила ему [2]), но едва ли это имѣло какое-нибудь значеніе. Если въ 1711 году Юстъ Юль имѣлъ основаніе написать, что «Меншикова всѣ ненавидятъ, и у него такъ мало друзей; да и есть ли они у него?», то къ 1727 году число его враговъ увеличилось во много разъ. Радость по поводу паденія Меншикова была всеобщею: «погибла суетная слава прегордаго Голіаѳа», «тиранія, ярость помѣшаннаго человѣка разрѣшилась въ дымъ». Забывъ о своихъ панегирикахъ и «предикахъ», въ которыхъ называлъ когда-то князя «зѣло славимымъ» [3]), краснорѣчивый витія Ѳеофанъ Прокоповичъ не удержался, чтобы не сказать нѣсколько ѣдкихъ словъ по адресу павшаго временщика въ поздравительномъ письмѣ къ Аннѣ Петровнѣ: «Этотъ колоссъ изъ Пигмея, возведенный почти до царственнаго состоянія рукою родителей вашихъ, наглый человѣкъ показалъ примѣръ неблагодарной души»... Въ Килѣ также радовались. «Что изволите писать о князѣ», говоритъ герцогиня Анна въ письмѣ къ сестрѣ Елисаветѣ, «что его сослали, и у насъ такая же печаль сдѣ-

[1]) Филипповъ, „Исторія Сената“, 51; Есиповъ, „Ссылка кн. Меншикова“, Отеч. Зап., 1860 г., № 8, 394. Имѣніе это, не считая брилліантовъ, драгоцѣнныхъ каменьевъ и прочей движимости, въ общихъ чертахъ выражалось въ слѣдующихъ цифрахъ: города Ораніенбаумъ, Ямбургъ, Копорье, Раненбургъ, Почепъ и Батуринъ, 90 т. душъ крестьянъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, имѣніе Рѣчень, полученное отъ Прусскаго короля и герцогство Козельское отъ императора; 4 м. руб. наличнаго капитала, 9 м. руб. въ Амстердамскомъ и Лондонскомъ банкахъ; можно еще прибавить—105 пудовъ золотой и серебряной посуды и проч. (Карновичъ, „Замѣчат. богатства частн. лицъ въ Россіи“ 87, 157 и 158).

[2]) Соловьевъ, XIX, 143.

[3]) Голиковъ, „Дополненія“, XVI, 107.

лалась объ немъ, какъ у васъ». Изъ Новодѣвичьяго монастыря, изъ Москвы жалуется бабка государя, инокиня Елена: «и такъ меня свѣтлѣйшій князь 30 лѣтъ крутилъ» [1]).

Уже по одному этому ликованію можно было думать, что Меншикова не оставятъ въ покоѣ. Не успѣлъ онъ доѣхать до Ораніенбурга, какъ были отобраны «кавалеріи» у его дѣтей и у гофмейстера бывшей царской невѣсты Арсеньева, а Варвару Арсеньеву, которой опасались болѣе другихъ, приказано было отправить въ Александровъ монастырь. Въ Ораніенбургѣ Меншиковъ надѣялся пожить на покоѣ, пользуясь плодами своихъ нажитыхъ всѣми правдами и неправдами богатствъ. Но самъ свѣтлѣйшій князь былъ слишкомъ опасенъ, чтобы его могли оставить такъ близко, а богатства его составляли такой лакомый кусокъ, раздѣлить который между собой нашлось немало охотниковъ. Начали раскапывать старыя дѣла, давніе начеты, забытыя взятки [2]), дѣлали попытки обвинить его въ государственной измѣнѣ; но всего болѣе повредилъ Меншикову, какъ это часто бываетъ, кто-то изъ его доброжелателей, подкинувъ 27 Марта къ Спасскимъ воротамъ въ Кремлѣ письмо въ пользу князя. Заподозрили В. М. Арсеньеву и постригли въ Бѣлозерскомъ Сорскомъ монастырѣ; а 9 Апрѣля состоялся указъ 1723.
Верховнаго Т. Совѣта о ссылкѣ Меншикова съ семействомъ въ Березовъ; многочисленныя имѣнія князя и колоссальныя богатства его велѣно было конфисковать подъ предлогомъ покрытія разныхъ начетовъ и недоимокъ. Дѣтямъ князя оставлено по 10 т. руб. и по нѣскольку деревень.

XV.

Въ 1066 верстахъ отъ Тобольска, на берегу р. Сосвы, среди дремучей тайги и пустынныхъ тундръ отдаленнаго Сѣвера, заброшенъ маленькій городокъ Березовъ. Унылая природа бываетъ облечена въ снѣжный саванъ въ теченіи 8 мѣсяцевъ, отъ холода захватываетъ дыханіе, земля и ледъ отъ морозовъ даютъ трещины, безмолвіе пустыни царствуетъ въ полутемномъ, занесенномъ снѣгомъ городкѣ. Сюда-то привезенъ былъ въ Августѣ 1728 года князь Меншиковъ съ сыномъ, двумя дочерьми и нѣсколькими слугами. Княгиня Дарья Михайловна, ослѣпшая отъ слезъ, не доѣхавъ до мѣста ссылки, умерла 10 Мая, не далеко отъ Казани. Ссыльные помѣщены были въ острогѣ, низкомъ, длинномъ деревянномъ зданіи, состоявшемъ изъ четырехъ комнатъ.

[1]) Соловьевъ, XIX, 144, 167, 154.

[2]) Высчитывали, что Меншиковымъ самовольно взято: изъ Военной Коллегіи 10 т. руб., изъ Московской рентереи 53.679 руб., изъ Рижской—1000 ефимковъ; изъ дворцовыхъ кладовыхъ взято всякихъ запасовъ на 13.164 руб. и т. п.

Несчастіе произвело сильный нравственный переломъ въ Меншиковѣ. Гордый, жестокій, надменный, властолюбивый и порочный въ дни могущества, въ ссылкѣ онъ явилъ образецъ христіанскаго смиренія, такъ что мѣстное преданіе сохранило о немъ память, какъ о праведникѣ. Меншиковъ велъ записки о своей богатой событіями прошлой жизни (утраченныя), любилъ также побесѣдовать съ мѣстными жителями запросто. «Вотъ ты сидишь теперь со мной рядомъ», говаривалъ онъ Березовскому сторожилу Бажанову, «а прежде вельможи, принцы и князья всячески добивались попасть ко мнѣ во дворецъ и каждое слово мое считали особой милостію»... И Меншиковъ нисколько не преувеличивалъ. Со времени стрѣлецкаго розыска въ застѣнкахъ Преображенскаго мы ни разу не встрѣчаемъ Меншикова, въ теченіи всей его жизни, съ топоромъ въ рукахъ; но здѣсь, въ Березовѣ, ему пришлось вспомнить знанія, пріобрѣтенныя на Остъ-Индскомъ дворѣ въ Голландіи. На остатки отъ своего содержанія онъ построилъ церковь Рождества Пресвятой Богородицы съ придѣломъ Св. Иліи, при чемъ самъ работалъ топоромъ [1]).

12 Ноября 1729 года Меншиковъ скончался [2]) и былъ погребенъ близъ алтаря построенной имъ церкви. Вскорѣ послѣ отца, 26 Декабря 1729 года, скончалась и несчастная царская невѣста, княжна Марія, которая принадлежала къ тѣмъ тихимъ, кроткимъ и простымъ женскимъ натурамъ, которыя умѣютъ только любить и страдать, которыя какъ бы созданы для семейныхъ радостей, заботъ и печалей домашней жизни. И характеромъ, и лицомъ она очень напоминала свою мать [3]). Мѣстное преданіе разсказываетъ, будто вслѣдъ за Меншиковыми пріѣхалъ въ Березовъ молодой князь Θ. Долгоруковъ, любившій княжну Марію, и обвѣнчался съ нею; будто, черезъ годъ, княгиня Долгорукова скончалась родами двухъ близнецовъ и была похоронена вмѣстѣ съ дѣтьми въ одной могилѣ недалеко отъ Спасской церкви, на крутомъ берегу р. Сосвы [4]).

Другія дѣти Меншикова были возвращены изъ ссылки въ 1730 году и получили часть имѣній отца. Ихъ было двое: князь Александръ Александровичъ (род. 1714 году † 27 Нояб. 1764 г.) и княжна Александра Александровна (род. 1712 г. † 13 Окт. 1736 г.). До ссылки

[1]) Шубинскій, „Очерки и разсказы“, 2 изд., 129 и 130. Что касается до главнаго престола, то, очевидно, Меншиковъ построилъ его въ память дня указа о своей ссылкѣ (8 Сентября); почему при церкви устроенъ имъ придѣлъ Иліи, намъ неизвѣстно.

[2]) „Отъ умноженія и загустѣнія крови“, какъ сказано въ его біографіи 1809 года.

[3]) Михневичъ, Ист. Вѣстн., 1898 г., I, 205.

[4]) Шубинскій, 136. Михневичъ не вѣритъ этому разсказу и доказываетъ всю неправдоподобность этой „сказки“ (Ист. Вѣстн., 1898 г., I, 209).

князь Александръ былъ оберъ-камергеромъ и кавалеромъ ордена св. Андрея и единственный изъ мужчинъ имѣлъ орденъ св. Екатерины I ст. (получилъ его 5 Янв. 1727 г.) [1]); позднѣе онъ дослужился до чина генералъ-аншефа и имѣлъ орденъ св. Александра Невскаго. Княжна Александра Александровна была замужемъ за Густавомъ Бирономъ [2]), братомъ бывшаго регента.

Остается еще сказать два слова о посмертномъ эпизодѣ, имѣющемъ отношеніе къ біографіи А. Д. Меншикова. 95 лѣтъ спустя по смерти его, въ Тобольскѣ губернаторомъ былъ извѣстный историкъ и біографъ свѣтлѣйшаго князя Д. Н. Бантышъ-Каменскій. По его желанію, мѣстный городничій долженъ былъ отыскать могилу «знаменитаго любимца Петра»; но городничій простеръ свое усердіе дальше: въ жаркій Іюльскій день онъ разрылъ могилу, указанную ему старожилами, и въ ней вмѣстѣ съ двумя маленькими гробиками нашелъ большую колоду изъ кедра, въ сажень длины. Вскрывши гробъ, въ немъ нашли совершенно сохранившагося покрытаго слоемъ льда покойника. Отъ соприкосновенія съ воздухомъ лицо почернѣло, сукно и одежда частью перемѣнили свой цвѣтъ, частью подверглись тлѣнію. Чрезъ $1^1/_2$ года посѣтилъ Березовъ самъ Б.-Каменскій. Страстное желаніе найти могилу Меншикова заставило любопытнаго историка увидѣть въ почернѣвшихъ чертахъ покойника поразительное сходство съ портретомъ князя; сильное увлеченіе заставило забыть и совершенно-женскій костюмъ вскрытаго покойника, и его малый ростъ, и отсутствіе бороды, которую, по преданію, носилъ Меншиковъ въ ссылкѣ. Б.-Каменскій взялъ нѣсколько вещицъ и отослалъ ихъ потомкамъ князя [3]). «Археологическая выходка» не въ мѣру пытливаго историка принесла ему немало огорченій; онъ получилъ высочайшее замѣчаніе, что «любопытство его было по крайней мѣрѣ неумѣстно» [4]). Онъ былъ бы еще больше огорченъ, если бы могъ узнать, что 17 лѣтъ спустя (уже по смерти его) мѣстный изслѣдователь Березовскаго края докажетъ, что могила, разрытая по его желанію, во всякомъ случаѣ хранила въ себѣ останки не Меншикова [5]).

А. Голомбіевскій.

[1]) У Арсеньева, 219,—5 Февраля 1727 г.

[2]) Долгоруковъ, Родословная книга, II, 47; Б.-Каменскій, „Дѣянія“, I, 128.

[3]) Зап. Б.-Каменскаго. „Шемякинъ судъ XIX в.“, Р. Стар., 1873 г., VII, 744 и 745.

[4]) Тамъ же, 762. Письмо Марлинскаго къ К. Полевому, Р. Арх., 1874 г., 8.

[5]) Шубинскій, 134 и 135; Михневичъ, Ист. Вѣстн., 1898 г., I, 209 и 210.